

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Caucasian Science Bridge

2022 Vol. 5 № 4 (18)

Журнал «Caucasian Science Bridge»

является периодическим печатным изданием, публикующим оригинальные научные статьи по социологическим наукам

Журнал включен в перечень **ВАК МНУВО РФ** рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал принимает научные материалы по следующим научным специальностям: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.6. Социология культуры (социологические науки), 5.4.7. Социология управления (социологические науки).

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным проблемам социологической науки в области теории, методологии и истории социологии; результатам социологических исследований в экономической, политической и социокультурной сферах жизнедеятельности как российского общества, так и других государств современного мира. Особое значение в деятельности журнала отводится исследованиям такого крупного макрорегиона, как Большой Кавказ, включающий Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион.

Миссия журнала связана с созданием в его границах интеллектуальной и дискуссионной площадки для обсуждения актуальных проблем современной реальности и вовлечения молодых исследователей в социологическую науку.

Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет. Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal "Caucasian Science Bridge"

is a periodical printed publication which publishes original scientific articles in Sociological Sciences

«Caucasian Science Bridge» journal is included in the list of **the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation** of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science and for the degree of Doctor of Science should be published.

Editors of the journal accept materials in the following scientific specialties: 5.4.4. Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.6. Sociology of culture (sociological sciences), 5.4.7. Sociology of management (sociological sciences).

The journal accepts for publication articles on topical problems of sociological science in the field of theory, methodology and history of sociology; the results of sociological research in the economic, political and socio-cultural spheres of life of both Russian society and other countries of modern world. Particular importance in activities of the journal is given to studies of such a large macro-region as the Greater Caucasus, which includes Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region.

Mission of the journal is connected with creation of an intellectual and discussion platform for discussing topical issues of modern reality within its boundaries and involving young researchers in sociological science.

The journal is based on the model of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years. Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University; FUND FOR SCIENCE AND EDUCATION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the "Archives" (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attribution – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly (4 times per year).

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge.

Сдано в набор 30.11.2022. Подписано в печать ????. Выход в свет 26.12.2022.

Печать цифровая, гарнитура Cambria.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. &&&&. Тираж 550 экз. Заказ № &&&&.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции

Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.

344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.

Главный редактор:

Дятлов Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,

Заместитель главного редактора:

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, профессор;
Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный
федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Бобкова Елена Михайловна – доктор социологических наук, профессор,
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор; Южный феде-
ральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гетова Антоанета Георгиева – доктор социологии, Софийский университет
Св. Климента, г. София, Болгария.

Леон Даниэль – доктор философских наук, научный сотрудник отдела междуна-
родных отношений, Университет Грайфсвальда, г. Грайфсвальд, Германия.

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва, Россия

Пруель Николай Александрович – доктор социологических наук, профессор;
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный
федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, Санк-
Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Стойка Петрова Пенкова – доктор социологических наук, доцент; Пловдивский
университет имени Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария

Сухомлинова Марина Валерьяновна – доктор социологических наук, США,
Вирджиния, г. Аннандейл, Международный языковой центр «ESZETT»

Даниела Коцева – доктор социологических наук, доцент; университет «Гоце
Делчев» – Штип, Северная Македония.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор; Южно-
Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна – доктор социологических наук, доцент,
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов

Илеуова Гульмира Токшалыковна – доктор экономических наук, кандидат со-
циологических наук, Президент Центра социальных и политических исследований
«Стратегия», г. Алматы, Казахстан

Клименко Людмила Владиславовна – доктор социологических наук, профессор;
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, Южный
федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук,
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия

Янкина Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, доцент; Таганрогский
институт управления и экономики, г. Таганрог, Россия.

CAUCASIAN SCIENCE BRIDGE

Chief Editor:

Dyatlov Alexander Victorovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Deputy Chief Editor:

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor; Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bedrik Andrei Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Bobkova Elena Mikhailovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Shevchenko Transnistria State University, Tiraspol, Moldova

Volkov Yuriy Grigorevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Getova Antoaneta Georgieva – Doctor of Sociological Sciences, Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Sofia, Bulgaria.

Leon Daniel – Doctor of Philosophical Sciences, research fellow of the Chair of International Relations and Regional Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany.

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russia

Pruel Nikolay Alexandrovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Skvortsov Nikolay Genrikhovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Stoika Petrova Penkova – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Paisii Hilendarski University of Plovdiv, Plovdiv, Bulgaria

Sukhomlinova Marina Valerianovna – Doctor of Sociological Sciences, International Language Center “ESZETT”, Annandale, Virginia, USA

Daniela Kotseva – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Goce Delchev University, Shtip, North Macedonia

EDITORIAL BOARD

Vodenko Konstantin Victorovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Guzenina Svetlana Valerievna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Ileuova Gulmira Tokshalykovna – Doctor of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, President of the Public Foundation “Center for Social and Political Research” “Strategy”, Almaty, Kazakhstan

Klimenko Lyudmila Vladislavovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Kovalev Vitaliy Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Shakhbanova Madina Magomedkalimovna – Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia

Yankina Irina Anatolyevna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Герасимов А.Н.

Социальный банкинг: элиминация двусмысленности.....12

Курочка А.А.

Роль информационных технологий в повышении эффективности таможенного администрирования в Российской Федерации: методологические основы социологического исследования.....22

Латушко Н.А.

Активизация взаимодействия местного сообщества и муниципальной власти в решении локальных проблем.....32

Рудковская А.Л.

Суррогатия в муниципальном управлении (по материалам зарубежных исследований).....39

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ И ДЕТСТВА

Астоянц М.С., Бойко Д.Е.

Специфика интенсивного материнства в монородительской семье.....50

Верещагина А.В., Загирова Э.М.

«Вторая жена» в Дагестане: мотивация брачного поведения и социальное самочувствие59

Жиденко А.А.

Молодая семья в фокусе социологической теории70

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Воденко К.В., Черных С.С.

Рынок новой экономики в условиях глобальных вызовов: проблемы и перспективы в контексте академического лидерства.....78

Гетова А.Г.

Три года онлайн-обучения во время пандемии COVID-19: ожидания и отношение болгарских студентов и преподавателей.....91

Иванченко О.С.

Воспроизводство молодых ученых как социально-профессиональной группы в современных российских реалиях.....99

Лазарева Г.Ю.

Профессиональная социализация студентов: опыт социального партнерства технических вузов Ростовской области108

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Захарова В.А.

Экологические практики молодежи в сфере потребления: спектры актуализации проблемы120

Титор С.Е., Каменева Т.Н.

Деструктивное влияние интернета на поведение несовершеннолетних: результаты эмпирического исследования.....126

Уханова Ю.В., Жданова А.Э.

Участие молодежи в развитии комфортной городской среды.....136

СОЦИОЛОГИЯ РЕГИОНА

Узунов В.В.

Запрос на перемены и инновационное развитие регионального пространства Юга России148

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Великая Н.М., Зайцева А. А.

Репрезентация специальной военной операции в печатных СМИ в контексте консолидации российского общества.....160

Информация для авторов.....173

CONTENTS

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Gerasimov A. N.

Social banking: elimination of ambiguity12

Kurochka A. A.

The role of information technologies in improving the efficiency of customs administration
in the Russian Federation: methodological basis for sociological research22

Latushko N. A.

Activation of interaction between the local community and municipal authorities
in solving local problems32

Rudkovskaya A.L.

Surrogation in municipal administration (based on materials of foreign studies).....39

SOCIOLOGY OF FAMILY AND CHILDHOOD

Astoyants M. S., Boyko D. E.

The specifics of intensive motherhood in a single-parent family.....50

Vereshchagina A. V., Zagirova E. M.

"Second Wife" in Dagestan: Motivation of Marriage Behavior and Social Well-Being.....59

Zhidenko A. A.

A young family in the focus of sociological theory.....70

SOCIOLOGY OF EDUCATION

Vodenko K. V., Chernykh S. S.

Market of the new economy in conditions of global challenges: problems
and prospects in the context of academic leadership.....78

Getova A.

Three years of Online Learning during the Pandemic:
Expectations and Attitudes of Bulgarian Students and Lecturers91

Ivanchenko O.S.

Reproduction of young scientists as a socio-professional group in modern Russian realities.....99

Lazareva G.Yu.

Professional socialization of students: experience of social partnership
of technical universities in the Rostov region 108

SOCIOLOGY OF YOUTH

Zakharova V. A.

Ecological Practices of Youth in the Sphere of Consumption:
Aspects of Actualization of the Problem..... 120

Titor S.E., Kameneva T. N.

Destructive influence of the Internet on behavior of minors: results of empirical study..... 126

Ukhanova Yu. V., Zhdanova A. E.

Youth participation in the development of a comfortable urban environment..... 136

SOCIOLOGY OF THE REGION

Uzunov V. V.

Request for changes and innovative development of the regional space in the South of Russia..... 148

DISCUSSION TRIBUNE

Velikaya N.M., Zaytseva A.A.

Representation of the special military operation in print mass media
in the context of consolidation of Russian society 160

INFORMATION FOR AUTHORS..... 173

К ЧИТАТЕЛЮ

Дорогой читатель! Журнал «Caucasian Science Bridge» представляет последний номер уходящего года, который, уже по сложившейся традиции, включает статьи авторов из различных регионов России и зарубежных стран о проблемах и перспективах развития важнейших социальных институтов, явлений, процессов, соединяя научным мостом региональные и мировые социологические школы, связывая в единую логику и социальное пространство разнообразие актуальной социологической проблематики. В четвертом номере журнала результаты своих исследований представили молодые и зрелые ученые ростовской, новочеркасской, крымской, московской социологических школ России, а также софийской социологической школы Болгарии.

Таким образом, именно публикационная площадка становится важной для обмена научными идеями и разработками и формирования единства социологического сообщества, что особенно значимо в условиях влияния факторов деконсолидации научного пространства, не связанных с наукой.

Итак, наш научный «мост» по-прежнему стремится собрать и объединить на интеллектуальной площадке социологов-исследователей различных региональных школ для того, чтобы глубже проникнуть в закономерности функционирования социальной среды обитания человека – общества. Только так мы можем управлять будущим и предотвращать неблагоприятные сценарии его развития – выявляя актуальные социальные проблемы, объясняя социальную природу их появления, прогнозируя социальные последствия и траектории развития социальных явлений, институтов, процессов, общества в целом.

Уже скоро закончится первая четверть XXI века, который не стал веком стабильного, безопасного и благополучного развития отдельных регионов современного мира и человечества в целом. Данная ситуация остро ставит вопросы перед всеми социальными науками, но, прежде всего, перед социологией, потенциал которой позволяет «заглянуть» в будущее общества, познавая природу его развития, механизмы управления его отдельными структурами, процессами в настоящем. Последнее обстоятельство приобретает особую актуальность, а потому первая рубрика, которой мы открываем четвертый номер журнала «Caucasian Science Bridge», – «Социология управления».

Предметное поле социологии управления, как известно, весьма обширно, но в данном номере оно представлено тремя направлениями. В рамках первого анализируется такое явление, как социальный банкинг (финансовая практика социально-ориентированных банков); дается новая классификация банков в соответствии с их реальной социально полезной деятельностью (А.Н. Герасимов). Второе направление раскрывает авторское видение методологических оснований изучения роли информационных технологий в повы-

шении эффективности таможенного администрирования в РФ (А.А. Курочка). Основными индикаторами социологического измерения эффективности таможенного администрирования в указанном ракурсе автором определяются: динамика и вектор изменений таможенного администрирования в результате масштабной информатизации таможенной системы РФ; направления, результаты и барьеры внедрения информационных технологий в административную деятельность таможенных органов РФ. Третье направление связано с проблемами функционирования муниципального управления и муниципальной власти. Так, А.Л. Рудковская поднимает актуальную проблему суррогации в муниципальном управлении, возникновение которой связывается с внедрением оценки управленческого труда в государственном и муниципальном управлении по количественным показателям. В статье Н.А. Латушко анализируется взаимодействие местного сообщества и муниципальной власти; делается вывод о том, что потенциал местного сообщества в решении приоритетных социально-экономических задач, направленных на улучшение качества жизни населения, используется не в полном объеме; предлагаются пути активизации данного процесса.

Хорошо известно, что все мы «родом из детства», а потому всегда важны новые подходы к социологическому изучению различных аспектов функционирования институтов семьи и детства, анализ новых форм семейно-брачных отношений, причин распространения тех или иных явлений из сферы семейных, детско-родительских отношений и т.д. В данном номере журнала рубрика «Социология семьи и детства» представлена статьями, объясняющими установки на интенсивное материнство в монородительской семье (М.С. Астоянц, Д.Е. Бойко), определяющими мотивацию брачного поведения и социальное самочувствие «вторых жен» в Дагестане в условиях распространения такой семейно-брачной практики, как многоженство (А.В. Верещагина, Э.М. Загирова), а также раскрывающими особенности социологического дискурса в отношении такого социального явления как молодая семья (А.А. Жиденко).

В семье человек получает «путевку» в жизнь, а горизонты этой жизни выстраиваются по мере того, как формируется образ личности, т.е. в процессе получения образования, которое в условиях современного мира подвержено влиянию глобальных и локальных вызовов, рыночных отношений и тенденций развития новой экономики. В этой связи открывает рубрику «Социология образования» статья К.В. Воденко и С.С. Черных, посвященная еще мало изученному явлению академического лидерства, встроенного в тенденции развития рынка новой экономики с ее глобальными вызовами. Значительный интерес представляет статья А.Г. Гетовой (Болгария), в которой на эмпирическом материале оценивается влияние онлайн-обучения на основных участников образовательного процесса – преподавателей и студентов. Статья опубликована на английском языке. В статье О.С. Иванченко поднимаются важные для российской науки вопросы воспроизводства молодых ученых в условиях неэффективности института государственной поддержки

данной социально-профессиональной группы. В данном аспекте немаловажным фактором выступает студенческий период, когда еще только закладываются основы профессиональной социализации. И неслучайно замыкает рубрику «Социология образования» статья Г.Ю. Лазаревой о профессиональной социализации студентов, причем в контексте опыта социального партнерства технических вузов Ростовской области.

Молодежная тематика разнообразна. Не все укладывается в тематическое пространство социологии образования при том, что с образованием связано большинство причинно-следственных связей, определяющих социальное поведение и социальные практики молодежи. Среди последних высокий интерес исследователей в последнее время привлекают экологические практики молодежи. Именно им посвящена статья В.А. Захаровой, которой открывается рубрика «Социология молодежи». В ней автором осуществляется социологическая рефлексия факторов формирования и развития экологических практик молодежи в сфере потребления. В статье С.Е. Титор и Т.Н. Каменевой, продолжающей рубрику социологии молодежи, иные аспекты жизнедеятельности молодого поколения попадают в фокус социологической рефлексии. Эти аспекты весьма неоднозначно освещаются в научной литературе, и речь, как несложно догадаться, идет о влиянии сети Интернет на поведение подростков и детей. Указанные выше авторы статьи, сконцентрировав внимание на деструктивных факторах влияния информационной среды Интернет на несовершеннолетних, выявили наиболее распространенные виды этого деструктивного влияния: кибербуллинг, преследование негативными сообщениями, социальное бойкотирование, публикация и рассылка контента интимного характера; привлечение к суицидальным сайтам и др.

Рубрика «Социология региона», посвященная самым различным аспектам и проблемам развития регионов, региональных пространств и сообществ, в данном номере представлена статьей В.В. Узунова, в которой ставится задача определить возможность инновационного развития регионального пространства Юга России с позиций оформившегося запроса на перемены в массовом сознании регионального социума. Представляется, что в свете текущих событий многие ценностные и поведенческие установки, запросы общества, в том числе и регионального, меняются или будут пересмотрены со временем. Любые события и явления, связанные с военными конфликтами, операциями, не проходят бесследно.

В этой связи рекомендуем обратиться к рубрике «Дискуссионная трибуна», закрывающей четвертый номер нашего журнала. В ней подставлена статья, в которой свой взгляд на проблему репрезентации специальной военной операции в печатных СМИ представили Н.М. Великая и А.А. Зайцева. С опорой на данные эмпирического исследования, проведенного методом количественного и качественного контент-анализа и критического дискурс-анализа, авторы приходят к выводу о доминировании образа СВО как справедливой и освободительной акции, что определяет направления интеграции российского

общества и консолидацию его с властью, а возможные риски консолидации основаны на ограничении пространства свободной дискуссии, что может привести к росту конфликтности общества, снижению уровня доверия власти.

Дорогой читатель, редакция журнала «Caucasian Science Bridge» надеется, что 2023 год сложится самым удачным, самым благополучным и счастливым образом для всех Вас, для авторов нашего журнала, для всех, кто посвятил свою профессиональную жизнь науке на благо государству и обществу.

Ждем новых статей по актуальным проблемам современной социологии и социальной практики!

Заместитель главного редактора
журнала «Caucasian Science Bridge»,
А.В. Верещагина

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

УДК 316.4

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.4.1

EDN ZRJSUW

Социальный банкинг: элиминация двусмысленности**Артем Н. Герасимов¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: flaming_storm@list.ru

Аннотация.

Введение. Социальный банкинг как финансовая практика социально-ориентированных банков широко трактуется как ориентированные на ценности, альтернативные, гражданские, этические, устойчивые банковские организации, что дает возможность заинтересованной банковской организации продемонстрировать свои социальные и экологические обязательства. Между тем, у них существует явное несоответствие между декларируемыми намерениями и реальным положением. В статье дана новая классификация банков в соответствии с их реальной социально полезной деятельностью. На основе обзора источников представлена эволюция социальной банковской деятельности, сформулировано определение социально-ориентированного банка как особого типа банка, имеющего целью максимизацию позитивного вклада в развитие социума путем оказания банковских услуг в соответствии с принципами устойчивого развития, прозрачности и сотрудничества.

Методы. В рамках исследования применяются аналитический подход, а также методы сравнения и абстрагирования.

Результаты и их обсуждение. Предложена авторская типология, на основании которой сделан вывод о том, что только этические банки действительно расходятся с господствующей логикой традиционных банков. Что касается социальных банков, используя инвестиционно-банковские операции, даже умеренно, они отличаются от обычных банков только в количественном выражении. Связанная с этим особенность традиционных и социальных банков в конечном счете может быть визуализирована как вариации в рамках одной и той же парадигмы.

Ключевые слова: социально-ориентированные банки; корпоративная социальная ответственность; модель банковской деятельности.

Для цитирования: Герасимов А. Н. (2022). Социальный банкинг: элиминация двусмысленности. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4), С. 12-21. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.1>

Social banking: elimination of ambiguity**Artem N. Gerasimov¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: flaming_storm@list.ru

Abstract.

Introduction. Social banking as a financial practice of socially-oriented banks is widely interpreted as value-oriented, alternative, civic, ethical, sustainable banking organizations, which makes it possible for an interested banking organization to demonstrate its social and environmental obligations. Meanwhile, they have a clear discrepancy between the declared intentions and the real situation. The article presents a new classification of banks in accordance with their real socially useful activities. Based on the review of sources, the evolution of social banking is presented, the definition of a socially-oriented bank is formulated as a special type of bank aimed at maximizing a positive contribution to the development of society by providing banking services in accordance with the principles of sustainable development, transparency and cooperation.

Methods. The research is based on the analytical approach, as well as methods of comparison and abstraction.

Results and their discussion. The author's typology is proposed. It is concluded that only ethical banks really diverge from the prevailing logic of traditional banks. As for social banks, using investment banking operations, even moderately, they differ from conventional banks only in quantitative terms. The related feature of traditional and social banks can ultimately be visualized as variations within the same paradigm.

Keywords: socially-oriented banks; corporate social responsibility; model of banking activity.

For citation: Gerasimov A. N. (2022). Social banking: elimination of ambiguity. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4), С. 12-21. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.1>

Введение

В научных кругах отсутствует общепринятого определения, которое характеризует понятие социального банкинга и растождествляет его с другими подобными дефинициями. Р. Бенедиктер (2011) предприняв одну из самых серьезных попыток в этом отношении, отмечал, что «это понятие (социального банкинга) в настоящее время включает «этический банкинг», «кооперативные банки и кредитные союзы», так называемые «новые социальные банки», совместное развитие частного сектора и сообщества банков и «микрофинансовые банки». Аналогичным образом, Институт социального банкинга, благотворительная ассоциация, специализирующаяся в этой конкретной области с 2006 года, полностью признавая трудность дефинирования, заявляет: «общепринятого определения «социального банкинга» не существует, и – учитывая исторические особенности его происхождения и основополагающих ценностей – возможно, не может существовать.» (Определение социального банкинга...).

Неудивительно, что, когда даются определения социального банкинга, они оказываются довольно разными по своему охвату. Все авторы изначально хотели бы донести идею о том, что, в отличие от других банков, социальные банки не рассматривают получение прибыли как самоцель. Но за пределами этой общей точки зрения точная характеристика социальных банков расходится. Некоторые авторы предлагают очень широкие определения, подчеркивая, например, что социальный банкинг – это прежде всего предоставление финансовых услуг, направленных на положительное воздействие на людей и окружающую среду. Но как определить положительное влияние и как его измерить? Ряд авторов, напротив, предлагают очень узкие определения, которые, например, ограничивают социальное банковское обслуживание исключительной ролью борьбы с бедностью. Таким образом, необходима более сбалансированная характеристика этого понятия.

В то же время эта дуальная ситуация позволяет даже основным банкам заявлять о социальной и экологической приверженности своих учреждений. Учитывая фидуциарный характер своего бизнеса, ведущие банки без колебаний провозгласят также этическую основу, лежащую в основе всей их деятельности. Итак, на первый взгляд, все банки – социальные и несоциальные – выглядят одинаково, что усиливает аморфность ситуации.

В этом контексте цель статьи – провести четкое различие между социальным банкингом и другими банковскими практиками.

Традиционные типологии

Понятие социального банкинга является относительно новым. По крайней мере, такой категории не существует ни в одной из традиционных типологий, используемых учеными для понимания разнообразия банковской сферы. И в то же время идея введения определенного социального измерения в банковскую практику вовсе не нова. Имея это в виду, рассмотрим истоки социального банкинга до его фактического появления в качестве отдельной категории.

Принимая во внимание традиционные параметры, такие как структура собственности и формы управления, банковскую отрасль чаще всего делят на две основные категории: банки, основанные на акционерах, и банки, основанные на заинтересованных сторонах. Подход акционеров берет свое начало в неоклассической теории фирмы, согласно которой целью является повышение экономической эффективно-

сти как средства увеличения благосостояния акционеров (Jensen & Meckling, 1976). Следовательно, акционерный банк пытается всеми средствами максимизировать прибыль, чтобы увеличить акционерную стоимость. Таким образом, он является учреждением, ориентированным на получение прибыли, ориентированным на быстрый финансовый результат для акционеров, которые как владельцы предоставляют капитал и несут риск банкротства. Типичными примерами организациями такого типа в финансовой сфере являются коммерческие и инвестиционные банки.

Теория заинтересованных сторон предполагает, что организацией следует управлять с учетом интересов всех вовлеченных сторон, таких как сотрудники, клиенты, профсоюзы, государственные органы и общество в целом (Freeman, 1984). Это означает, что в дополнение к финансовой цели фирма разрабатывает и другие, социальные цели, такие как повышение благосостояния сообществ, в котором они функционируют. Это сочетание социальных и финансовых целей, широко известное как ориентация на «двойное дно» или смешанная ценность (Emerson, 2003), является типичной чертой финансовых институтов, таких как кооперативные банки и сберегательные кассы.

Напрашивается вывод, что социальный банкинг по своей сути ближе к парадигме заинтересованных сторон. Социальное призвание банков присуще не всем сберегательным или кооперативным банкам и не является исключительно их чертой. Таким образом, нельзя отождествлять социальный банкинг с этими типами финансовых организаций.

Но, рассматривая эти инициативы с другой точки зрения, нельзя не заметить, что первоначальный дух банков, основанных на заинтересованных сторонах, одновременно подрывается. Пытаясь смотреть на все через призму экономической эффективности и всеми способами демонстрируя, что они являются «нормальными банками», финансовые организации, ориентированные на заинтересованные стороны, похоже, действительно теряют свою первоначальную приверженность. Например, тот факт, что кооперативные банки теперь могут привлекать капитал на публичных фондовых рынках с помощью гибридных структур, создает агентские конфликты между традиционными членами и новыми акционерами (Paulet, 2010). Кроме того, появление новых акционеров, которые конкурируют с членами за контроль над управлением, в конечном итоге может быть истолковано как размывание принципов сотрудничества. Риск соответствия требованиям сектора, ориентированного на максимизацию прибыли, настолько велик, что, когда в наши дни кто-то входит в кооператив или сберегательный банк и смотрит на людей, предлагаемые продукты или услуги, трудно сразу увидеть какие-либо фундаментальные различия, которые позволили создать систему, основанную на заинтересованных сторонах.

Проблема устойчивого финансирования

В самых крайних случаях давление, оказываемое рыночными силами на банки, основанные на заинтересованных сторонах, привело к процессу демутуализации¹ и(или) приватизации (Redler, 1994; McKnight, Fraser & Gething, 1996). Несмотря на тезис о продолжающемся вырождении, по-прежнему считается, что финансовая среда может рассматриваться как возможность для заинтересованных банков (Gijssels & Develtere, 2008). Эти институты, безусловно, претерпевают трансформацию, но не обязательно в смысле ослабления их социальных обязательств. Ссылаясь на теорию

¹ Процесс изменения организационно-правовой формы паевой организации (паевого фонда) или кооператива, принадлежащего клиенту, на акционерное общество.

жизненного цикла, они утверждают, что происходит обновление их первоначальной миссии с помощью новой неизбежной концепции, которая теперь затрагивает все фирмы: корпоративная социальная ответственность (КСО). Следовательно, благодаря своему вкладу в устойчивое развитие и ответственное финансирование банки, ориентированные на заинтересованные стороны, могут подтвердить свою первоначальную идентичность в новой форме.

Идея о том, что фирмы должны уделять больше внимания внефинансовым последствиям своего бизнеса, на самом деле не нова, но она приобрела совершенно новое измерение к концу 1980-х годов после публикации знаменитого отчета Брундтланда. С тех пор понятие устойчивого развития стало модным, и гражданское общество начало оказывать давление на фирмы, требуя отчетности об их социальной и экологической ответственности. Реакция фирм вскоре оформилась в концепцию корпоративной социальной ответственности (КСО) (Garriga & Melé, 2004).

В 1990-х годах политика КСО по-прежнему была в основном сосредоточена на отраслях, загрязняющих окружающую среду (Hoffman, 2002), и никто не осознавал важности финансового сектора. Ситуация изменилась, когда люди осознали, что значение банковского сектора заключается не в его прямом воздействии на окружающую среду или общество, а в основном в его косвенной роли через клиентов и проекты, которые они финансируют. Давление, требующее признания нефинансовой ответственности фирм, переместилось с тяжелой и добывающей промышленности на банковский сектор.

Декларация Collevocchio (2003) призывает финансовые организации принять шесть основных принципов, которые отражают передовой опыт движения за КСО. Признавая, что финансовые организации, такие как корпорации, функционируют в обществе и должны действовать в общественных интересах, считается, что банки должны взять на себя долю ответственности за содействие защите окружающей среды, всеобщим правам человека и социальной справедливости. Приверженность устойчивому развитию потребует от банков полной интеграции вышеупомянутых вопросов в их корпоративные стратегии и основные направления бизнеса – предоставление кредитов, инвестирование, андеррайтинг¹, консультирование и т.д.

В этом контексте организации, ориентированные на заинтересованные стороны, оказались бы пионерами социально ответственного банкинга. Их четкое распределение прибыли (с ограниченной рентабельностью собственного капитала и прибылью, распределяемой пропорционально объему бизнеса, а не капиталовложениям (или их особый способ принятия решений (с равными правами голоса, основанными на одном члене, один голос) были бы всего лишь двумя специфическими особенностями, подтверждающими это. В более общем плане, банки, ориентированные на заинтересованные стороны, на самом деле следует рассматривать как бесспорных «лидеров» КСО потому, что вместо руководства максимизацией прибыли, их бизнес-операции предназначены для достижения социальных целей. В новом контексте меняются масштабы их социального измерения: традиционно они были скорее направлены внутрь, с особой заботой о членах бизнеса и местном сообществе в узком смысле этого слова; теперь они больше ориентированы во вне, с социальной заботой, охватывающей все общество (Levi, 2001). Можно констатировать, что КСО всегда была неотъемлемой частью – хотя и не всегда явной – деятельности заинтересованных банковских учреждений.

¹ Услуги, предоставляемые финансовыми учреждениями, которые гарантируют получение выплат в случае финансовых убытков.

Задача устойчивого развития финансовой сферы позволила бы преобразовать традиционную типологию (акционер против заинтересованной стороны) в новую классификацию, которая демонстрировала бы различие между обычными банками, с одной стороны, и социально ответственными банками – с другой, тогда социальный банкинг механически попадает в последнюю категорию, но реальность не так однозначна. Если сосредоточенность банков-стейкхолдеров¹ на КСО может помочь им вновь обрести свою «утраченную» идентичность, то это же самое стремление, наоборот, может рассматриваться как инструмент миметического изоморфизма² (DiMaggio & Powell, 1983). Поэтому, если банки, ориентированные на заинтересованные стороны, действительно хотят изменить ситуацию к лучшему, им следует разработать свои собственные конкретные инструменты, связанные с устойчивостью. Что еще более важно, далеко не ясно, что банки, ориентированные на заинтересованные стороны, действительно являются «лидерами» устойчивого финансирования. Исследование отчетности европейских банков по КСО показывает, что различные стратегии устойчивого развития не зависят от правового статуса. Кооперативные банки, например, не особенно преуспевают в этом отношении. В то время как Credit Agricole и Rabobank действительно занимают первое место среди самых добродетельных учреждений, Cr dit Mutuel, наоборот, находится в самом низу среди учреждений с менее удовлетворительными показателями. Другие, такие как группа ВРСЕ, находятся где-то посередине с приемлемой отчетностью. Таким образом банки, основанные на заинтересованных сторонах, «по сути», не лучше своих коллег, основанных на акционерах, в своей практике устойчивого развития.

В рамках новой типологии социальный банкинг будет позиционироваться на стороне социальной ответственности банковского спектра. Проблема заключается в том, что, хотя большинство банков готовы использовать экологическую риторику в своем дискурсе, за этим следует мало искреннего стремления к глубокому изменению своего отношения (Relano & Paulet, 2014).

Большинство банков, ориентированных на прибыль, попадают в это противоречие между провозглашением благих намерений и проверкой реальности, но они не единственные. Говоря о более общем плане, многие банки, которые заявляют о своей социальной приверженности, продолжают предоставлять финансовые продукты, имеющие потенциально негативные социальные последствия.

Но не все банки одинаковы, и ниже покажем, что отношение к «зеленой стирке» требует выхода за рамки парадигмы КСО, что позволит увидеть социальный банкинг в новом свете и лучше понять его истинную природу по отношению к другим банковским организациям.

Изменение статуса социального банкинга

Основная причина, по которой существует очевидный разрыв между завышенными намерениями в отношении устойчивости и реальными фактами, заключается в том, что ведущие банки пытались удовлетворить одновременный спрос клиентов на повышение прибыльности, с одной стороны, и более высокие стандарты этики – с другой. К сожалению, это просто невозможно, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Банки, твердо взявшие на себя обязательство быть социально ответ-

¹ Заинтересованные стороны: группы или организации, которые могут влиять или которые могут воспринимать себя подвергнутыми влиянию решения, операции или результата проекта, программы или портфеля.

² В теории организаций относится к тенденции организации имитировать структуру другой организации из-за убеждения, что структура последней организации выгодна.

ственными, неизбежно несут дополнительные расходы. И наоборот, они в конечном итоге будут вознаграждены улучшением репутации и снижением рисков, но это создает новое конкурентное преимущество только в долгосрочной перспективе. Таким образом, те банки, которые не готовы отказаться от догмата максимизации прибыли, могут быть вовлечены в идею устойчивого финансирования лишь поверхностно. До недавнего времени это было наиболее распространенным подходом среди акционерных банков. Большинство из них предлагают своим клиентам возможность инвестирования в широкий спектр этических фондов и действительно имеют ряд кредитных линий, специально предназначенных для решения экологических или социальных проблем. Но их общая стратегия не изменилась. По их мнению, разработка этих новых продуктов должна служить одной неизменной цели: увеличению выгод. Фактически, поскольку идея «экологии» окружающей среды сейчас в тренде, эти банки использовали эту тенденцию для привлечения новых клиентов, тем самым получая еще больше прибыли.

Социально ответственные банки, напротив, работают с идеей, что человек, планета и общество стоят на первом месте. Очевидно, что они должны быть устойчивыми организациями с достойной прибылью, но в их политике получение прибыли – это не то же самое, что максимизация прибыли. Можно резюмировать их особый подход – социально ответственные банки работают с капиталом, а не ради капитала. Следует, однако, отметить, что можно получить «достойная прибыль», используя различные средства. Проблема состоит в том, чтобы определить, имеют ли используемые средства такое же значение, как конечная цель, или нет. Именно здесь различные подгруппы социально ответственных банков начинают расходиться. В частности, следует проводить различие между социально ориентированными и этически ориентированными банками. Их соответствующая характеристика станет очевидной, если принять во внимание их особую основополагающую философию, с одной стороны, и их банковскую практику – с другой.

Философия социальной ответственности

В философии существуют две основные традиции относительно того, как определять этический характер действий. Один утверждает, что действия не имеют внутреннего этического характера, но приобретают моральный статус благодаря вытекающим из них последствиям. Таким образом, это перспектива, ориентированная на результат, поскольку именно результат, а не конкретное качество самого действия, определяет, что является морально целесообразным. В переводе на банковскую перспективу такое отношение в конечном итоге оправдало бы следующее рассуждение: сначала инвестировать в фондовый рынок, даже если это действие потенциально наносит вред природе или обществу, а затем, с максимальной полученной таким образом прибылью, делать максимально возможные инвестиции в экологически или социально благоприятные сектора. В целом, социальные банки во многом согласны с этой философией. Даже такая микрофинансовая организация, как Compartamos, гордится тем, что в 2007 году провела первичное публичное размещение акций (IPO) с целью привлечения капитала для своей социально ориентированной деятельности.

Вторая точка зрения основана на трактовке морали Кантом, который считал, что поступки обладают внутренней моральной ценностью. Сам акт, а не его результат, наделен этическими достоинствами. В целом, этические банки, как правило, соблюдают этот принцип, но это было бы лучше оценить при изучении банковской практики.

Банковская практика

Ограничимся анализом краткого обзора нескольких основных характеристик, которые позволяют оценить наиболее существенные различия. Начиная с этически ориентированных банков, одной из их наиболее определяющих характеристик является то, что они отказываются участвовать в спекулятивных операциях на финансовых рынках. По их мнению, это было бы изначально неэтично, поскольку это является частью экономической логики, которая подталкивает к приоритизации краткосрочной прибыли независимо от социальных или экологических последствий. Финансовые спекуляции фактически обвиняются в том, что они лежат в основе многих нынешних международных кризисов, социального неравенства и экологических проблем. Следовательно, этические банки предпочитают сосредоточиться на первоначальном бизнесе банков: финансировании реальной экономики путем предоставления денег, доверенных им вкладчиками, местным предпринимателям, которых они хорошо знают, с использованием подхода тройной прибыли (Relano, 2008).

Акционерные банки – это, по сути, организации, нацеленные на максимизацию прибыли. Они также утверждают, что очень озабочены социальными и экологическими проблемами планеты, но анализ их финансовых показателей показывает, что они получают свою прибыль в основном за счет оптовых и инвестиционных банковских операций. Таким образом, существует большой разрыв между тем, что они «говорят», и тем, что они на самом деле «делают» (Relano & Paulet, 2014). Их социальная (экологическая) деятельность задумана как маркетинговый ход, применяемый для улучшения их имиджа без создания реальной приверженности. Таким образом, каковы бы ни были масштабы их «экологических» обещаний, первоначальная бизнес-модель остается практически неизменной. Это связано с тем, что их социальные и экологические обязательства на самом деле задумываются как дополнительная или даже как «внепроизводственная» деятельность, иногда финансируемая фондами, принадлежащими мажоритарному акционеру. Банк Проссима (Италия) является интересным примером. Несмотря на то, что он в основном занимается финансированием некоммерческого сектора, тот факт, что он является полностью принадлежащей дочерней компанией Intesa Sanpaolo group, исключает любое возможное рассмотрение этого организации как социально ответственного банка. Наконец, позвольте отметить, что бизнес-логика обычных банков явно диахронична¹ (Benedikter, 2011, 78): сначала максимизировать прибыль, «играя жестко» в бизнесе, часто с помощью неэтичных и недобросовестных методов конкуренции, как показывает скандал с Libor, а затем изображать доброго самаритянина, позволяя несущественная часть льгот для спонсорства социального патронажа или для продвижения ряда экологически чистых подходов.

Социально ориентированные банки строят политику по-другому. Их главная цель – не максимизировать прибыль, а усилить позитивное влияние на общество. В отличие от банков «для акционеров», их приверженность политике КСО глубока и искренна, но они получают социальные выгоды, ведя «обычный бизнес». Конечно, использование социальными банками спекулятивных продуктов на глобальных финансовых рынках нельзя сравнить с использованием их акционерными банками, но оно существует. Их общая банковская философия решительно утилитарна. Именно получая прибыль в соответствии с общепринятыми правилами, Восточный банк (США)

¹ Диахрония – (от греч. dia – означает «сквозь», «через» + chronos – время) феномен и понятие, обозначающее как наличие каких-то событий в пространстве-времени вообще, так и существования объектов и процессов любого рода в интервалах времени между этими событиями.

может наилучшим образом позаботиться об определенных обездоленных слоях американского общества. То же самое относится, например, к Umwelt Bank в Германии или Banca Etica Adriatica в Италии. Многие кооперативные банки также могут рассматриваться как социальные банковские организации. В конечном счете, они разделяют с остальными социальными банковскими организациями следующее правило: спорные средства, даже с потенциальными негативными внешними эффектами, могут оправдать достойную цель.

Большинство банков, занимающихся сокращением масштабов нищеты, и финансовых учреждений, занимающихся развитием общин, придерживаются той же цели. Некоторые укрепляют свои социальные обязательства членством в Глобальном альянсе за банковское дело на основе ценностей (GABV), чья миссия состоит в том, чтобы вдохновлять на глубокие изменения в основной банковской отрасли, которых государственное регулирование на сегодняшний день не смогло достичь. Но соблюдение принципов устойчивого развития и социальной ответственности не является достаточным условием для того, чтобы считаться социальным банком. Необходимы по крайней мере еще два предварительных условия. С точки зрения операционной деятельности, в первую очередь необходимо, чтобы эти организации не зависели от внешних пожертвований или заемных средств для финансирования своей деятельности, в противном случае мы вступили бы в сферу благотворительности. Во-вторых, и, возможно, это более важно, они должны обладать полной банковской лицензией и соответствовать установленным требованиям. В противном случае их нельзя сравнивать с обычными банками. Таким образом, несмотря на социальный потенциал большинства институтов финансирования развития, так как многие из них не соответствуют вышеупомянутым условиям, не могут рассматриваться во всем мире как социальные банки.

Третья группа – это этические банки. Этические банки являются полноценными банковскими организациями, предлагающими целый спектр финансовых услуг. Таким образом, они должны соблюдать те же правила, что и социальные и мейнстрим¹ – банки, но они ведут свой бизнес совершенно по-другому. На основе своей философии этические банки считают, что нельзя отделять желаемую цель от средств, используемых для ее достижения. Вопреки тому, чтобы максимизировать социальную добавленную стоимость всеми средствами, как это делают социальные банки, этические банки предпочитают оптимизировать свое социальное воздействие, следуя строгим принципам. Они считают, что действия имеют внутреннюю моральную ценность, а использование финансовых рынков считается изначально неэтичным по причинам, которые уже были изложены выше. Это подразумевает работу с меньшей финансовой отдачей, но, в отличие от своих социальных и традиционных коллег, этические банки верят, что даже при более низкой прибыли можно в конечном итоге добиться большего влияния в обществе. Они на самом деле думают, что «меньше значит больше», просто потому, что ведение бизнеса, делая добро (синхронный подход), означает, что этические банки усваивают на добровольной основе издержки лучшего общества. Уклоняясь от устранения вредных последствий, присущих определенным видам деятельности, этические банки пытаются интегрировать в свою бизнес-модель производство глобальных общественных благ, которые в противном случае оплачивались бы коллективом, это означает, что социальные, экологические и финансовые проблемы действительно встроены в организацию, а не находятся на ее периферии или вне бизнеса.

¹ Мейнстрим (англ. mainstream – «основное течение») – преобладающее направление в какой-либо области (научной, культурной и др.) для определённого отрезка времени

Выводы

Наша типология показывает, что только этические банки действительно расходятся с господствующей логикой традиционных банков. Социальные банки находятся где-то посередине. Используя инвестиционно-банковские операции, даже умеренно, социальные банки отличаются от обычных банков только в количественном выражении. Связанная с этим особенность традиционных и социальных банков в конечном счете может быть визуализирована как вариации в рамках одной и той же парадигмы. Только банковская практика и лежащая в основе этических банков философия представляют собой отдельную бизнес-модель. Этичные банки на самом деле являются достойными наследниками новаторского духа, заложенного Raiffeisen и Schulze-Delitzsch, который больше не присущ социальным банкам. Вся двусмысленность социальных банков кристаллизуется в этом промежуточном положении.

Литература

- Benedikter, R. (2011). *Social Banking and Social Finance: Answers to the Economic Crisis*. New York: Springer.
- DiMaggio, P.J. & Powell, W. (1983). The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields. *American Sociological Review*, 48, 147-160.
- Emerson, J. (2003). The Blended Value Proposition: Integrating Social and Financial Returns. *California Management Review*, 45 (1), 35-51.
- Freeman, R.E. (2010). *Strategic Management: A Stakeholder Approach*. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press (first published in 1984).
- Garriga, E. & Melé, D. (2004). Corporate Social Responsibility Theories: Mapping the Territory. *Journal of Business Ethics*, 53.
- Gijselinckx, C. & Develtere, P. (2008). *The Co-operative Trilemma. Co-operatives between market, state and civil society*. Leuven: Working Paper on Social and Co-operative Entrepreneurship.
- Hoffman, A.J. (2002). *From Heresy to Dogma. An Institutional History of Corporate Environmentalism. Expanded Edition*. Stanford: Stanford University Press.
- Jensen, M.C. & Meckling, W.H. (1976). Theory of the firm: managerial behavior, agency costs, and ownership structure. *Journal of Financial Economics*, 3 (4).
- Levi, Y. (2001). «Internal» and «External» Principles. Inward versus Outward Orientation to Co-operatives. *International Cooperation*, 94 (1), 50-58. London: Financial Times Management Report.
- McKnight, E., Fraser, R., & Gething, H. (1996). *Demutualization: a specially commissioned report*. London: F.T. Law & Tax.
- Paulet, E. (2010). Corporate Social Responsibility and Corporate Governance: the case of the European Cooperative Banks. *Banque Stratégie*, 2777.
- Redler, E. (1994). European financial sector privatization and demutualization: trends, practices and effects.
- Relano, F. & Paulet, E. (2014). Differentiating between Sincere and Insincere Corporate Social Responsibility (CSR): Evidence from the German Banking Industry. *Bezpieczny Bank*, 2 (55).
- Relano, F. (2008). From Sustainable Finance to Ethical Banking. *Transformations in Business & Economics*, 7(3).
- Определение социального банкинга. (2011). Режим доступа: <http://www.socialbanking.org/the-institute/what-is-social-banking/>

References

- Benedikter, R. (2011). *Social Banking and Social Finance: Answers to the Economic Crisis*. New York: Springer.
- DiMaggio, P.J. & Powell, W. (1983). The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields. *American Sociological Review*, 48, 147-160.
- Emerson, J. (2003). The Blended Value Proposition: Integrating Social and Financial Returns. *California Management Review*, 45 (1), 35-51.
- Freeman, R.E. (2010). *Strategic Management: A Stakeholder Approach*. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press (first published in 1984).
- Garriga, E. & Melé, D. (2004). Corporate Social Responsibility Theories: Mapping the Territory. *Journal of Business Ethics*, 53.
- Gijselinckx, C. & Develtere, P. (2008). *The Co-operative Trilemma. Co-operatives between market, state and civil society*. Leuven: Working Paper on Social and Co-operative Entrepreneurship.
- Hoffman, A.J. (2002). *From Heresy to Dogma. An Institutional History of Corporate Environmentalism. Expanded Edition*. Stanford: Stanford University Press.

- Jensen, M.C. & Meckling, W.H. (1976). Theory of the firm: managerial behavior, agency costs, and ownership structure. *Journal of Financial Economics*, 3 (4).
- Levi, Y. (2001). «Internal» and «External» Principles. Inward versus Outward Orientation to Co-operatives. *International Cooperation*, 94 (1), 50-58. London: Financial Times Management Report.
- McKnight, E., Fraser, R., & Gething, H. (1996). *Demutualization: a specially commissioned report*. London: F.T. Law & Tax.
- Paulet, E. (2010). Corporate Social Responsibility and Corporate Governance: the case of the European Cooperative Banks. *Banque Stratégie*, 2777.
- Redler, E. (1994). European financial sector privatization and demutualization: trends, practices and effects.
- Relano, F. & Paulet, E. (2014). Differentiating between Sincere and Insincere Corporate Social Responsibility (CSR): Evidence from the German Banking Industry. *Bezpieczny Bank*, 2 (55).
- Relano, F. (2008). From Sustainable Finance to Ethical Banking. *Transformations in Business & Economics*, 7(3).
- Definition of social banking. (2011). Available at: <http://www.socialbanking.org/the-institute/what-is-social-banking/>

Дата получения рукописи: 19.11.2022

Дата окончания рецензирования: 05.12.2022

Дата принятия к публикации: 06.12.2022

Информация об авторе

Герасимов Артем Николаевич – соискатель, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: flaming_storm@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Gerasimov Artem Nikolaevich – Applicant, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: flaming_storm@list.ru

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.4

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.4.2

EDN ZSDFKK

Роль информационных технологий в повышении эффективности таможенного администрирования в Российской Федерации: методологические основы социологического исследования**Андрей А. Курочка¹**¹Ростовский филиал Российской таможенной академии, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: kurochka-andrey@yandex.ru

Аннотация.

В статье определяются методологические основания социологического исследования роли информационных технологий в повышении эффективности таможенного администрирования в РФ. Такой ракурс исследования определяется тем, что социологическая рефлексия проблем управления и управленческой эффективности в таможенной системе РФ может вывести на новый уровень понимания причин, факторов и условий воспроизводства барьеров, препятствующих деятельности таможенных органов России в формате эффективного таможенного администрирования. Перспективы преодоления пороков российской таможенной системы и ее приближения к мировым стандартам управления таможенной сферой связываются с информационными технологиями, однако, фиксируется дефицит социологических разработок в данном предметном поле, прежде всего, методологического характера.

Методологические основы. Исследование базируется на идеях и принципах информационно-интегрированного подхода к изучению таможенной службы, с которым сочетаются концепция «сервисной таможни» и структурно-функциональный подход.

Результаты и их обсуждение. Основными индикаторами социологического измерения роли информационных технологий в повышении эффективности таможенного администрирования в России, как с точки зрения функциональной эффективности, так и сервисной, определены: динамика и вектор изменений таможенного администрирования в результате масштабной информатизации таможенной системы РФ; направления, результаты и барьеры внедрения информационных технологий в административную деятельность таможенных органов РФ. Совокупный характер показателей, полученных по указанным индикаторам, позволит определить функциональную эффективность таможенного администрирования с точки зрения реализации интересов государственной таможенной политики и сервисную состоятельность как ориентированность на нужды и интересы участников внешнеэкономической деятельности.

Ключевые слова: таможенное администрирование; эффективность таможенного администрирования; информационные технологии; информационно-интегрированный подход; «сервисная таможня»; структурно-функциональный подход.

Для цитирования: Курочка А. А. (2022). Роль информационных технологий в повышении эффективности таможенного администрирования в Российской Федерации: методологические основы социологического исследования. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). С. 22-31. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.2>

The role of information technologies in improving the efficiency of customs administration in the Russian Federation: methodological basis for sociological research**Andrey A. Kurochka¹**¹Rostov branch of the Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: kurochka-andrey@yandex.ru

Abstract.

The article defines the methodological foundations of a sociological study of the role of information technology in improving the efficiency of customs administration in the Russian Federation. This viewpoint of the study is determined by fact that sociological reflection on the problems of management and managerial efficiency in the customs system of the Russian Federation can lead to new level of understanding of causes, factors and

conditions for the reproduction of barriers that impede activities of the customs authorities of Russia in the format of effective customs administration. The prospects for overcoming the flaws of the Russian customs system and its approximation to the world standards of customs management are associated with information technology. However, there is a shortage of sociological developments in this subject field, primarily of a methodological nature.

Methodological basis. The research is based on the ideas and principles of information-integrated approach to the study of the customs service, which combines the concept of “service customs” and a structural-functional approach.

Results and its discussion. The main indicators of the sociological measurement of the role of information technology in improving the efficiency of customs administration in Russia, both in terms of functional efficiency and service efficiency, are: the dynamics and vector of changes in customs administration as a result of large-scale informatization of customs system of the Russian Federation; directions, results and barriers to the introduction of information technologies in the administrative activities of the customs authorities of the Russian Federation. The cumulative nature of the indicators obtained on the basis of these pointers will make possible to determine the functional efficiency of customs administration in terms of realizing the interests of the state customs policy and service viability as a focus on the needs and interests of participants in foreign economic activity.

Keywords: customs administration; efficiency of customs administration; information technology; information-integrated approach; “service customs”; structural-functional approach.

For citation: Kurochka A. A. (2022). The role of information technologies in improving the efficiency of customs administration in the Russian Federation: methodological basis for sociological research. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). С. 22-31. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.2>

Введение

В области повышения эффективности таможенного администрирования в России на протяжении последнего десятилетия сделано достаточно много и, особенно, в области цифровизации таможенных процедур (Цифровые технологии будут...). Достигнутые результаты дали основание некоторым специалистам положительно оценить динамику развития таможенного администрирования в современной России (Таможенное администрирование...), тем не менее, определенные проблемы еще остро стоят перед российской таможней, что определяет ее невысокий рейтинг на международной арене, а также снижает показатели конкурентоспособности национальной экономики. Последние во многом определяются состоянием таможенной сферы, таможенной политики и тенденциями таможенного администрирования. Решение задач таможенной политики предполагает формирование эффективных механизмов ее реализации, адекватных целям и характеру социально-экономического развития страны, а также мировым тенденциям в сфере экономического сотрудничества, что, в свою очередь, требует пересмотра сложившихся в таможенном администрировании РФ схем и механизмов управления и контроля в сторону их информатизации и цифровизации.

В Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года¹ четко указано, что стратегической целью развития Федеральной таможенной службы России выступает формирование к 2030 году таможни качественно нового типа, «умной» таможни, базирующейся на «искусственном интеллекте». Это позволит быстро и незаметно оказывать услуги участникам ВЭД, законопослушному бизнесу, в то же время обеспечивая интересы государства. Данная стратегическая цель предполагает в качестве целевого ориентира полномасштабную цифровизацию и автоматизацию деятельности таможенных органов, а также цифровую трансформацию таможенного администрирования.

¹ Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 мая 2020 г. № 1388-р

Вместе с тем, в российской социологии управления в указанном исследовательском ракурсе обозначенная тема еще не стала предметом теоретической рефлексии и методологических разработок как необходимых для эмпирических замеров роли информационных технологий в повышении эффективности таможенного администрирования в РФ.

Теоретико-методологические проблемы и основания исследования роли информационных технологий в повышении эффективности таможенного администрирования в РФ

Прежде, чем мы определим методологические основания данного исследования, рассмотрим те теоретические подходы, которые сформировались в научном пространстве в ходе эволюции теории административного управления с учетом современных реалий.

Н.А. Калиновская и Р.А. Моисеенко выделяют такие подходы в управлении таможенными органами, как функционально-ориентированный и процессно-ориентированный, и обосновывают логичность перехода от первого ко второму, поскольку второй ориентирован на клиента, сотрудников и процессы, в то время как первый – на противопоставлении руководителей работникам (Калиновская, Моисеенко, 2016, 60).

В рамках процессно-ориентированной концепции управления в центре процесса ставится сотрудник, который контролирует результаты своей профессиональной деятельности и отвечает за них. При этом роль руководителя не умаляется. Он управляет процессами, опираясь на определенные принципы (Калиновская, Моисеенко, 2016, 61–62). В их границах ставятся задачи следования во время реализации таможенных процедур правилам регламентации административным норм, выстроенных в жесткой последовательности порядка и времени оказания государственных услуг; устранения дублирования функций за счет объединения таможенных процедур в блоки; сокращения времени таможенных операций; минимизации количества согласований и избыточного контроля в таможенных структурах.

Выделяется также системный подход применительно к управлению таможенной службой. Базируется он на том, что «таможенная система включает в себя множество разных элементов и подсистем, находящихся в определенных отношениях и взаимодействующих друг с другом» (Филимонцева, 2017, 72), а сама система управления таможенной службой содержит такие элементы, как механизм, структура, процесс управления и механизм совершенствования системы управления. Последний структурный элемент связан с организацией разработки и внедрения изменений в систему управления с целью повышения ее эффективности и развития объекта управления).

Таким образом, в рамках системного подхода таможенное дело предстает как сложная динамическая система, а управление ею базируется на совокупности различных методов и способов организации всего процесса таможенной деятельности с целью обеспечения эффективной внешнеэкономической деятельности РФ ((Филимонцева, 2017, 69).

Интегративный или личностно-деятельностный подход, согласно позиции И.В. Каимовой, базируется на применении в управлении психологических механизмов, которые позволяют интегрировать личность и деятельность руководителя, реагировать гибко на внешние и внутренние факторы и достигать в управленческой деятельности объективно высоких результатов (Каимова, 2017, 26).

Иначе интегративная концепция таможенного администрирования выглядит в воззрениях В.В. Макрусева, который видит ее как синтез таких ключевых парадигм

модернизации деятельности таможенных органов и управления ими, как: процессная парадигма; цифровая парадигма, когнитивная парадигма и сервисная парадигма (Макрусев, 2019, 243). Этот же исследователь всесторонне обосновывает тезис о том, что «трансформация таможенной системы в систему таможенных услуг становится ключевым фактором вхождения России в рамочные стандарты безопасности и облегчения мировой торговли – это главный вектор развития таможенной службы, ориентирующий ее на совершенствование существующих и создание новых типов организационно-экономических и технологических инструментов качественной и эффективной реализации политики государства в развитии экономики и внешнеторговой деятельности России» (Макрусев, 2015, 231).

Интегративная концепция таможенного администрирования предполагает, что идея цифровизации, информатизации, перехода к электронным механизмам развития, искусственному интеллекту, гибридным системам администрирования – лишь одна из ключевых, вписанная в логику других, таких как идея процессно-ориентированной модели таможенного администрирования; идея управления цифровым (электронным) таможенным администрированием на основе когнитивной парадигмы – на основе знаний; идея сервисной таможни (Макрусев, 2019, 243).

Одним из подходов, современно отражающих нужды и реалии развития таможенной системы, является также информационно-интегрированный подход. С точки зрения М.В. Бойковой, данный подход дополняет традиционную административную парадигму исследования таможенной службы, нисколько не противореча ей (Бойкова, 2017, 17). В рамках данного подхода, который мы считаем целесообразным взять за методологическую основу в нашем исследовании, таможня выступает в роли основного ядра формирования таможенных услуг разнообразного порядка, прежде всего, информационно-правового. В подобном свете таможня приобретает образ сервисной, а таможенное администрирование, соответственно, становится сервисно-ориентированным (Макрусев, 2017, 13–17).

Передовые страны уже достаточно давно осознали преимущества «сервисной» концепции в организации таможенного дела и управлении таможенными процессами. Несмотря на то, что в ее основе находится ориентация на эффективное взаимодействие с бизнесом для достижения более высоких экономических показателей и экономической безопасности, в целом, сервисная природа таможенной службы также определяет в качестве ее важнейшей функции оказание государственных (таможенных) услуг. Последнее не противоречит структурно-функциональной составляющей российской таможенной системы как государственной структуры, призванной содействовать эффективному развитию внешнеторговой деятельности при реализации контрольной и правоохранительной деятельности в пределах определенных функциональных полномочий (Бойкова, 2017, 32).

Таможенное администрирование как вид государственного администрирования в области таможенного дела вполне закономерно может рассматриваться, как «деятельность государственных служащих отдельной категории – должностных лиц таможенных органов» (Досмырза, 2013, 46–47). Соответственно, таможенное администрирование выступает ресурсом реализации таможенной политики государства, будучи неразрывно связанной с государственной политикой. Таможенное администрирование, являясь видом государственного администрирования, осуществляется с помощью реализации основных функций, а потому, с учетом принципов сервисной концепции и структурно-функционального подхода, его целесообразно рассматривать как управленческую деятельность таможенных органов, призванную содействовать развитию внешней торговли и оказывать услуги лицам, перемещающим товары

и транспортные средства через таможенную границу, в рамках реализации фискальных, правоохранительных и контрольных функций (Бакаева, 2009). Возьмем за основу данное определение в нашей работе.

Следует заметить, что в функциональной природе таможенного администрирования кроется некоторое противоречие, связанное в совмещении задач, слабо коррелирующих между собой: «с одной стороны, основной функцией таможенной службы выступает создание условий, способствующих ускорению товарооборота через таможенную границу, с другой – таможенные органы – система, обеспечивающая взимание таможенных платежей, контролирующая правильность исчисления и своевременность уплаты таможенных пошлин, налогов и сборов, принимающая меры по их принудительному взысканию» (Иващенко^{2010, 107}).

И, действительно, реализация фискальной функции связана со сбором таможенных пошлин, взиманием налогов, а в рамках правоохранительной функции таможенные органы призваны, прежде всего, обеспечивать соблюдение норм закона участниками внешнеэкономической деятельности, т.е. речь идет о выявлении, предупреждении и пресечении таможенных преступлений и правонарушений (Алямкин, 2015). Контрольная функция призвана, прежде всего, управлять рисками (выявлять, противодействовать, предупреждать) на всех стадиях совершения таможенных операций, для чего, согласно Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года, необходимо развивать риск-ориентированный подход при проведении таможенного контроля, который ориентирован на создание «умной», гибкой, информационно-насыщенной, самонастраивающейся системы управления рискам¹.

Выполнение данных функций в логике перехода к сервисной таможенной службе – задача не из простых, особенно с учетом того, что сама управленческая деятельность в таможенных органах имеет свою специфику. Она характеризуется высокой степенью централизации; динамичностью процессов управления ввиду постоянно меняющихся экономических, политических, социальных условий под влиянием внешних и внутренних факторов (Филимонцева, 2017, 69). Если внешние факторы связаны с влиянием системы государственного управления, особенностями взаимодействия с органами власти, состоянием экономики государства, региона, транспортной системы и иными факторами внешней среды, то внутренние факторы определяются целями и задачами таможенной службы, ее структурой и кадровым составом таможенных органов, уровнем их профессионализма; системой взаимодействия между таможенными органами; развитостью инфраструктуры, материально-технической базы; наличием современных информационных технологий, степенью их внедрения в работу таможенных органов, а также эффективных методик оценки и совершенствования управленческой деятельности в таможенных органах.

Современная система управления таможенной службы РФ выстроена по принципу иерархии (центральный аппарат Федеральной таможенной службы (ФТС) России, региональные таможенные управления (РТУ), таможни и таможенные посты.² Общее управление осуществляет ФТС России, а региональные таможенные управления несут ответственность за реализацию задач и функций таможенной службы РФ в конкретном регионе, выступая, своего рода, посредником между ФТС и таможнями, таможенными постами.

¹ Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 мая 2020 г. № 1388-р.

² Федеральная таможенная служба. Режим доступа: <https://customs.gov.ru/structure/centre>

Итак, таможенные органы РФ, являясь частью механизма государственного управления, поскольку ФТС – федеральный орган исполнительной власти, имеют жестко выстроенную иерархическую систему с соответствующими функциями, реализация которых происходит под воздействием внешних и внутренних вызовов и угроз, зафиксированных в Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года¹ (политическое давление западных стран и экономические санкции против РФ; политика национального протекционизма, используемая многими западными странами; угрозы международного терроризма и экстремизма; рост международной и внутриотраслевой конкуренции; дефицит высококвалифицированных кадров в органах таможенной службы; информационные угрозы, связанные с несанкционированным доступом в информационную систему таможенных органов; рост незаконных финансовых потоков, административных правонарушений в сфере ВЭД и др.).

Тем не менее, в самой Стратегии в числе ключевых принципов ее реализации, таких как долгосрочное стратегическое планирование с учетом мировых тенденций; планомерность и последовательность в развитии; предсказуемость и прозрачность фискальных и регулирующих условий; нацеленность на результат; оптимизация и совершенствование таможенного администрирования; автоматизация и информатизация сквозных бизнес-процессов деятельности таможенной службы на основе передовых технологий и др., определяется клиентоориентированность и бесконтактность², и это соотносится с основной целью реформирования таможенного администрирования в РФ, которая заключается как в создании комфортной среды для деятельности субъектов внешнеэкономической деятельности, так и повышением эффективности контроля со стороны таможенных органов (Скударнова, Разживина, Макрусев, 2018, 13).

Следовательно, оценка результативности и эффективности их деятельности должна учитывать показатели, укладываемые как в сервисную парадигму таможенной службы, так и структурно-функциональную, предполагающую жесткое следование централизованным принципам организации деятельности и задачам, обеспечивающим государственные интересы фискального характера и противодействия угрозам национальной безопасности.

Специалисты для оценки эффективности работы административно-управленческого персонала таможенных органов применяют КПЭД – контрольный показатель эффективности деятельности таможенных органов как важный механизм (прежде всего, правовой) для отслеживания достижения стратегических целей, стоящих перед ФТС России (Турбин, 2014, 589). Ограниченность данного подхода связана с тем, что показатели, с помощью которых оценивается эффективность деятельности органов таможни РФ, носят количественно выраженный характер, и они очень полезны для принятия оперативных управленческих решений и стратегического планирования.

Другие исследователи полагают, что результативность таможенного администрирования определяется оценкой деятельности таможенных органов Российской Федерации ((Турбин, 2014, 588), и, отталкиваясь от указанной выше Стратегии, в рамках реализации основных функций – контрольной, фискальной и правоохранительной.

Заслуживает внимания мнение специалистов, указывающих на первостепенную важность совершенствования таможенного администрирования путем совер-

¹ Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 мая 2020 г. № 1388-р.

² Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 мая 2020 г. № 1388-р.

шенствования механизмов сотрудничества между таможенными органами и участниками ВЭД, что определяет в качестве центральных вопросы оптимизации таможенных и административных процессов за счет внедрения технологий упрощения таможенных операций и процедур. Они должны стать более простыми, скоростными, менее затратными и прозрачными, что возможно путем масштабного внедрения новых информационных технологий (Белюсова, Антонова, Шаланина, 2017, 17).

Эффективность таможенного администрирования, с точки зрения концепции данного исследования и его замысла, прежде всего, представляет для нас интерес как совокупность показателей, детерминированная использованием современных информационных технологий с целью перехода к электронной таможне как доминирующей форме оказания таможенных услуг. Под последней исследователи понимают комплекс мер, связанных с развитием электронных информационных систем таможенных органов путем внедрения технологий предварительного информирования, электронного и Интернет-декларирования товаров, удаленного выпуска товаров (Смирнова, 2013, 132).

Внедрение данных технологий значительно ускоряет процесс совершения таможенных операций по сравнению с прежними принципами и процедурами, поскольку переход на электронные принципы имеет ряд преимуществ, связанных с, преимущественно, безбумажной системой декларирования товаров; более высокой скоростью осуществления таможенного декларирования и др.¹.

Таким образом, в результате информатизации системы таможенных органов и оказания таможенных услуг происходят изменения в таможенном администрировании, которыми, как совершенно справедливо указывает Р.В. Давыдов, следует управлять, отслеживая ход, динамику и вектор этих изменений для своевременной корректировки как механизма внедрения новых технологий, так и критериев и методов оценки эффективности системы таможенного администрирования (Давыдов, 2016). И в этом случае следует учитывать тот факт, что управление изменениями в таможенной системе может происходить по алгоритму «тянущей» схемы, когда прослеживается сильная связь с предыдущими изменениями, сформировавшимися традициями, даже если они и не являются эффективными (эффект институциональной зависимости, если отталкиваться от теории неoinституционализма) (Норт, 1997; Хасс, 2007), и «толкающей» – когда управление изменениями осуществляется в опережающем формате, с предвосхищением грядущих тенденций, исходя из современных реалий развития мирохозяйственных связей и процессов. Но возможен и третий вариант управления – «интегративный», и он представляется нам наиболее эффективным, поскольку, отталкиваясь от обоснований, данных Давыдовым, в нем синтезируются «суперпозиции «тянущей» и «толкающей» систем управления, когда управление изменениями системы таможенного администрирования происходит квазисинхронно процессам развития внешней среды..., и внутренней среды – экономических и внешнеэкономических процессов развития Российской Федерации» (Давыдов, 2016, 80).

Безусловно, формат управления изменениями в таможенном администрировании крайне важен, поскольку внедрение инноваций любого уровня характера происходит в особенных социокультурных, экономических, политических условиях, в совокупности формирующих как благоприятные, так и неблагоприятные (барьеры) факторы и условия реализации инноваций. И, тем не менее, целью совершенствования таможенного администрирования, согласно Стратегии развития таможенной служ-

¹ Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 мая 2020 г. № 1388-р.

бы РФ до 2030 года, является «создание максимально благоприятных условий перемещения товаров через таможенную границу за счет автоматизации совершаемых операций с использованием информационных технологий с применением элементов искусственного интеллекта, оптимизации деятельности контрольных органов»¹, а потому социологический подход к оценке реализации этого целевого ориентира Стратегии представляется особенно важным, так как позволит не только диагностировать реальные процессы информатизации таможенной системы, достижения в управлении ею, но и проникнуть в суть проблем, возникающих на пути совершенствования таможенного администрирования в координатах масштабной информатизации деятельности таможенных органов РФ.

В этой связи, социологическое изучение эффективности таможенного администрирования в координатах реализации указанных функций и внедрения информационных технологий в административной деятельности таможенных органов РФ предполагает определение в качестве ключевых единиц измерения следующие:

- динамика и вектор изменений таможенного администрирования в результате масштабной информатизации таможенной системы РФ;
- направления, результаты и барьеры внедрения информационных технологий в административную деятельность таможенных органов РФ.

Совокупный характер показателей, полученных по указанным индикаторам, позволит определить функциональную эффективность таможенного администрирования с точки зрения реализации интересов государственной таможенной политики и сервисную состоятельность как ориентированность на нужды и интересы участников внешнеэкономической деятельности.

Выводы

Повышение эффективности таможенного администрирования в современной России связывается многими специалистами с внедрением информационных технологий в саму систему управления таможенной сферой и в деятельность таможенных органов. Социологический ракурс исследования обозначенной проблемы предполагает формирование соответствующего теме и российским реалиям методологического поля. Его составили идеи и принципы информационно-интегрированного подхода к изучению таможенной службы, с которым сочетаются концепция «сервисной таможни», в рамках которой таможенное администрирование представлено как сервисно-ориентированное, и структурно-функциональный подход. В рамках последнего таможенное администрирование рассматривается как ресурс реализации государственной политики в области таможенного дела с помощью определенных, нормативно прописанных функций и задач. Их эффективность также, как и в случае с сервисной составляющей таможни, которая обозначена как значимая в Стратегии развития таможенной службы РФ до 2030 года, во многом связывается с эффективностью внедрения новых информационных технологий в деятельность таможенных органов, в том числе на уровне администрирования. В этой связи основными индикаторами социологического измерения роли информационных технологий в повышении эффективности таможенного администрирования в России, как с точки зрения функциональной эффективности, так и сервисной, определены: динамика и вектор изменений таможенного администрирования в результате масштабной информатизации таможенной системы РФ; направления, результаты и ба-

¹ Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 мая 2020 г. № 1388-р.

рьеры внедрения информационных технологий в административную деятельность таможенных органов РФ.

Литература

- Алямкин, С.Н. (2015). Реализация функций таможенных органов Российской Федерации на современном этапе. *Мир науки и образования*, 4.
- Бакаева, О.Ю. (2009). Правовые аспекты таможенного администрирования: понятие и признаки. *Государство и право*, 11, 94–98.
- Белоусова, Т.И., Антонова, Е.И., Шаланина, Н.А. (2017). Современные технологии таможенного администрирования. *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*, 1 (78). DOI: 10.17238/Issn1815-0683.2017.1.16.
- Бойкова, М.В. (2017). Зарубежный опыт таможенного администрирования. М.: РИО Российской таможенной академии, 130.
- Давыдов, Р.В. (2016). Управление изменениями системы таможенного администрирования в РФ с учетом развития Евразийского экономического союза. *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*, 1 (74), 74-82.
- Досмырза, Д. (2013). Система таможенного администрирования в государственном управленческом процессе. *Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан*, 1-2 (29), 45-50.
- Иващенко, М.В. (2010). Таможенное администрирование и необходимость формирования новых подходов к его организации. *Юрист-Правовед*, 6, 107-111.
- Калиновская, Н.А., Моисеенко, Р.А. (2016). Теоретические взгляды на развитие процессно-ориентированного управления таможенной деятельностью. *Экономика и бизнес: теория и практика*, 9, 59-63.
- Каимова, И.В. (2017). К вопросу применения интегративного подхода в формировании управленческого потенциала руководителей структурных подразделений таможенных органов РФ. *Проблемы экономики и менеджмента*, 4 (68), 23-26.
- Макрусов, В.В. (2015). Трансформация института таможенного администрирования в систему таможенных услуг: задача и особенности ее решения. *Вестник ГУУ*, 1, 231-237.
- Макрусов, В.В. (2017). Актуальные аспекты реализации концепции сервисно-ориентированного таможенного администрирования. *Таможенное дело*, 2, 13-17.
- Макрусов, В.В. (2019). Развитие теории и практики таможенного администрирования на основе интегративной концепции: мировой и отечественный опыт. *Вестник Московского университета МВД России*, 3, 242-247. DOI: 10.24411/2073-0454-2019-10175.
- Норт, Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики (Пер. с англ. А.Н. Нестеренко). М.: Фонд экономической книги «Начала», 180.
- Скударнова, А.Д., Разживина, Д.Д., Макрусов, В.В. (2018). Показатели деятельности таможенных органов Российской Федерации в условиях реализации концепции «десять шагов навстречу бизнесу». *Стратегии бизнеса*, 9 (53), 12-16.
- Смирнова, Е.А. (2013). Оценка эффективности деятельности электронной таможни. *Вестник АГТУ. Серия: Экономика*, 1, 132-137.
- Турбин, И. В. (2014). Оценка деятельности таможенных органов на основе существующей системы показателей и предложения по их совершенствованию. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Экономика. Управление. Право*, 3, 587-594.
- Филимонцева, Е.М. (2017). Системный подход как основа управления деятельностью таможенных органов. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*, 3, 69-73. DOI: 10.23394/2079-1690-2017-1-3-69-73.
- Хасс, Д. (2007). Социологический неинституционализм и анализ организаций (предисловие к разделу). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент*, 3, 112-125.
- Таможенное администрирование в России: какими должны быть современные процедуры? Режим доступа: https://www.alt.ru/expert_opinion/65314/
- Цифровые технологии будут навсегда зачислены на службу в таможню. Режим доступа: https://www.alt.ru/expert_opinion/70740/

References

- Alyamkin, S.N. (2015). Implementation of the functions of the customs authorities of the Russian Federation at the present stage. *The world of science and education*, 4.
- Bakaeva, O. Yu. (2009). Legal aspects of customs administration: concept and features. *State and right*, 11, 94–98.

- Belousova, T.I., Antonova, E.I., Shalanina, N.A. (2017). State-of-the-Art Technologies of Customs Administration. *Customs policy of Russia in the Far East*, 1 (78). DOI: 10.17238/Issn1815-0683.2017.1.16.
- Boykova, M.V. (2017). Foreign experience in customs administration. Moscow: RIO Russian Customs Academy, 130.
- Davydov, R.V. (2016). Management of changes in the system of customs administration in the Russian Federation, taking into account the development of the Eurasian Economic Union. *Customs policy of Russia in the Far East*, 1 (74), 74-82.
- Dosmyrza, D. (2013). The system of customs administration in the state management process. *Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*, 1-2 (29), 45-50.
- Ivashchenko, M.V. (2010). Customs administration and the necessity to develop new approaches to its organization. *Yurist-Pravoved*, 6, 107-111.
- Kalinovskaya, N.A., Moiseenko, R.A. (2016). Theoretical views on the development of process-oriented management of customs activities. *Economics and Business: Theory and Practice*, 9, 59-63.
- Kaimova, I.V. (2017). On the issue of applying an integrative approach in the formation of the managerial potential of the heads of structural divisions of the customs authorities of the Russian Federation. *Problems of Economics and Management*, 4 (68), 23-26.
- Makrusev, V.V. (2015). Transformation of the institution of customs administration into the system of customs services: the task and features of its solution. *Vestnik universiteta (Vestnik GUU)*, 1, 231-237.
- Makrusev, V.V. (2017). Actual aspects of the implementation of the concept of service-oriented customs administration. *Customs business*, 2, 13-17.
- Makrusev, V.V. (2019). Development of the theory and practice of customs administration based on an integrative concept: world and domestic experience. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 3, 242-247. DOI: 10.24411/2073-0454-2019-10175.
- North, D. (1997). Institutions, Institutional Change and Economic Performance (translated from English by A.N. Nesterenko). Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi "Nachala", 180.
- Skudarnova, A.D., Razzhivina, D.D., Makrusev, V.V. (2018). Performance indicators of the customs authorities of the Russian Federation in the context of the implementation of the concept of "ten steps towards business". *Business Strategies*, 9 (53), 12-16.
- Smirnova, E.A. (2013). Evaluation of the effectiveness of e-customs. *Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics*, 1, 132-137.
- Turbin, I. V. (2014). Evaluation of the activities of customs authorities based on the existing system of indicators and proposals for their improvement. *News of the Saratov University. New series. Economy. Control. Law*, 3, 587-594.
- Филимонцева, Е.М. (2017). Системный подход как основа управления деятельностью таможенных органов. *State and municipal administration. Scientific Notes SKAGS (RANEPa-Rostov)*, 3, 69-73. DOI: 10.23394/2079-1690-2017-1-3-69-73.
- Hass, D. (2007). Sociological neoinstitutionalism and the analysis of organizations (foreword to the section). *Vestnik of Saint-Petersburg University. Management*, 3, 112-125.
- Customs administration in Russia: what should be the modern procedures? Available at: https://www.alta.ru/expert_opinion/65314/
- Digital technologies will be enlisted in the service of customs forever. Available at: https://www.alta.ru/expert_opinion/70740/

Дата получения рукописи: 30.10.2022

Дата окончания рецензирования: 16.11.2022

Дата принятия к публикации: 29.11.2022

Информация об авторе

Курочка Андрей Андреевич – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Ростовский филиал Российской таможенной академии, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: kurochka-andrey@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Kurochka Andrey Andreevich – Senior Lecturer, Department of State and Legal Disciplines, Rostov branch of the Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: kurochka-andrey@yandex.ru

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.354:351/354

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.4.3

EDN ZYHSOX

**Активизация взаимодействия местного сообщества и муниципальной власти
в решении локальных проблем****Наталья А. Латушко¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: nlatushko@sfedu.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования определяется необходимостью вовлечения местного сообщества к решению локальных проблем, оптимизации системы муниципального управления как одного из факторов формирования и накопления социального капитала местного сообщества. Одной из проблем является пассивность использования форм сотрудничества между местным сообществом и муниципальной властью.

Методы исследования. В исследовании применены аналитический и статистический методы. Также использованы данные и результаты общероссийских социологических исследований.

Результаты и обсуждение. В целом потенциал местного сообщества в решении приоритетных социально-экономических задач, направленных на улучшение качества жизни населения, используется не в полном объеме. Это в свою очередь может быть связано как с наличием организационно-управленческих проблем, так и с недостаточной активностью населения, основанной на низкой степени доверия населения к институту местного самоуправления. Поэтому в целях активизации данных процессов необходимо: 1) повысить открытость и информативность данных о деятельности органов местного самоуправления 2) повысить уровень профессионализма муниципальных служащих 3) выстраивать новые формы социального сотрудничества в соответствии с местной спецификой.

Ключевые слова: местное самоуправление; местное сообщества; социальная активность; доверие; социальный капитал; территориальное общественное самоуправление; социально ориентированные некоммерческие организации.

Для цитирования: Латушко Н. А. (2022). Активизация взаимодействия местного сообщества и муниципальной власти в решении локальных проблем. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). С. 32-38. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.3>

**Activation of interaction between the local community and municipal authorities
in solving local problems****Natalia A. Latushko¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: nlatushko@sfedu.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study is determined by the need to involve the local community in solving local problems, optimizing the municipal management system, forming and accumulating the social capital of the local community. One of the problems is the passivity of using forms of cooperation between the local community and the municipal government.

Research methods. The logical method, content analysis of normative documents, secondary interpretation of data from all-Russian monitoring sociological studies were used in the study.

Results and discussion. In general, the potential of the local community in solving priority socio-economic tasks aimed at improving the quality of life of the population is not fully used. This, in turn, may be due both to the presence of organizational and managerial problems and to insufficient activity of the population, based on a low degree of public confidence in the institution of local self-government. Therefore, in order to activate these processes, it is necessary: 1) to increase the openness and informativeness of data on the activities of local self-government bodies 2) to increase the level of professionalism of municipal employees 3) to develop new forms of social cooperation in accordance with local specifics.

Keywords: local self-government; local communities; social activity; trust, social capital; territorial public self-government; socially oriented non-profit organizations.

For citation: Latushko N. A. (2022). Activation of interaction between the local community and municipal authorities in solving local problems. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). С. 32-38. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.3>

Введение

Одной из стратегических задач современного российского общества является улучшение качества жизни населения, а также снижения социальной напряженности как индикатора эффективности социально-экономических реформ. Важная роль в данном процессе отведена органам местного самоуправления. В структуре публичной власти именно муниципальный уровень наиболее приближен к населению, обеспечивая функционирование основных процессов его жизнедеятельности, удовлетворения социальных потребностей членов местного сообщества, параллельно сопровождаемый процессом социализации. Это, несомненно, требует наличия не только соответствующих полномочий, закрепленных в соответствии с законодательством, но и реальных организационных, финансово-экономических и иных ресурсов. Но, на сегодняшний момент ресурсная база органов местного самоуправления затрудняет процесс реализации данных полномочий, а функциональность местного самоуправления регулируется федеральным и региональным законодательством, снижая его управленческую самостоятельность. Одним из решений вышеобозначенной проблемы может быть более масштабное привлечение местного сообщества к решению локальных задач.

Теоретическое обоснование

В доминирующих на сегодняшний момент теориях постиндустриального общества в работах Д. Белла, Ж. Фурастье, А. Турена, Г. Кана в части анализа факторов экономического роста национальных экономик происходит смещение акцентов в сторону изучения человеческого и социального капиталов как совокупности неосязаемых ценностей – таких как доверие, нормы, убеждения, знания, навыки (Белл, 2004; Кан, 1980; Коулмен, 1991; Патнэм, 2000; Фукуяма, 2006). Социальный капитал местного сообщества можно определить как коллективные действия социальных акторов на основе нормативно-ценностного наполнения в рамках локальной территории для достижения общей цели (Патнэм, 1993; Рогач, 2019). И значительная роль в создании социального капитала принадлежит органам местного самоуправления так как именно на местном уровне происходит формирование всех компонентов социального капитала посредством выстраивания диалога между населением и властью, основанном на доверии, на открытом и коллективном процессе принятия решений в интересах местного сообщества, удовлетворения социальных потребностей членов местного сообщества. Если на государственном уровне приращение социального капитала осуществляется на счет создания более выгодных условий для перемещения капитала, то на муниципальном уровне приумножение социального капитала происходит на основе активного взаимодействия всех членов местного сообщества.

В исследовательском поле существует несколько трактовок дефиниции социальная активность. Социологический подход к определению социальной активности заключается в осознанной деятельности субъекта или личности, ориентированной на решение проблем социальной общности, а также оказывающих влияние на закономерное преобразование социальной действительности (Кравченко, 2004). В рамках философского подхода социальная активность рассматривается как тип активности индивида в обществе, связанный с социальным уровнем организации материи,

направленный на познание, взаимодействие и преобразование действительности (Философский словарь, 2001). С позиции социальной психологии социальная активность представляет собой осознанную деятельность личности, степень активности которой зависит от возможностей и способностей индивида как части общества, направленную на преобразование действительности и личности (Гончарова, 2019).

На уровне местного самоуправления социальная активность заключается в осознанной деятельности местного населения при непосредственном воздействии местных органов власти и управлении, а также поиске наиболее оптимальных механизмов их взаимодействия. И социальная активность населения являются необходимым условием увеличения социального капитала.

Методы

В теоретическом разделе работы использован аналитический метод, в части анализа понятия «социальная активность» применены элементы деятельностного подхода. В практической части работы – статистический метод. Также использованы данные и результаты общероссийских социологических исследований.

Результаты

Одной из основных проблем успешного функционирования местного самоуправления является низкая экономическая автономия при одновременном увеличении количества полномочий.

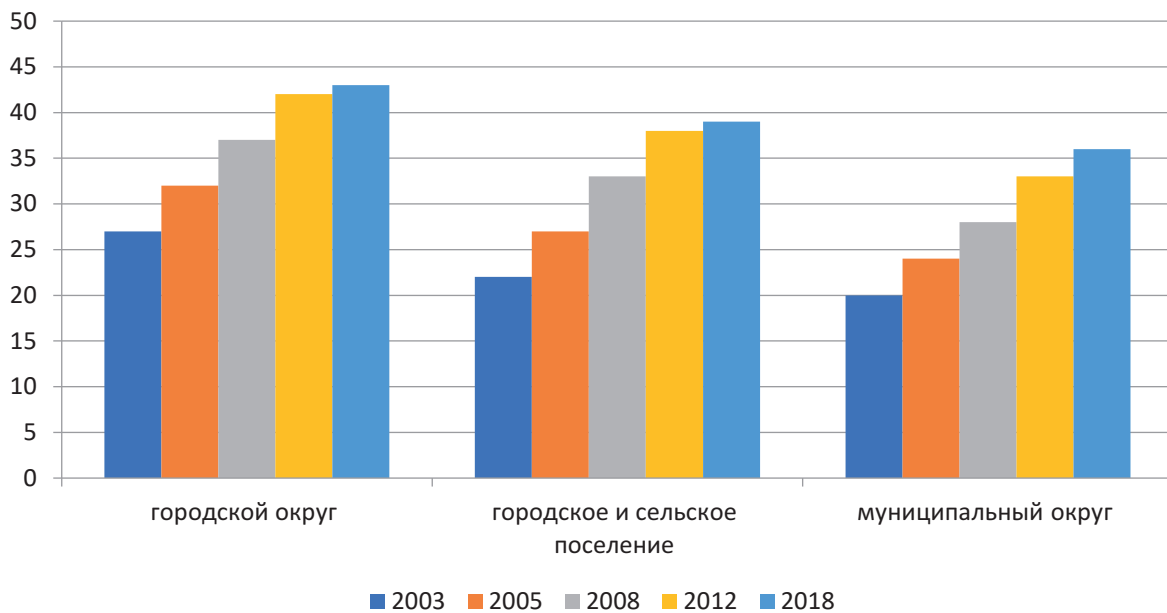

Рисунок 1. Расходные обязательства местных бюджетов в 2003-2018 гг., количество

Очевидно, что за 2003-2018 года произошло значительное увеличение расходных обязательств местных бюджетов, оказывая влияние на социально-экономическую политику местных властей концентрации ресурсов на наиболее важных социальных и политических обязательствах (рис.1).

Одной из основных форм самоорганизации граждан на локальной муниципальной территории как института местного самоуправления в Российской Федерации, направленного на решение местных проблем является территориальное общественное самоуправление, что закреплено в ст. 14, 15, 16, 27 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Практика формирования и развития данного института была представлена в Стратегии развития территориального общественного самоуправления до 2030 года, где наряду с позитивной оценкой состояния ТОСов в стране, факторами, оказывающими влияние на снижение эффективности деятельности территориального общественного самоуправления являются инертное предложение по созданию ТОСов со стороны граждан либо активное их формирование без учета интересов населения органами местной власти (Стратегия..., 2022).

Еще одним способом вовлечения населения в поле решения местных проблем является деятельность НКО. Социальная активность представителей местного сообщества находит реализацию в деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, тем самым оказывая влияние на выстраивание тесных связей между местной властью и населением. Это в свою очередь приводит к более активному вовлечению населения в процессы социально-экономического развития локалитетов.

Например, поддержка деятельности ОНКО на территории Ростовской области включает консультационную, организационно-методическую и финансовую помощь со стороны местных властей. В Ростовской области за 2020 год 53 программы СОНКО были профинансированы в виде субсидий из средств местного бюджета в объеме 4 121,1 тыс. рублей (Меры..., 2022). Основные сферы реализации проектов были сконцентрированы на решении социальных проблем по направлениям: культура, спорт, религиозные и межэтнические отношения, поддержка социально уязвимых групп населения. В 2021 году проекты СОНКО Ростовской области, направленные на развитие гражданского общества, финансируемые за счет грантов Президента РФ получила 41 СОНКО в объеме 50, 2 млн. руб.

Согласно данным общероссийского мониторинга «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом социокультурном и этнорелигиозном контекстах», проводимых Институтом социологии РАН, фиксируется низкая степень доверия населения к институту местного самоуправления (30% на 01.04.2018 г) в сравнении со всеми остальными властными институтами. Также негативным моментом является доминирование количества респондентов, выражающих полное недоверие к деятельности органов местного самоуправления (46% на 01.04.2018 г.). Наиболее высоких значений данный показатель достиг осенью 2016 года (рис. 2).

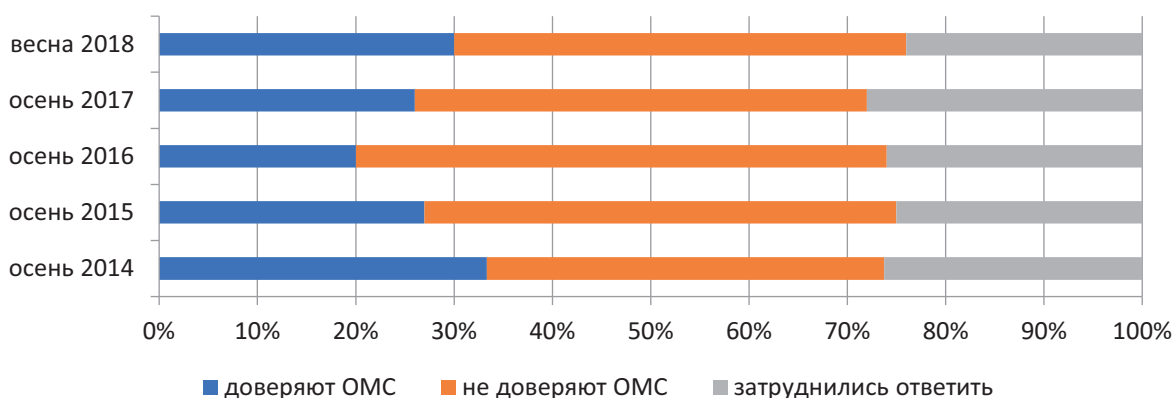

Рисунок 2. Динамика уровня доверия населения к работе органов местного самоуправления за 2014-2018 гг, %

Также согласно данным мониторинга ВЦИОМ социальной активности населения с 2004г. по 2021г. наблюдается низкая степень участия населения в деятельности

общественных организаций (4%), работе местного общественного самоуправления (7%), но в 5 раз возросла активность в части участия в коллективном благоустройстве (24%) и в 3 раза в оказании помощи населению, оказавшегося в тяжелом положении (20%) (рис.3).

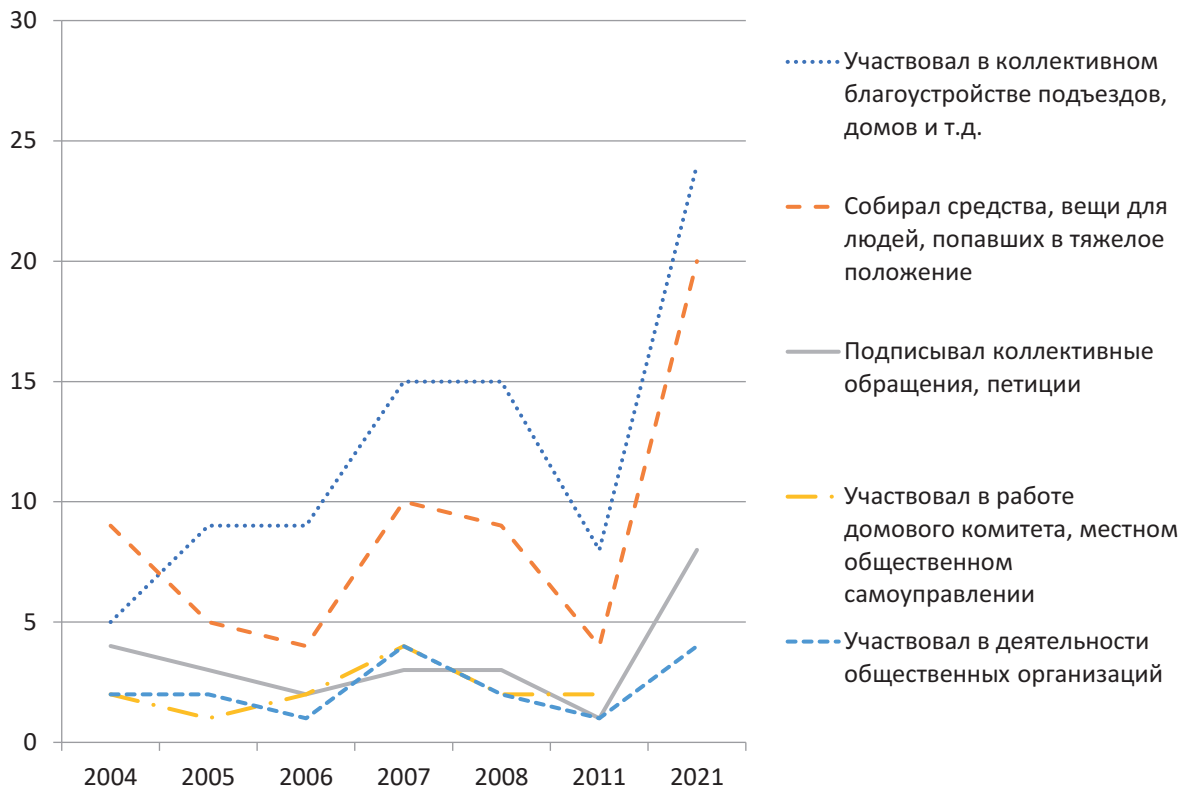

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос о личном участии в общественной жизни, %

Но, в целом за рассматриваемый период произошел рост вовлеченности в общественную жизнь и инициативность населения, и положительная динамика с 2011г. по 2021г. может свидетельствовать об увеличении результативности совместной деятельности местного сообщества и местной власти в улучшении качества жизни и самоорганизации.

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что местное сообщество в решении приоритетных социально-экономических задач, направленных на улучшение качества жизни населения, используется не в полном объеме вовлечено в данные процессы. Это в свою очередь может быть связано как с наличием организационно-управленческих проблем, так и с недостаточной активностью населения, основанной на низкой степени доверия населения к институту местного самоуправления.

Степень доверия к институту местного самоуправления остается по-прежнему на низком уровне. Это в свою очередь, по мнению П. Штомпка, зависит от степени прозрачности и дистанцированности субъектов местного самоуправления от населения и соответственно снижает возможность получения соответствующей информации с ее последующей оценкой (Штомпка, 2012). Доверие населения к деятельности органов власти зависит от ряда факторов, основными из которых являются уверенность в профессионализме исполнителей, доступностью и информативности данных для возможной оценки результатов деятельности органов местного самоуправления.

Поэтому в целях повышения уровня доверия местного сообщества с последующим активным вовлечением его в решение местных проблем необходимо, чтобы прямые коммуникации в системе муниципального управления – население были предельно открыты, а также в целях контроля со стороны населения и максимально прозрачны, что в условиях цифровой трансформации системы управления в Российской Федерации может быть достигнуто.

Также в решении вопросов местного значения возможно использование методов социального сотрудничества с учетом местной специфики, основанных на адресных, консолидированных, групповых, социокультурных, локальных интересах населения. Данные технологии во многом будут способствовать вовлечению более широкого круга населения, объединению жителей локалитета на основе общности интересов и потребностей, поиска компромиссных решений по наиболее острым местным проблемам, формированию местного самосознания граждан. В этом аспекте необходимо в первую очередь повышение профессионального уровня муниципальных служащих.

И в целом, вышеобозначенные предложения могут способствовать более интенсивному созданию условий для приумножения социального капитала территории.

Литература

- Белл, Д. (2004). Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 70-160.
- Гончарова, Н. В., Поповкина, О. П. (2019). Социальная активность личности: теоретический аспект в научной литературе. *Евразийский Союз Ученых*, 4–5, 61.
- Кан, Г. (1980). Грядущий подъем: экономический, политический, социальный. М., 169–170.
- Кравченко, С.А. (2004). Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М.: Астрель; АСТ; Транзиткнига.
- Петухов, Р.В. (2018). К проблеме социального содержания местного самоуправления. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 6, 131–146. DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.07.
- Рогач, О.В. (2019). Социальный капитал местных сообществ: индикаторы измерения и условия формирования. *Социодинамика*, 8. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.8.30342.
- Турен, А. (1998). Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 30–36.
- Философский словарь (2001). Под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика.
- Фукуяма, Ф. (2006). Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ: Хранитель.
- Штомпка, П. (2012). Доверие – основа общества. М.: Логос, 207–367.
- Coleman, J. S. (1991). *Grundlagen der Sozialtheorie*. Bd. 1. München: Oldenburg, XVI, 392.
- Putnam, R. D. (1993). *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Prtss, 258.
- Putnam, R. D. (2000). *Bowling alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster, 541.
- Аналитический обзор ВЦИОМ «Социальная и политическая активность россиян: мониторинг». Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring>.
- Единый портал поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций Ростовской области. Режим доступа: <https://nko.donland.ru>.
- Общенациональная ассоциация территориального общественного самоуправления. Режим доступа: <https://www.oatos.ru/blog>.

References

- Bell, D. (2004). *The coming post-industrial society. The experience of social forecasting*. Moscow: Academia, 70-160.
- Coleman, J. S. (1991). *Grundlagen der Sozialtheorie*. Bd. 1. München: Oldenburg, XVI, 392.
- Fukuyama, F. (2006). *Trust: social virtues and the path to prosperity*. Moscow: AST: Keeper.
- Goncharova, N. V., Popovkina, O. P. (2019). Social activity of personality: theoretical aspect in scientific literature. *Eurasian Union of Scientists*, 4–5, 61.

- Kan, G. (1980). The coming rise: economic, political, social. Moscow. 169-170
- Kravchenko, S.A. (2004). Sociological encyclopedic Russian-English dictionary. Moscow: Astrel; AST; Transit book.
- Petukhov, R.V. (2018). On the problem of the social content of local self-government. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*, 6, 131-146. DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.07.
- Putnam, R. D. (1993). Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton: Princeton University Prtss, 258.
- Putnam, R. D. (2000). Bowling alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster, 541.
- Rogach, O.V. (2019). Social capital of local communities: measurement indicators and formation conditions. *Sociodynamics*, 8. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.8.30342.
- Touren, A. (1998). The return of the acting man. Essay of sociology. Moscow: Scientific world, 30–36.
- Philosophical Dictionary (2001). Edited by I.T. Frolovayu (ed.) Moscow: Respublika.
- Shtompka P. (2012) Trust is the foundation of society. Moscow: Logos, 2012, 207–367.
- Analytical review of VCIOM «Social and political activity of Russians: monitoring». Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring>.
- Unified portal for the support of socially oriented non–profit organizations of the Rostov region. Available at: <https://nko.donland.ru>.
- National Association of Territorial Public Self-Government. Available at: <https://www.oatos.ru/blog>

Дата получения рукописи: 08.11.2022

Дата окончания рецензирования: 14.11.2022

Дата принятия к публикации: 21.11.2022

Информация об авторе

Латушко Наталья Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической социологии и регионального управления, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: nlatushko@sfedu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Latushko Natalia Aleksandrovna – Candidate of Sciences in Economy, Associate Professor, Department of Economic Sociology and Regional Administration, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: nlatushko@sfedu.ru

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.354:355

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.4.4

EDN YKRWJL

**Суррогация в муниципальном управлении
(по материалам зарубежных исследований)****Алиса Л. Рудковская¹**

¹ Отдел предпроверочного анализа №2 межрайонной ИФНС России №27,
г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: alissav@yandex.ru

Аннотация

Введение. В данной статье автором предпринимается попытка провести критический анализ научной литературы, посвященной проблеме суррогации в муниципальном управлении. Актуальность этой темы обосновывается необходимостью научного осмысления результатов внедрения оценки управленческого труда в государственном и муниципальном управлении по количественным показателям, также известным как KPI. Предполагается, что имплементация корпоративных инструментов управления, заимствованных из США, может привести к неприятию субъектами управления новых принципов оценки их работы. В данной статье проводится ретроспектива научных и специализированных публикаций, посвященных проблеме суррогации в управлении.

Методы. Основные методы данного исследования – сравнительный анализ, анализ документов, критический анализ научной литературы. Цель исследования – проанализировать работы зарубежных авторов, посвященные проблеме использования количественных показателей оценки эффективности управленческого труда в органах муниципального управления. Данная статья носит обзорный характер и направлена на формирование интереса научного сообщества к вопросу рассмотрения влияния внедрения корпоративных инструментов управления на паттерны поведения управленцев в государственном и муниципальном управлении.

Результаты. Суррогация – психологический феномен, оказывающий влияние на управленческое поведение менеджеров, связанный с подменой реальных результатов деятельности количественными показателями (суррогатами). Этот термин, по сути, объединяет в себе результаты работ множества исследователей, посвятивших свои работы изучению метрики эффективности управления. К важным теоретическим построениям, связанным с процессом суррогации, мы относим закон Гудхардта, закон Кэмпбела, «эффект кобры» и критику Лукаса. Зарубежные публикации также имеют своеобразное, хоть и не столь полярное, разделение, где специалисты-практики и теоретики управления из США, Великобритании и других развитых стран обращают внимание на то, что количественные показатели одновременно с преимуществами обладают значительным количеством недостатков, а исследователи из развивающихся стран (преимущественно Азии) стремятся использовать их для борьбы с коррупцией, непрозрачностью и некомпетентностью управленцев. Отечественная культура управления сочетает в себе как прогрессивные и ориентированные на результат нелиберальные тенденции, так и характерный для азиатских культур коллективизм, стремление к единоначалию. В этой связи особенно актуальными и необходимыми становятся социологические исследования, обогащенные эмпирически фиксируемыми фактами, демонстрирующими принятие или отторжение концепции оценки управленческой эффективности по количественным показателям.

Заключение. По итогам проведенного исследования сделан вывод о том, что актуальными и необходимыми становятся социологические исследования, обогащенные эмпирически фиксируемыми фактами, демонстрирующими принятие или отторжение концепции оценки управленческой эффективности по количественным показателям. Для этого необходимо перейти от теоретизирования к эмпирике и предпринять попытку выйти на контакт с управленцами и рядовыми сотрудниками публичного сектора, поставленными перед необходимостью работать с ориентацией на достижение тех или иных количественных показателей эффективности. Дальнейшие перспективы исследования мы усматриваем в проведении экспертных опросов, глубинных интервью и фокус-групп с представителями российского муниципального управления и формализации их субъективных оценок эффективности такого управленческого подхода.

Ключевые слова: суррогация; ключевые показатели эффективности; KPI; количественные показатели; эффективность управления; муниципальное управление; государственное управление.

Для цитирования: Рудковская А.Л. (2022). Суррогация в муниципальном управлении (по материалам зарубежных исследований). *Caucasian Science Bridge*, 5 (4), С. 39-48. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.4>

Surrogation in municipal administration (based on foreign research materials)

Alisa L. Rudkovskaya¹

¹Deputy Head of the Pre-test Analysis Department №2 Interdistrict Federal Tax Service of Russia №27, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: alissav@yandex.ru

Abstract

Introduction. In this article the author tries to conduct a critical analysis of the scientific literature devoted to the problem of surrogation in municipal administration. The relevance of this topic is justified by the need to scientifically comprehend the results of implementation of assessment of managerial labor in state and municipal administration by quantitative indicators, also known as KPIs. It is assumed that the implementation of corporate management tools, borrowed from the U.S., may lead to non-acceptance by the subjects of management of the new principles of assessment of their work. This article provides a retrospective of scientific and specialized publications devoted to the problem of surrogacy in management.

Methods. The main methods of this study are comparative analysis, analysis of documents, critical analysis of scientific literature. The aim of the study is to analyze the outstanding works of foreign and domestic authors devoted to the problem of using quantitative indicators to assess the effectiveness of managerial work in state and municipal administration bodies of the Russian Federation. This article is of reviewing nature and is aimed at generating the interest of the scientific community in the issue of considering the impact of the introduction of corporate management tools on the patterns of behavior of managers in state and municipal administration.

Results. Surrogation is a psychological phenomenon that affects the managerial behavior of managers, associated with the substitution of real performance by quantitative indicators (surrogates). This term, in fact, combines the results of the work of many researchers who have devoted their work to the study of the metrics of managerial effectiveness. Among the important theoretical constructs related to the surrogation process we include Goodhardt's law, Campbell's law, the "cobra effect" and Lucas' critique. Foreign publications also have a peculiar, though not so polar, division, where specialists, practitioners and management theorists from the USA, Great Britain and other developed countries pay attention to the fact that quantitative indicators simultaneously with advantages have a significant number of drawbacks, and researchers from developing countries (mainly Asia) seek to use them to fight corruption, non-transparency and incompetence of managers. Russian management culture combines both progressive and result-oriented neoliberal tendencies and collectivism characteristic of Asian cultures and a inclinations of authoritarian management. Thus, sociological research enriched with empirically recorded facts showing the acceptance or rejection of the concept of evaluating the managerial effectiveness by quantitative indices becomes especially urgent and necessary.

Conclusion. According to the results of the study, the conclusion is that sociological research, enriched with empirically fixable facts, demonstrating the acceptance or rejection of the concept of assessing managerial effectiveness by quantitative indicators, becomes relevant and necessary. This requires moving from theorizing to empiricism and attempting to reach out to managers and ordinary employees in the public sector who have been challenged to work with a focus on achieving some kind of quantitative performance. We see further prospects for the study in conducting expert surveys, in-depth interviews and focus groups with representatives of Russian municipal administration and formalizing their subjective assessments of the effectiveness of this managerial approach.

Keywords: surrogation; key performance indicators; KPI; quantitative indicators; management effectiveness; municipal administration; public administration.

For citation: Rudkovskaya A.L. (2022). Surrogation in municipal administration (based on materials of foreign studies). *Caucasian Science Bridge*, 5 (4), P. 39-48. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.4>

Введение

Оценка эффективности деятельности органов публичной власти по доступным публике количественным показателям де факто является установленной нормой в современной России. Однако использование таких показателей в качестве инструмента оценки результативности органов государственного и муниципального управления можно считать внедрением инструментов корпоративного менеджмента в пу-

бличный сектор. Это, в свою очередь, вызывает серьезные опасения, так как вышеописанные инструменты достаточно плохо согласуются с принципами демократии и народного представительства. Связано это, в первую очередь, с тем, что управленческая культура органов власти серьезно отличается от корпоративной. Из этого следует логичный вопрос: смогут ли современные отечественные управленцы, работающие в муниципальном и государственном секторе, эффективно реализовывать свои обязанности в системе, оценивающей управленческий труд на основе KPI? В этой работе мы предпримем попытку провести ретроспективный анализ внедрения оценки эффективности на основе количественных показателей. В результате нашего исследования мы сформулируем основные проблемы внедрения такой системы оценки эффективности.

Методы

Основные методы данного исследования – сравнительный анализ, анализ документов, критический анализ научной литературы. Цель исследования – проанализировать выдающиеся работы зарубежных и отечественных авторов, посвященные проблеме использования количественных показателей оценки эффективности управленческого труда в органах государственного и муниципального управления. Данная статья носит обзорный характер и направлена на формирование интереса научного сообщества к вопросу рассмотрения влияния внедрения корпоративных инструментов управления на паттерны поведения управленцев в государственном и муниципальном управлении.

Результаты

Фундаментальной работой, обосновавшей интерес теоретиков и практиков управления к количественным показателям эффективности, можно считать статью Каплана и Нортон под названием: «Using the Balanced Scorecard as a Strategic Management System» (Kaplan, Norton, 1996). (англ. Использование системы сбалансированных показателей в качестве системы стратегического управления). Она, по мнению многих, совершила революцию в сфере бизнес-метрики и привела к появлению широко употребляемого термина KPI (Key performance indicators) – ключевых показателей эффективности. По таким показателям в нашей стране оценивается эффективность как работающих в реальном, так и в публичном секторе экономики. Система сбалансированных показателей позволила, путем внедрения нефинансовых показателей, прогнозировать будущие финансовые результаты. Это значит, что бизнес-метрика перешла на качественно новый уровень – от констатации того, что уже произошло к прогнозу будущих событий. Примечательно то, что вышеописанная система оценки, характерная для реального сектора экономики, достаточно быстро нашла свой путь в сектор публичный и обрела популярность среди управленцев как на государственном, так и на муниципальном уровне. Объяснить это можно тем, что представители публичной власти в современных городах поставлены перед практической необходимостью повышать эффективность своего труда любыми доступными способами. Такой подход, очевидно, не всегда соответствует демократическим ценностям и принципам народного представительства, но на момент внедрения таких показателей в США вопрос эффективности стоял достаточно остро. Во-первых, межмуниципальная конкуренция приводила к необходимости рационализации управленческих практик, а постоянно растущие расходы и потребности населения требовали вмешательства профессиональных менеджеров, не обремененных обязательствами перед электоратом. Таким образом, в западных странах внедрение систем KPI в пу-

бличный сектор стала популярной из-за острой необходимости повысить результативность управленческого труда в отдельно взятых муниципальных образованиях. Стоит отметить, что замена демократически избранных управленцев на тех, кто назначался по контракту, не была повсеместной, а зависела от решения городских советов конкретных муниципалитетов. Это свидетельствует о том, что не всегда и не везде внедрение корпоративных инструментов управления связано с повышением эффективности управления. Некоторые сложившиеся системы управления попросту не нуждались в реформировании, а некоторые были столь дисфункциональны, что им была необходима своеобразная «шоковая терапия», которой и можно считать внедрение систем KPI. Это был, своеобразный коренной переворот в системе публичного управления.

Появление систем KPI в публичном управлении вызвало серьезный интерес исследователей, предпринявших попытки оценить последствия такой управленческой инновации. Множество исследователей рассматривали перспективы и преимущества этой системы оценки эффективности в различных сферах общественной жизни: в медицине (Feliciano, 2020), общественном транспорте (Baikushikova, 2021), сфере высшего образования (Santati 2022). Складывается впечатление, что практически любая управленческая ниша может принять принципы оценки эффективности по KPI и значительно повысить эффективность. Однако здесь наблюдается достаточно интересный нюанс: практически все исследователи, которых можно отнести к апологетам количественной оценки эффективности, происходят из развивающихся стран Азии, Ближнего Востока, Китая, Юго-восточной Азии. При этом исследователи из стран так называемого «первого мира» (США, Великобритания, Канада и т.д.) чаще относятся к их внедрению в публичный сектор достаточно критично. По нашему мнению, это связано с разным социально-экономическим развитием этих стран и, что самое важное, с различиями в управленческой культуре. Развивающиеся страны, как правило, сталкиваются с проблемами в муниципальном и государственном управлении, связанными с коррупцией, непрозрачностью, некомпетентностью руководителей и другими пороками управленческой системы недемократических режимов. Отсутствие реально работающих механизмов народного представительства во власти приводит к её бюрократизации и консервации, следовательно, к вышеописанным социальным проблемам. В этом случае появление объективных, выраженных в цифрах, количественных показателей может стать своеобразной «панацеей» от всех проблем, исключить фактор человеческих ошибок и слабостей, рационализировать процесс управления и повысить контроль над правомерностью принятых управленческих решений. Такие страны как Китай, очевидно, испытывают серьезные проблемы с контролем качества муниципального управления из-за распространения коррупционных практик, а внедрение KPI может помочь в их искоренении. Мониторинг, скрининг, контроль и оценка по результатам, на первый взгляд, может привести повышению результативности управленческого труда и избавить систему от её «пороков». Однако такой подход отражает лишь интерес принципалов, не всегда совпадающих с народным. Это значит, что реальные последствия внедрения систем KPI в управленческих системах публичной власти могут не совпадать с ожидаемыми и заложенными принципалом в рамках тех или иных административных реформ.

Именно на это обращают внимание исследователи из западных стран. Очень распространено мнение о том, что применение количественных показателей для оценки эффективности публичного сектора управления приведет к суррогации. Суррогация – психологический феномен, оказывающий влияние на управленческое поведение менеджеров, связанный с подменой реальных результатов деятельности

количественными показателями (суррогатами). Этот термин, по сути, объединяет в себе результаты работ множества исследователей, посвятивших свои работы изучению метрики эффективности управления. К важным теоретическим построениям, связанным с процессом суррогации мы относим закон Гудхардта, закон Кэмпбелла, «эффект кобры» и критику Лукаса.

Закон Гудхардта – высказывание Чарльза Гудхардта, наиболее точно и ёмко описывающее проблему измерения эффективности. Звучит оно следующим образом: «Когда мера становится целью, она перестает быть хорошей мерой». В своей работе «Проблемы денежно-кредитного регулирования: опыт Великобритании» он высказал идею о том, что «Любая наблюдаемая статистическая закономерность будет иметь тенденцию к разрушению, как только на нее будет оказано давление в целях контроля». (Гудхардт, 1970) Это означает, что управленцы, несущие перед кем-то (работодатель/общественность) ответственность, неизбежно начнут стремиться представить свою работу в выгодном свете за счет манипуляции показателями и стремлением достичь результата через симулякр в виде количественного показателя эффективности. При этом наблюдаемая в социальной реальности эффективность пропадает из поля зрения управленца.

Закон Кэмпбелла – высказывание, принадлежащее психологу и социологу Дональду Кэмпбеллу, звучащее следующим образом: «Чем больше любой количественный социальный показатель используется для принятия социальных решений, тем больше он подвержен коррупционному давлению и тем больше он склонен исказить и коррумпировать социальные процессы, для мониторинга которых он предназначен» (Campbell, 1979). Его основная суть схожа с высказыванием Гудхардта, но имеет более четкую привязку к процессам, протекающим в социальных институтах. Он также писал о той проблеме, с которой в настоящее время столкнулась современная российская система школьного образования: «Тесты успеваемости вполне могут быть ценными показателями общей школьной успеваемости в условиях нормального преподавания, направленного на общую компетентность. Но когда результаты тестов становятся целью процесса обучения, они теряют свою ценность как показатели образовательного статуса и искажают образовательный процесс нежелательным образом». Вышеописанное демонстрирует, что внедрение в социальные институты, направленные на продуцирование безвозмездных общественных благ, количественных показателей эффективности приведет к «заикливанию» функций института на их достижение, а не на предоставление населению необходимых общественных благ.

Критика Лукаса – критика американским экономистом Робертом Лукасом макроэкономических концепций, построенных на взаимоотношениях имеющихся количественных данных и разработке моделей макроэкономических изменений. Критика Лукаса сводится к тому, что для предсказания последствий изменения той или иной политики необходимо заложить в модель так называемые «глубокие» параметры, определяющие социальное поведение акторов, действующих в институциональном пространстве (Lucas, 1976). Если адаптировать это к предметному полю социологии управления, то можно заявить, что, согласно Лукасу, внедрение инноваций и нововведений в процессы публичного управления внесет изменения в сами институциональные рамки взаимодействия социальных акторов. Эти рамки, в свою очередь, определяют их рациональное поведение, а их изменение приводит к переменам в социальном поведении. Следовательно, принимать решения о внедрении тех или иных управленческих инноваций следует в опоре на понимание того, что с изменениями правил игры наступит трансформация паттернов социального поведения. Иными словами, внедрение менеджеристских инноваций в те или иные социальные инсти-

туты будет иметь последствия, проявляющиеся в измененном поведении акторов, действующих в институциональных рамках, которые, в свою очередь, могут иметь негативный характер. Критика Лукаса касается, в основном, экономических моделей, но она может быть применена и к предметному полю социологии управления, если рассматривать ее в контексте имплементации в отечественные социальные институты заимствованных западных управленческих инноваций.

«Эффект кобры» был представлен немецким экономистом Хорстом Зибертом, описавшим его как порочный стимул, непреднамеренно вознаграждающий людей за усугубление проблемы (Siebert, 2021). В реальной управленческой практике эффект кобры напрямую связан с суррогатией управленческих процессов и принятием решений, направленных не на решение поставленных задач, а поддержание статуса кво. В качестве примера можно привести политику выплаты пособий по безработице в Великобритании. В некоторых регионах Соединенного Королевства выплаты столь высоки, что снижают мотивацию получающих их людей искать работу (и в будущем потерять возможность получать поддержку от государства). Согласно Зиберту, любые попытки принципала вмешаться в экономику и в реальный сектор взаимодействия социальных акторов друг с другом приведет к появлению искаженных паттернов социальных взаимодействий, не поддающихся прогнозам. Прогнозы принципала не всегда совпадают с пониманием реальным социальным поведением акторов, являющихся объектами управления, а их действия по отношению к изменениям правил игры в том или ином социальном институте могут радикально отличаться от ожидаемых принципалом.

Все вышеописанные концепции связаны с ключевым психологическим явлением, наблюдаемым среди управленцев, поставленных перед необходимостью работать в рамках достижения количественных показателей, известным как суррогатия.

Примером пагубного влияния суррогатии на принятие управленческих решений может быть ситуация, о которой писали Боден и Эпштайн в своих работах, посвященных высшему образованию и принятию управленческих решений (Boden, 2006) в Великобритании. Они описывают ситуацию, сложившуюся вокруг так называемой «доказательной политики», превратившейся в «политику доказательств». Доказательная политика в Соединенном Королевстве выстроена на принципах научного и экспертного подтверждения целесообразности того или иного управленческого решения или государственной реформы. Иными словами – каждое управленческое решение или изменение в политике должно быть подтверждено научно-обоснованными количественными показателями, по которым будет осуществляться контроль. И, согласно позиции авторов, это привело к тому, что суррогатия трансформировала вышеописанную доказательную политику в политику доказательств. Это значит, что вместо того, чтобы поддерживать то или иное решение соответствующими показателями менеджеры начали принимать решения исходя из показателей.

Другой коллектив американских исследователей писал о суррогатии в процессе принятия управленческих решений следующее: «Суррогатия – это тенденция, в которой менеджеры теряют из виду стратегические конструкты, которые должны представлять показатели, и впоследствии действуют так, как будто показатели и есть эти конструкты.» (Choi, 2013). В своем исследовании они приводят пример, наиболее близкий к теме нашего исследования, связанный с удовлетворенностью клиентов. Они считают, что менеджеры могут начать верить, что оценка по результатам опроса удовлетворенности клиентов на самом деле и есть удовлетворенность клиентов.

Интерес к суррогатии отражался и в специализированных периодических изданиях. Например, в 2019 году «Harvard business review» опубликовал статью под на-

званием «Не позволяйте количественным показателям разрушить ваш бизнес» (англ. *don't let metrics undermine your business*) (Harris, 2019). Автор считает, что управленцы в погоне за эффективностью и показателями попадают в своеобразный «капкан суррогации». Он обращает внимание, что количественные показатели – метод сбора актуальной информации и способ локализации слабых мест организации, но не то, к достижению чего необходимо стремиться. Они пишут, что если перед подчиненными поставить цель достигнуть конкретного показателя, то у них образуется так называемое «туннельное зрение» (англ. *tunnel vision*), где их внимание будет сконцентрировано исключительно на достижении поставленной цели, а все остальные перспективы могут уйти на второй план или быть вовсе забытыми.

Джеремайя Бентли показывает, что стимулирующие выплаты, основанные на достижении субъектами управления тех или иных показателей при столкновении с оппортунистическим поведением, направленным на максимизацию богатства, приводит к искажению операционных решений, принимаемых менеджерами (Bentley, 2019). Он объясняет это поведение тем, что управленцы и люди, в принципе, не способны и не должны работать «на цифры», и, будучи поставленными перед необходимостью достигать необходимых показателей, меняют свои убеждения относительно причинно-следственной связи получаемой ими стимулирующей выплаты. При этом суррогация выступает средством борьбы с когнитивным диссонансом, возникающим из-за несоответствия реальных целей организации, ее миссии с реальными действиями. Он утверждает, что руководители должны чувствовать мотивацию и принадлежность к чему-то и не рекомендует создавать для управленцев условия, в которых их стремления будут связаны с достижением количественных показателей. Согласно Бентли, предоставление управленцам возможности давать описательные объяснения своим решениям снижает количество операционных искажений, наблюдаемых в рамках системы поощрительного вознаграждения, и снижает влияние суррогации на процесс принятия управленческих решений.

Исследователи обращают внимание, что суррогация происходит даже в управленческих системах, в которых отсутствует внешняя стимуляция в виде премий и дополнительных выплат за выполнение или перевыполнение плановых показателей (Paul, 2021). Таким образом, операционные решения менеджеров подвергаются негативному влиянию из-за осознания ими факта количественной оценки их труда. В этом случае внимание менеджера переключается с реальной и эмпирически фиксируемой цели на симулякр в виде количественного показателя. В таком случае целесообразным является достаточно нетипичный для современного менеджмента шаг: не сообщать оцениваемым управленцам о том, что они оцениваются. Иными словами, не озвучивать ту систему KPI, по которой будет проводиться оценка. Однако это значит, что система их оценки не должна влиять на заработную плату и денежные вознаграждения, так как в этом случае систему оценки, обосновывающую выплаты, придется обнародовать и сделать доступной публике (Дятлов, 2019).

Показатели могут быть некорректными, скомпрометированными и не учитывающими все управленческие нюансы и тонкости, связанные с человеческим фактором. В этом случае недопустимо использовать количественные показатели как единственный способ измерения эффективности принятия управленческих решений (Reinking, 2020). Роберт Блумфилд в своей книге «*what counts and what gets counted*» (англ. что имеет значение и какие значения можно посчитать) также обращает внимание на то, что процесс суррогации всегда преследует управленцев, работающих с измеряемыми показателями (Bloomfield, 2014). Название книги имеет интересную игру слов, где слово «*count*» может означать как «считать/подсчитывать/измерять»

и одновременно «то, что имеет значение». В работе Блумфилда управленцы, столкнувшиеся с суррогатом, сравниваются с попавшими в «Платоновскую пещеру», в которой менеджерам невозможно отличить тень (количественные показатели) от настоящей формы (реальные результаты). Роджер Мартин в своей книге «When More Is Not Better: Overcoming America's Obsession with Economic Efficiency» (англ. Когда больше не значит лучше: преодолевая американскую одержимость экономической эффективностью) обращает внимание, что именно США в погоне за эффективностью под флагом рационализации превратили количественные показатели в своеобразного идола, которому поклоняются менеджеры всех уровней. Он отмечает, что изначально количественные показатели в работе организаций имели цель сбора информации, но не отражались на уровне стратегического управления.

Итак, зарубежный научный дискурс построен на двух направлениях: исследованиях из развивающихся стран, для которых работа социальных институтов по количественным показателям может стать «панацеей» от коррупции, непрозрачности, попустительства и некомпетентности, а также западных исследователей, склонных относиться к количественным показателям более критично.

Заключение

Анализ зарубежной литературы позволяет прийти к выводу, что в сложившихся дискурсивных практиках муниципальному уровню внимание практически не уделяется. Это связано, в том числе, с тем, что муниципальный уровень управления де факто лишается какой-либо субъектности и в скором времени будет окончательно встроено в вертикаль государственной власти. Те, кого можно отнести к сторонникам считают, что внедрение количественных показателей положительно скажется на муниципальном управлении, может повысить результативность управленческого труда, увеличить прозрачность принимаемых решений, снизить коррупционный потенциал и, в целом, улучшить работу государственных и муниципальных служащих. Точка зрения противников количественных показателей выстроена вокруг несоответствия заимствованных из США инструментов самому духу российской публичной власти. Из вышеописанного следует, что отечественные исследователи демонстрируют характерное для нашей страны разделение по типу цивилизационного пути. Зарубежные публикации также имеют своеобразное, хоть и не столь полярное, разделение, где специалисты-практики и теоретики управления из США, Великобритании и других развитых стран обращают внимание на то, что количественные показатели одновременно с преимуществами обладают значительным количеством недостатков, а исследователи из развивающихся стран (преимущественно Азии) стремятся использовать их для борьбы с коррупцией, непрозрачностью и некомпетентностью управленцев. Отечественная культура управления сочетает в себе как прогрессивные и ориентированные на результат неолиберальные тенденции, так и характерный для азиатских культур коллективизм, стремление к единоначалию. В этой связи особенно актуальными и необходимыми становятся социологические исследования, обогащенные эмпирически фиксируемыми фактами, демонстрирующими принятие или отторжение концепции оценки управленческой эффективности по количественным показателям. Для этого необходимо перейти от теоретизирования к эмпирике и предпринять попытку выйти на контакт с управленцами и рядовыми сотрудниками публичного сектора, поставленными перед необходимостью работать с ориентацией на достижение тех или иных количественных показателей эффективности. Дальнейшие перспективы исследования мы усматриваем в проведении экспертных опросов, глубинных интервью и фокус-групп с представителями российского муницип-

ципального управления и формализации их субъективных оценок эффективности такого управленческого подхода.

Литература

- Горшков, М.К. (2005). Бюрократия и власть в новой России. Аналитический доклад. М.
- Гудхарт, Ч. (1975). Проблемы денежно-кредитного регулирования: Опыт Великобритании. В Куракис, Энтони С. Инфляция, депрессия и экономическая политика на Западе, 116.
- Дятлов, А.В., Ковалев, В.В., Нечушкин, А.Ю., Дементьев, С.А., Понамарев, А.Б. (2019). Институт сити-менеджмента (в поисках административной эффективности). Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования.
- Baikushikova, G., al-Hoderi, M., Mukhtarova, K., Balgabayeva, Z., Chukubayev, Y. (2021). The application of foreign methods of increasing efficiency of public transport in the system of state governance of the republic of Kazakhstan. *Central Asian Journal of Social Sciences and Humanities*. DOI: 7. 10.26577/CAJSH.2021.v7.i1.02.
- Bentley, Jeremiah W. (2019). Decreasing Operational Distortion and Surrogation through Narrative Reporting. *The Accounting Review*. 94 (3), 27–55. DOI: 10.2308/accr-52277.
- Black, P. et. al. (2021). Surrogation Fundamentals: Measurement and Cognition. DOI: 10.2139/ssrn.3200074.
- Bloomfield, R.J. (2014). What Counts and What Gets Counted. SSRN 2427106.
- Boden, R., Epstein, D.A. (2006). Globalisation and research in higher education. *Globalisation, Societies and Education*. 4 (2), 223–236. DOI: 10.1080/14767720600752619.
- Campbell, D.T. (1979). Assessing the impact of planned social change. *Evaluation and Program Planning*. 2 (1), 67–90. DOI:10.1016/0149-7189(79)90048-X.
- Choi, W. B. (2013). Strategy Selection, Surrogation, and Strategic Performance Measurement Systems. *Journal of Accounting Research*. 51 (1), 105–133. DOI:10.1111/j.1475-679X.2012.00465.x.
- Feliciano, A. et.al. (2020). Philippine professional core competencies' impact on nurses' key performance indicators (KPIs) for patient safety outcomes. *International Journal of ADVANCED AND APPLIED SCIENCES*, 7, 1-5. DOI:10.21833/ijaas.2020.01.001.
- Kaplan, R.S., Norton, D.P. Using the Balanced Scorecard as a Strategic Management System. *Harvard Business Review*, 1996.
- Lucas, R. (1976). Econometric Policy Evaluation: A Critique, in Brunner, K. & Meltzer, A., *The Phillips Curve and Labor Markets*, 1, *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*, New York: American Elsevier, 19–46.
- Reinking, J., Arnold, V., & Sutton, S.G. (2020). Synthesizing enterprise data to strategically align performance: The intentionality of strategy surrogation.
- Santati, P. et. al. (2022). Strategic Performance Measurement System in Higher Education in Indonesia: New Public Management Approach. *Sriwijaya International Journal of Dynamic Economics and Business*, 6, 107. DOI: 10.29259/sijdeb.v6i1.107-130.
- Siebert, H. (2001). Der Kobra-Effekt. Wie man Irrwege der Wirtschaftspolitik vermeidet. Munich: *Deutsche Verlags-Anstalt*.
- Harris, M., Taylor, B. (2019). Don't let metrics undermine your business. *Harvard business review*. Available at: <https://hbr.org/2019/09/dont-let-metrics-undermine-your-business>.

References

- Baikushikova, G., al-Hoderi, M., Mukhtarova, K., Balgabayeva, Z., Chukubayev, Y. (2021). The application of foreign methods of increasing efficiency of public transport in the system of state governance of the republic of Kazakhstan. *Central Asian Journal of Social Sciences and Humanities*. DOI: 7. 10.26577/CAJSH.2021.v7.i1.02.
- Bentley, Jeremiah W. (2019). Decreasing Operational Distortion and Surrogation through Narrative Reporting. *The Accounting Review*. 94 (3), 27–55. DOI: 10.2308/accr-52277.
- Black, P. et. al. (2021). Surrogation Fundamentals: Measurement and Cognition. DOI: 10.2139/ssrn.3200074.
- Bloomfield, R.J. (2014). What Counts and What Gets Counted. SSRN 2427106.
- Boden, R., Epstein, D.A. (2006). Globalisation and research in higher education. *Globalisation, Societies and Education*. 4 (2), 223–236. DOI: 10.1080/14767720600752619.
- Campbell, D.T. (1979). Assessing the impact of planned social change. *Evaluation and Program Planning*. 2 (1), 67–90. DOI:10.1016/0149-7189(79)90048-X.
- Choi, W. B. (2013). Strategy Selection, Surrogation, and Strategic Performance Measurement Systems. *Journal of Accounting Research*. 51 (1), 105–133. DOI:10.1111/j.1475-679X.2012.00465.x.
- Dyatlov, A.V., Kovalev, V.V., Nechushkin, A.Yu., Dementiev, S.A., Ponomarev, A.B. (2019). Institut siti-management (in search of administrative efficiency). Rostov-on-Don: Foundation for Science and Education.
- Feliciano, A. et.al. (2020). Philippine professional core competencies' impact on nurses' key performance indicators (KPIs) for patient safety outcomes. *International Journal of ADVANCED AND APPLIED SCIENCES*, 7, 1-5. DOI:10.21833/ijaas.2020.01.001.

- Gorshkov, M.K. (2005). Bureaucracy and Power in New Russia. Analytical report. M.
- Goodhart, C. (1975). The Problems of Monetary Regulation: The British Experience. In Kurakis, Anthony S. (ed.). Inflation, depression and economic policy in the West, 116.
- Kaplan, R.S., Norton, D.P. Using the Balanced Scorecard as a Strategic Management System. *Harvard Business Review*, 1996.
- Lucas, R. (1976). Econometric Policy Evaluation: A Critique, in Brunner, K. & Meltzer, A., *The Phillips Curve and Labor Markets*, 1, *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*, New York: American Elsevier, 19–46.
- Reinking, J., Arnold, V., & Sutton, S.G. (2020). Synthesizing enterprise data to strategically align performance: The intentionality of strategy surrogation.
- Santati, P. et. al. (2022). Strategic Performance Measurement System in Higher Education in Indonesia: New Public Management Approach. *Sriwijaya International Journal of Dynamic Economics and Business*, 6, 107. DOI: 10.29259/sijdeb.v6i1.107-130.
- Siebert, H. (2001). Der Kobra-Effekt. Wie man Irrwege der Wirtschaftspolitik vermeidet. Munich: *Deutsche Verlags-Anstalt*.
- Harris, M., Taylor, B. (2019). Don't let metrics undermine your business. *Harvard business review*. Available at: <https://hbr.org/2019/09/dont-let-metrics-undermine-your-business>.

Дата получения рукописи: 31.10.2022

Дата окончания рецензирования: 20.11.2022

Дата принятия к публикации: 28.11.2022

Информация об авторе

Рудковская Алиса Леонидовна – заместитель начальника отдела предпроверочного анализа №2 межрайонной ИФНС России №27, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: alissav@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Rudkovskaya Alisa Leonidovna – Deputy Head of the Pre-test Analysis Department №2, Interdistrict Federal Tax Service of Russia №27, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: alissav@yandex.ru

The author has no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ И ДЕТСТВА

Научная статья

УДК 316.356.2

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.4.5

EDN YKYJFM

Специфика интенсивного материнства в монородительской семье**Маргарита С. Астоянц¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: mastoyanc@sfedu.ru**Дарина Е. Бойко²**²Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: darinaboyko00@mail.ru**Аннотация**

В статье анализируются установки, повседневные практики и ресурсные стратегии интенсивного материнства в российской монородительской семье.

Методологические основы. Методологической основой исследования выступает ресурсный подход, позволивший выяснить, как в условиях малоресурсности монородительской семьи женщина совмещает практики интенсивного материнства и стремление самостоятельно обеспечить семью средствами для нормального существования, выявить ресурсные стратегии монородительской семьи в условиях интенсивного материнства. Авторами приводятся результаты собственного эмпирического исследования, включавшего очное анкетирование, по результатам которого женщинам, соответствовавшим критериям исследования (монородители, реализующие модель интенсивного материнства), было предложено принять участие во втором этапе исследования методом полуструктурированного интервью. Всего было опрошено 70 женщин, проживающих в Ростове-на-Дону, и проведено 6 интервью.

Результаты и их обсуждение. Авторы приходят к выводу о том, что, несмотря на малоресурсность, в монородительской семье установки на интенсивное материнство выражены сильнее, чем в полной и более ресурсной семье. Матери в монородительских семьях показывают предрасположенность к установкам детоцентризма, сильнее сконцентрированы на ребенке и даже подбирают трудовую занятость в соответствии с интересами ребенка.

По результатам исследования было выделено три ресурсных стратегии организации жизнедеятельности монородительской семьи: самостоятельное материальное обеспечение семьи (в основе индивидуальные ресурсы одинокой матери); ресурсы родительской семьи женщины (значительный вклад в воспитание ребенка вносит родительская семья женщины), а также поддержка отца ребенка (включая воспитательную и материальную помощь).

Ключевые слова: семья; монородительская семья; родительство; интенсивное материнство; практики интенсивного материнства; детоцентризм.

Для цитирования: Астоянц М. С., Бойко Д.Е. Специфика интенсивного материнства в монородительской семье. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). С. 50-58. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.5>

The specifics of intensive motherhood in a single-parent family**Margarita S. Astoyants¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: mastoyanc@sfedu.ru**Darina E. Boyko²**²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: darinaboyko00@mail.ru**Abstract**

The article analyzes attitudes, daily practices and resource strategies for intensive motherhood in a Russian single-parent family.

Methodological basis. The methodological basis of the study is the resource approach, which made it possible to find out how woman combines the intensive motherhood practices and desire to independently provide the

family with the means for a normal existence in conditions of low resources of single-parent family and to identify the resource strategies of a single-parent family in conditions of intensive motherhood. The authors present results of their own empirical study, which included face-to-face questioning, according to the results of which women who met the study criteria (single-parents implementing the model of intensive motherhood) were invited to take part in the second stage of the study using the semi-structured interview method. In total, 70 women living in Rostov-on-Don were interviewed and 6 interviews were conducted.

Results and its discussion. The authors come to the conclusion that despite the lack of resources in a single-parent family, attitudes towards intensive motherhood are more pronounced than in a complete and more resourceful family. In single-parent families mothers show predisposition to child-centric attitudes, are more focused on the child, and even select employment in accordance with the interests of the child.

According to the results of the study, three resource strategies for organizing the life of a single-parent family were identified: independent financial support for a family (based on the individual resources of a single mother); resources of the woman's parental family (a significant contribution to the upbringing of the child is made by the woman's parental family), as well as support of the child's father (including educational and material assistance).

Keywords: family; single-parent family; parenting; intensive motherhood; intensive motherhood practices; child-centrism.

For citation: Astoyants M. S., Boyko D. E. The specifics of intensive motherhood in a single-parent family. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). С. 50-58. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.5>

Введение

Изучение проблем семьи всегда было и остается актуальной задачей для различных социальных наук, в том числе и социологии, прежде всего именно потому, что значение семьи в жизнедеятельности общества очень велико.

Одним из современных типов семьи, которая получает все большее распространение в развитых странах, включая и Россию, является семья с одним родителем – монородительская семья. Этот термин в отличие от сущностно близкого понятия неполной семьи позволяет уйти от негативных коннотаций последнего, поскольку «неполнота» часто рассматривается как неполноценность, отклонение от нормы, и маркирует низкий социальный статус такой семьи. О неполных семьях говорят в контексте бедности и нуждаемости в социальной поддержке (например, от государства). Альтернативным понятием, которое не влечет за собой стигматизации, выступает термин «монородительская семья».

Согласно статистическим данным, большинство монородительских семей – материнские семьи. Актуальность изучения такой семьи определяется уже тем обстоятельством, что число и доля монородительских материнских семей, а также детей, проживающих в них, в России неуклонно растут. По итогам Всероссийской переписи населения Российской Федерации 2010 г. (Социально-демографический портрет, 2012) третья часть всех семей России – семьи, состоящие из одиноких родители, воспитывающих детей до 18 лет. Из общего числа российских семей, которых в 2010 г. насчитывалось 17555160, монородительских оказалось 5742017, причем 88,6% (5087048 семей) из них материнские семьи, а 11,4% (648000 семей) отцовские. Таким образом, на сегодняшний день материнские семьи составляют большинство среди монородительских.

Матерям, самостоятельно воспитывающим ребенка, приходится так организовывать повседневную жизнь семьи, чтобы сочетать функцию родителя, обеспечивающего семью материально, с воспитательной функцией. Российские женщины под влиянием общественного мнения и принятых устоев стараются одновременно достигать успехов в карьере, и в то же время тратят огромное количество энергии и собственных ресурсов на воспитание ребенка, и в этом также выражается особенность материнской монородительской семьи.

В последние годы в социологическом дискурсе появилось понятие «сверхвключенного» типа родительства, которое включает в себя модель интенсивного мате-

ринства. Это понятие впервые встречается в 1996 году в книге американского социолога Шэрон Хейз о трансформации роли материнства «Культурные противоречия материнства» (Hays, 1996). Автор определила интенсивное материнство как преобладающий дискурс о том, что представляет собой «хорошее материнство», и описала собирательный образ «интенсивной матери», которая одновременно является главным родителем, ухаживает за своим ребенком, отдает все ресурсы для его развития, а также берет ответственность только на себя за результаты воспитания и развития. Опираясь на идеи Ш. Хейз, Дуглас и Майклс писали о «новом мамизме», который представляет собой «очень романтизированный и в то же время требовательный взгляд на материнство, при котором невозможно соответствовать стандартам успеха» (Douglas, Michaels, 2004). Общий смысл дискурса состоит в том, что «хорошая мать» – это та, кто уделяет значительное время, энергию и ресурсы своим детям. Практики интенсивного родительства выстроены на фундаменте идеологии детоцентризма, помещающей ребенка в ценностный центр семьи.

Изучение интенсивного материнства в России следует, прежде всего, связать с научными работами О. Исуповой, которая рассматривает интенсивное материнство как модель материнского поведения, включающую в себя семейную и воспитательную стратегию, центром которой является ребенок (Исупова, 2018). При этом матери готовы отказаться от своего настоящего ради лучшего будущего ребенка. Дети становятся материалом для самореализации своих матерей, их «родительским проектом» (Басина, 2021).

Женщины, воспитывающие своих детей в одиночку, не имеют средств оставаться дома, чтобы выполнять многочисленные материнские обязанности, которые диктует им недостижимый стереотип «идеальной матери», они сталкиваются с усугубляющимся давлением и социальными барьерами, которые необходимо преодолеть чтобы соответствовать этому идеальному образу (Hallstein, O'Reilly, Giles, 2020).

Необходимо выявить установки интенсивного родительства, характерные для матерей, воспитывающих детей самостоятельно; выяснить, как в условиях низкой ресурсности матерям удастся реализовать модель интенсивного родительства, и в то же время обеспечивать семью всеми необходимыми ресурсами, которые требуются семье в современном обществе.

Методология и методы исследования

Методологической основой исследования выступает ресурсный подход, опирающийся на идеи зарубежных (П. Бурдьё, Дж. Коулман, Р. Патнем, Э. Гидденс и др.) и отечественных (Т.И. Заславская, В.В. Радаев, Н.Е. Тихонова и др) ученых, основной идеей которого является определение места в социальной структуре общества через объем и структуру ресурсов (капиталов) индивида, причем ресурсом выступает не только экономический, но и социальный, культурный и др. источники. Применение ресурсного подхода позволило нам через призму полуструктурированных интервью выяснить, как в условиях малоресурсности монородительской семьи женщина совмещает практики интенсивного материнства и стремление самостоятельно обеспечить семью средствами для нормального существования, выявить ресурсные стратегии монородительской семьи в условиях интенсивного материнства.

Исследование включало 2 этапа: на первом проводилось очное анкетирование, по результатам которого женщинам, соответствовавшим критериям исследования (монородители, реализующие модель интенсивного материнства) было предложено принять участие во втором этапе исследования методом интервью. Всего было опрошено 70 женщин, проживающих в Ростове-на-Дону, из которых 34 – воспитывают ре-

бенка самостоятельно (31 из которых – разведены, 3 респондента никогда не состояли в браке), 36 – с партнером или супругом (32 респондента воспитывают ребенка в браке, 4 респондента брак не регистрировали). Также мы провели 6 полуструктурированных интервью с женщинами в возрасте от 26 до 48 лет, воспитывающими ребенка самостоятельно. Гайд интервью составлен на основе исследовательского опыта Рашитовой Л.К., изучавшей основные проблемы и потребности монородительских материнских семей (Рашитова, 2013).

Для того, чтобы определить, существуют ли различия у семей разного типа (монородительских и полных) в установках и практиках интенсивного материнства, мы использовали методику Х. Шифрин и М. Лисс (Schiffrin, Godfrey, Liss, 2015) которые разработали специальный инструментарий – методику IPAQ («The intensive parenting attitudes questionnaire»), позволяющую измерить отношение матерей к «интенсивному» материнству. На основе методологии русскоязычной версии IPAQ (Мисюк, Хазова, 2021) и исследований ученых-социологов, изучавших практики интенсивного материнства (Терелянская Н.В., Исупова О.Г., Басина Н.И. и др). Нами был разработан анкета для проведения интервью «face-to-face».

Для измерения установок интенсивного материнства были использованы следующие шкалы: эссенциализм (представление о том, что материнская роль является естественной для женщины); удовлетворенность (получение удовольствия от воспитания детей); стимуляция (мнение о том, что необходимо развивать ребенка с раннего возраста и заниматься его образованием); детоцентрированность (идея о том, что дети – священны, и должны приносить радость и счастье родителям); трудности (идея о том, что процесс воспитания – сложный и утомительный).

Для изучения практик интенсивного материнства как в анкете, так и в интервью мы формулировали вопросы, позволяющие обнаружить практики, являющиеся маркерами интенсивного материнства:

1. «Образовательные» практики: начало когнитивного развития детей с раннего детства – с года или с полутора лет; постоянное стремление к новой информации и следование последним рекомендациям экспертов в области ухода, воспитания, обучения; установление высоких образовательных ориентиров для своих детей, тщательный отбор образовательных учреждений и преподавателей.

2. «Сравнивающие» практики: отношения соревновательности между родителями, которые придерживаются идеологии интенсивного материнства;

3. «Детоцентристские» практики: откладывание собственных образовательных и карьерных планов на неопределенное будущее; выстраивание расписания так, чтобы можно было больше заниматься детьми и «быть в курсе их школьных и внеурочных дел»; принятие важных решений вместо своего ребенка (например, выбор секции, школы или университета); значительные затраты материальных (денежных) ресурсов на образование ребенка; выбор низкооплачиваемых должностей, графика, «удаленки» в интересах ребенка; пренебрежение собственным здоровьем и самореализацией вне семьи.

Результаты исследования и их обсуждение

На основе методологии IPAQ и исследованиях ученых-социологов, определивших основные практики интенсивного материнства, нами был разработан инструментарий для собственного исследования, который представлял собой анкету, состоящую из 26 вопросов и разделенную на два блока: первый блок состоит из 8 утверждений – установок, с которыми респондент соглашается или выражает несогласие, второй блок соответствует практикам интенсивного материнства.

Анализируя установку эссенциализма, мы обнаружили, что почти половина родителей из полных семей (48,8%) согласны с мнением, что отцы и матери в одинаковой степени способны заботиться о детях, в то время как среди монородителей таковых оказалось втрое меньше (14,6%). Кроме того, все опрошенные женщины из монородительских семей убеждены, что в любом возрасте дети больше нуждаются в матери, чем в отце, тогда как в полных семьях такого мнения придерживается три четверти опрошенных (74,9%).

У монородителей более отчетливо выражена установка детоцентризма: 94,1% из них считают родительство самой большой радостью в жизни человека, тогда как среди представителей полных семей таких оказалось несколько меньше – 80,5%. Более трех четвертей монородителей (76,4%) считают необходимым подстраивать свой рабочий график под расписание детей; в полных семьях это делает каждая вторая мать (49,9%).

По показателю стимуляции монородительская семья тоже показывает несколько более высокие значения: 97,5% матерей из монородительских против 80,5% из полных семей считают, что детей необходимо развивать с раннего возраста; считают необходимым прибегать к авторитету экспертного сообщества (советоваться со специалистами, читать специальную литературу) 93% и 78% матерей соответственно.

Восприятие материнства как трудозатратного процесса ожидаемо чаще встречается в монородительских семьях: 70,5% матерей в монородительских семьях считают, что быть родителем – значит никогда не иметь времени для себя, считают также лишь 24,9% женщин из полных семей. Согласны с утверждением о том, что родитель жертвует своими интересами и увлечениями ради ребенка 73,5% матерей монородительских семей и 33,3% полных.

Таким образом, именно женщины – монородители показывают наибольшую склонность к установкам интенсивного родительства по сравнению с женщинами, который воспитывают детей совместно с партнером или супругом. Как видно из табл.1, самые значительные различия в убеждениях: «Из-за потребностей ребенка приходится жертвовать собственными увлечениями и желаниями», «Быть родителем – значит никогда не иметь времени для себя», а также «Родителям необходимо подстраивать свой график под расписание детей».

Таблица 1

Установки интенсивного материнства в монородительских и полных семьях

Установки интенсивного материнства	Доля респондентов, выбравших вариант ответа «Полностью согласен» и «Скорее согласен», %	
	Монородительская семья	Полная семья
Независимо от возраста, дети больше нуждаются в матери, чем в отце	100	74,9
Быть родителем – самая большая радость, которую может испытать человек	94,1	80,5
Родители должны способствовать интеллектуальному развитию детей с раннего возраста	97,5	80,5
Родителям необходимо подстраивать свой график под расписание детей	76,4	49,9
Быть родителем – значит никогда не иметь времени для себя	70,5	24,9
Из-за потребностей ребенка приходится жертвовать собственными увлечениями и желаниями	73,5	33,3

Переходя к вопросам об особенностях родительского опыта респондентов, следует отметить, что среди обеих групп примерно равное количество женщин воспитывает 1-го ребенка (50% – монородительская и 55,5% – полная семья), 2-х детей (41,1% и 36,1%) и более 2-х детей (8,8% и 8,3%).

Второй блок анкеты включал в себя вопросы о практиках интенсивного материнства, которые осуществляют женщины из полных и монородительских семей.

Как оказалось, самые значительные различия в практиках интенсивного материнства женщин из полных и монородительских семей связаны со спецификой трудовой деятельности женщины и ее временных ресурсов (см. табл. 2).

Таблица 2

Практики интенсивного материнства в монородительских и полных семьях

	Доля респондентов, реализующих практики%	
	Монородительская	Полная
Чтение литературы о воспитании ребенка	73,5	55,5
Следуете ли Вы рекомендациям современных экспертов в вопросах воспитания ребенка?	38,2	14,7
Сравнивали ли Вы успехи и достижения своего ребенка с другими детьми своих знакомых, коллег на работе?	64,7	41,6
Приходилось ли Вам откладывать свои планы в области карьеры ради воспитания ребенка?	73,6	34
Согласны ли Вы с тем, что в будущем ребенку необходимо помочь в выборе вуза?	64,7	36,1
Приходилось ли Вам выстраивать свое расписание так, чтобы можно было больше заниматься с детьми и быть в курсе их школьных и внеурочных дел?	47	11,1
Выбор неполной (частичной) трудовой занятости или удаленной работы	79,4	16,6
Пренебрежение своим здоровьем	94,1	61

На основании анализа интервью удалось выделить ресурсные стратегии организации жизнедеятельности монородительской семьи: полностью индивидуальные ресурсы одинокой матери, ресурсы родительской семьи женщины (материальная помощь со стороны родителей), а также помощь отца ребенка.

1) Стратегия 1: Самостоятельное обеспечение семьи

Для того, чтобы осуществлять такую ресурсную стратегию, женщины выбирают альтернативные варианты полному рабочему дню, совмещая официальную занятость с разовыми или постоянными подработками и заработками на рукоделии.

– Я работаю уборщицей, в нескольких местах. Вот, например, в 5 утра ухожу, чтобы к 8 часам в помещении уже было чисто. (Ж., 48 лет)

– Вяанием занимаюсь, потому что мне это очень нравится, успокаивает. Недавно стала брать заказы, хоть какая-то копейка, и то хорошо. (Ж., 36 лет)

При ответе на вопрос о трудовой деятельности, информанты отмечают, что хорошей помощью в таких условиях является самостоятельность детей. Они помогают вести домашнее хозяйство, соблюдают распорядок дня и стараются выполнять свои обязанности, помогая матери. Это довольно распространенная практика для семей с детьми-подростками:

– Детям приготовлю еще до работы, Никита в это время кормит птицу, поливает огород (Ж., 48 лет).

Как отметили информанты, они получают пособия как матери-одиночки, «путинские» пособия. Женщинам, которые ориентируются лишь на собственные силы, приходится постоянно экономить на себе и собственных желаниях в пользу ребенка.

2) Стратегия 2: Опора на ресурсы родительской семьи женщины.

Как выяснилось, большинство наших информантов обеспечивают свою семью благодаря помощи родительской семьи женщины. Социальный ресурс, обеспеченный условиями совместного проживания с бабушками и дедушками, которые принимают участие в воспитании ребенка, дает возможность матери устроиться на работу со стабильным графиком. Родительская семья женщины обеспечивает материальную помощь, осуществляет передачу жизненного опыта и культурного капитала:

– Родители помогали всегда. Очень-очень сильно. И деньгами, и поддерживали. (Ж., 43 года)

– Живу с отцом... мужской вклад в воспитание на нем. (Ж., 42 года).

Для такого типа семьи характерными являются взаимопомощь и обмен различными материальными и нематериальными благами; женщина в свою очередь оказывает помощь своим пожилым родителям:

– Мамы не стало в прошлом году. Сейчас у меня на руках еще отец, ему 75 лет. Плохо себя чувствует, инвалид (Ж., 43 года)

– У меня отец пчел разводит, помогаю ему по возможности (Ж., 42 года).

Полученные данные показывают, что в наши дни, как и в начале 2000-х гг., малообеспеченные матери-одиночки чаще всего проживают совместно с родителями или родственниками, чтобы выжить и повысить гарантии занятости. Переезжая к родителям или родственникам мужа после развода, или деля домашнее хозяйство с другими взрослыми, не состоящими в родстве, матери-одиночки могут увеличить социальные и экономические ресурсы, доступные им и их детям (Lokshin, Harris, Popkin, 2000).

3) Стратегия 3: Поддержка бывшего супруга.

Эта ресурсная стратегия связана с поддержкой отца ребенка – бывшего супруга одинокой матери. В этом случае основным источником материальной поддержки являются алименты, а также разовая помощь отца ребенка при покупке одежды, игрушек, лекарств.

– Алименты получаю...ну иногда отец покупает ребенку вещи, игрушки какие-то. Особенно мне не нравится, когда он приезжает от своего папы. Получается, что воспитывают две стороны. Тяни-толкай, получается. (Ж., 40 лет)

Характеризуя постразводное взаимодействие отцов с бывшей женой и ребенком, исследователи выделяют несколько типов родительской вовлеченности в воспитание и заботу о ребенке: активная (максимальное сохранение родительского функционала), выборочная (участие в реализации некоторых родительских функций), факультативная (нерегулярная) и отсутствующая (прекращение контактов). Чаще всего отцами реализуются выборочная и факультативная модели и родительское участие ограничивается (не)регулярной выплатой алиментов или разовыми выплатами, периодическими встречами и звонками (Янак, 2018).

Заключение

Подводя итоги, следует кратко охарактеризовать специфику интенсивного материнства в монородительской семье. Она заключается, прежде всего, в том, что женщина самостоятельно выбирает стратегию и жизненный путь существования семьи и домохозяйства, полностью несет ответственность за себя и детей, при этом ставит самой главной целью качественное, с ее точки зрения, воспитание и развитие ребенка, вкладывает культурные, временные и материальные ресурсы в его благополучие.

Анализ специфики интенсивного материнства в монородительской семье обнаружил, что несмотря на то, что несмотря на малоресурсность в такой семье установки на интенсивное материнство выражены даже более, чем в полной и более ресурсной семье. Матери в монородительской семье показывают предрасположенность к установкам детоцентризма, сильнее сконцентрированы на ребенке, и даже подбирают трудовую занятость в соответствии с интересами ребенка. Женщины-монородители чаще работают «на удаленке», выбирают частичную занятость, становятся самозанятыми в то время как женщины, воспитывающие ребенка с партнером, предпочитают официальную занятость и четкий график.

Нами было выделено три ресурсных стратегии организации жизнедеятельности монородительской семьи: самостоятельное материальное обеспечение семьи (с опорой на индивидуальные ресурсы одинокой матери); ресурсы родительской семьи женщины (в которой значительный вклад в воспитание ребенка приносит не только сама женщина, но и ее родители), а также поддержка отца ребенка (включая воспитательную и материальную помощь). Несмотря на негативную оценку собственного материального положения, самые важные цели информантов связаны с обеспечением высокого уровня жизни для детей (дать ребенку образование, показать другие страны, накопить на собственное жилье).

Литература

- Басина, Н.И. (2021). Практики интенсивного родительства: вовлеченность, максимизация участия или гиперопека? *The Scientific Heritage*, 4, 58-61. DOI: 10.24412/9215-0365-2021-81-4-58-61.
- Исупова, О.Г. (2018) Интенсивное материнство в России: матери, дочери и сыновья в школьном взрослении. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, 3 (119), 180-189.
- Мисиюк, Ю.В., Хазова, С.А. (2021). Исследование выраженности установок на интенсивное родительство у российских женщин. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социоконетика*, 27, 3, 91-98.
- Рашитова, Л.К. (2013). Монородительская материнская семья: социально-экономические проблемы и пути их решения (на примере Республики Башкортостан). *Современные проблемы науки и образования*, 3. Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012, 183.
- Янак, А.Л. (2018). Отцовская вовлеченность в семьях различных типов. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 2 (50), 124-131.
- Douglas, S. J., & Michaels, M. W. (2004). *The mommy myth: The idealization of motherhood and how it has undermined all women*. New York: Free Press, 383.
- Hallstein, L. O., O'Reilly, A., & Vanderbeld Giles, M. (Eds.). (2020). *The Routledge Companion to Motherhood*. Routledge, 546.
- Hays, S. (1996). *The cultural contradictions of motherhood*. Yale: Yale University Press, 252.
- Lokshin M., Harris K. M., Popkin B. M. (2000). Single Mothers in Russia: Household Strategies for Coping with Poverty. *World Development*, 28, 12, 2183-2198. DOI: 10.1016/S0305-750X(00)00070-X.
- Schiffrin, H.H., Godfrey, H., Liss, M. et al. (2015). Intensive Parenting: Does it Have the Desired Impact on Child Outcomes? *J Child Fam Stud*, 24, 2322-2331. DOI: 10.1007/s10826-014-0035-0.

References

- Basina, N.I. (2021). Intensive Parenting Practices: Engagement, Maximized Participation or Overprotection? *The Scientific Heritage*, 4, 58-61. DOI: 10.24412/9215-0365-2021-81-4-58-61.
- Douglas, S. J., & Michaels, M. W. (2004). *The mommy myth: The idealization of motherhood and how it has undermined all women*. New York: Free Press, 383.
- Hallstein, L. O., O'Reilly, A., & Vanderbeld Giles, M. (Eds.). (2020). *The Routledge Companion to Motherhood*. Routledge, 546.
- Hays, S. (1996). *The cultural contradictions of motherhood*. Yale: Yale University Press, 252.
- Isupova, O.G. (2018) Intensive motherhood in Russia: mothers, daughters and sons in school upbringing. *Neprikosnovennyj zasap. Debaty o politike i kulture*, 3(119), 180-189.
- Lokshin M., Harris K. M., Popkin B. M. (2000). Single Mothers in Russia: Household Strategies for Coping with Poverty. *World Development*, 28, 12, 2183-2198. DOI: 10.1016/S0305-750X(00)00070-X.

- Misiyuk, Yu.V., Khazova, S.A. (2021). Study of the expression of attitudes on intensive parenting in Russian women. Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, 27, 3, 91-98.
- Rashitova, L.K. (2013). Monoparental maternal family: social and economic problems and ways of their decision (on the example of the Republic of Bashkortostan). Modern problems of science and education, 3.
- Schiffirin, H.H., Godfrey, H., Liss, M. et al. (2015). Intensive Parenting: Does it Have the Desired Impact on Child Outcomes? J Child Fam Stud, 24, 2322–2331. DOI: 10.1007/s10826-014-0035-0.
- Socio-demographic portrait of Russia: Based on the results of the 2010 All-Russian population census. Federal State Statistics Service. Moscow: Information & publishing center «Statistics of Russia», 2012, 183.
- Yanak, A.L. (2018). Father involvement in different types of family. Nizhny Novgorod: Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences, 2 (50), 124-131.

Дата получения рукописи: 15.10.2022

Дата окончания рецензирования: 29.10.2022

Дата принятия к публикации: 08.11.2022

Информация об авторах

Астоянц Маргарита Сергеевна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой отраслевой и прикладной социологии, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: mastoyanc@sfedu.ru

Бойко Дарина Евгеньевна – студент, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: darinaboyko00@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Astoyants Margarita Sergeevna – Doctor of Sciences in Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Industrial and Applied Sociology, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: mastoyanc@sfedu.ru

Boyko Darina Evgenievna – Student, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: darinaboyko00@mail.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.356.2

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.4.6

EDN YOSDWO

**«Вторая жена» в Дагестане:
мотивация брачного поведения и социальное самочувствие****Анна В. Верещагина¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: anrietta25@mail.ru**Эльвира М. Загирова¹**¹Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, Россия
e-mail: elvirazagirova12@mail.ru**Аннотация**

Введение. В статье поднимается актуальная для дагестанского общества проблема многоженства как семейно-брачной практики, возрожденной в постсоветский период российской государственности. Данная практика негативно воспринимается большинством населения республики при том, что менее распространенной она не становится. Попытка ответить на вопрос о том, с чем это связано, определила основную цель данной работы – выявить мнение самих «вторых жен» о причинах заключения мусульманского брака с мужчиной, уже связанного семейными узами, а также оценить их социальное самочувствие в контексте сложившего к ним со стороны общества негативного отношения и проблем, с которыми им приходится сталкиваться в результате выбранной стратегии брачного поведения.

Методы. В статье используются результаты авторских социологических опросов: массового опроса, проведенного в 2021 году в Республике Дагестан (N=507) по репрезентативной выборке (учитывались такие социальные характеристики респондентов, как возраст, образование, место проживания, отношение к религии, уровень доходов, социальное положение), а также полуструктурированного интервью среди дагестанских женщин, находящихся в статусе «вторая жена» (N=29).

Результаты исследования и их обсуждение. По результатам исследования установлено, что опрошенные женщины свое решение создать семью с женатым мужчиной аргументируют желанием иметь ребенка в законном, с точки зрения ислама, брачном союзе. Мотивацией вступления в мусульманский брак в статусе «вторая жена» является также чувство любви, а также убежденность в законности такого брака и его равнозначности с браком, оформленным по светским традициям. Результаты интервью свидетельствуют об адекватном реалиям восприятии своего социального положения «вторых жен», которое определяется негативным отношением к многоженству в дагестанском обществе и низкой ответственностью мусульманских мужей, зачастую не следующих нормам исламской этики относительно семейной жизни в формате многоженства. Многие из опрошенных не решились бы снова на этот шаг, если бы была возможность вернуться в прошлое. Предметом разочарования выступают сложности, производные от неспособности или нежелания мусульманских мужей в равной мере распределять финансовые и эмоциональные ресурсы между женами и детьми в обеих семьях. Ввиду этого, проблема ущемления прав «вторых жен», их детей и, в целом, многоженства достаточно активно обсуждается в общественно-политических и научных кругах дагестанского общества.

Ключевые слова: «вторая жена»; многоженство; мусульманский брак; ислам; полигамия; Дагестан; семейно-брачные отношения; архаизация.

Для цитирования: Верещагина А. В., Загирова Э. М. (2022). «Вторая жена» в Дагестане: мотивация брачного поведения и социальное самочувствие. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). С. 59-69. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.6>

«Second wife» in Dagestan: Motivation of marriage behavior and social well-being**Anna V. Vereshchagina¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: anrietta25@mail.ru

Elvira M. Zagirova¹

¹Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia
e-mail: elvirazagirova12@mail.ru

Abstract

Introduction. The article raises the problem of polygamy, which is relevant for the Dagestan society, as a family and marriage practice, revived in the post-Soviet period of Russian statehood. This practice is negatively perceived by the majority of the population of the republic, despite the fact that it is not becoming less common. The attempt to answer the question of what this is connected with determined the main goal of this work – to reveal the opinion of the “second wives” themselves about the reasons for entering into Muslim marriage with a man already connected by family ties, and also to assess their social well-being in the context of the situation that has developed for them. Aspects of society of negative attitudes and problems that they have to face as a result of the chosen strategy of marital behavior.

Methods. The article uses the results of the author’s sociological surveys: a mass survey conducted in 2021 in the Republic of Dagestan (N=507) on a representative sample (taking into account such social characteristics of respondents as age, education, place of residence, attitude to religion, income level, social status), as well as a semi-structured interview among Dagestan women who are in the status of “second wife” (N=29).

Results of research and its discussion. According to the results of the study, it was found that the women surveyed argued their decision to start a family with a married man by the desire to have a child in a legal, from the point of view of Islam, marriage union. The motivation for entering into a Muslim marriage in the status of a “second wife” is also a feeling of love, as well as the conviction of the legality of such a marriage and its equivalence with a marriage formalized according to secular traditions. The results of the interview testify to the perception of their social status by “second wives” that is adequate to the realities, which is determined by the negative attitude towards polygamy in Dagestan society and the low responsibility of Muslim husbands, who often do not follow the norms of Islamic ethics regarding family life in the format of polygamy. Many of the respondents would not dare to take this step again if there was an opportunity to return to the past. The subject of frustration is the difficulty resulting from the inability or unwillingness of Muslim husbands to equally distribute financial and emotional resources equally between wives and children in both families. In view of this, the problem of infringement of the rights of “second wives”, their children and, in general, polygamy is being actively discussed in the socio-political and scientific circles of Dagestan society.

Keywords: “second wife”; polygamy; Muslim marriage; Islam; Dagestan; family and marriage relations; archaization.

For citation: Vereshchagina A. V., Zagirova E. M. (2022). “Second Wife” in Dagestan: Motivation of Marriage Behavior and Social Well-Being. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). 59-69. C. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.6>

Введение

Высокая динамика изменений современной жизни с ее неопределенностью и рискогенностью остро поставила перед всем человечеством вопрос о том, что человеку нужна та стабильная среда, которая позволит чувствовать себя увереннее, спокойнее. Ситуация пандемии коронавируса в еще большей степени актуализировала данную проблему, поставив на повестку дня вопрос о роли семьи в современном обществе. Может ли она рассматриваться как та самая жизненная основа, которая обеспечивает безопасное и спокойное существование по типу «мой дом – моя крепость»? А если да, то какой должна быть семья в этом небезопасном мире, когда в единый миг могут обрушиться все привычные связи, привычный ритм и стиль жизни, как это произошло в результате пандемии коронавируса?

Безусловно, и до пандемии семейная проблематика в контексте значительных изменений в развитии института семьи и семейных отношений осознавалась как актуальная и требующая к себе научного и общественного внимания. Пандемия стала катализатором уже имевшихся проблем, которые только обострились, в том числе на уровне их осмысления в период пандемии. Высокая динамика разводов, рост неполных семей, добровольной бездетности, распад традиционных связей, появление новых форм семейно-брачных отношений – вот, неполный набор проявлений функцио-

нирования института семьи в российском обществе, который позволил фамилистам утверждать, что этот базовый социальный институт находится на грани исчезновения (Анатолий Антонов: «Институт семьи...»).

Мы полагаем, что столь категоричные утверждения преждевременны. Да, институт семьи значительно изменился. Эти изменения следует рассматривать в логике меняющегося мира, в частности российского. Нестабильность современного мира, дополненная длительным периодом социально-экономического неблагополучия, отсутствием ясных и четких перспектив общественного развития, нерешенностью многочисленных социальных проблем, стала фактором адаптации семьи в самых различных вариациях к неблагоприятным условиям социальной среды. Причем значительную роль сыграл региональный фактор. В данной статье мы хотим обратиться к Дагестану как региону, демонстрирующему не только высокий уровень традиционализма в сфере семейно-брачных отношений, но и иные тенденции, связанные с архаизацией семейной сферы. Данный процесс можно рассматривать как одну из реакций дагестанского общества на рост неопределенности, кризисности в современной России. Под архаизацией в семейно-брачной сфере следует понимать возрождение в современной реальности семейно-брачных отношений и практик в прежних (архаичных) формах, сложившихся в прошлом в границах этнической культуры того или иного народа (Верещагина, 2019). Такими практиками, получающими распространение на Юге России и, в частности, в республиках Северного Кавказа, являются похищение невесты, заключение браков по воле родителей (без согласия детей), раннее замужество девушек (в 13 – 15 лет), а также многоженство. На последнем мы и остановим свое внимание в данной статье, которая является, своего рода, продолжением исследовательского проекта, начатого в 2021-ом году. По его итогам были опубликованы результаты исследования, в которых мы отразили общественное мнение жителей Дагестана к практике многоженства (Верещагина А. В., Загирова, 2022). В рамках данной работы мы решили пойти немного дальше – выяснить мнение самих акторов этой формы семейно-брачных отношений, обратившись ко «вторым женам». Данный исследовательский шаг связан с тем, что отношение к многоженству в Дагестане складывается весьма противоречивое. В ходе предыдущего исследования нами было установлено, что многоженство негативно воспринимается большинством жителей республики, но при этом данная практика устойчиво закрепляется в структуре семейно-брачных отношений дагестанских народов. Это явление вписывается в мусульманскую этику. На фоне исламского возрождения и возросшего интереса населения к вероучению, культовому поведению (Шахбанова, 2008; Шахбанова, 2009; Шахбанова, 2015), появления духовных центров (мечетей), мусульманских учебных заведений (мактабов, медресе, вузов) (Шахбанова, Рамазанов, Шихалиева, Муллахмедова, 2019; Рамазанов, 2020), проведения мусульманским духовенством активной религиозной пропаганды, определяющей повседневную жизнь жителей Дагестана, многоженство стало активно распространяться в данной республике, но приняло искаженную форму (Многоженство, строгие традиции...). Оно в значительной степени отклоняется от норм и принципов, исторически сложившихся в мусульманской традиции полигамии, что и послужило причиной негативного отношения к практике многоженства даже истинно верующей части населения Дагестана. И, тем не менее, институт полигамии в формате многоженства продолжает активно развиваться в республике. Причины сложившейся ситуации мы решили выяснить у тех, кто решился на этот шаг (статья «вторыми женами»), посредством анализа мотивации такого семейно-брачного поведения.

Характеристика эмпирической базы исследования

В 2021 г. в городах (Дербент, Махачкала, Хасавюрт) и районах (Ботлихский, Дербентский, Казбековский, Кизлярский, Кизилюртовский, Левашинский) Республики Дагестан был проведен массовый социологический опрос по изучению отношения дагестанских мужчин и женщин к многоженству. При формировании выборки учитывались социальные характеристики респондентов (возраст, образование, место проживания, отношение к религии, уровень доходов, социальное положение). В рамках данного исследования методом «снежного кома» (snow-ball) был проведен опрос в формате полуструктурированного интервью среди дагестанских женщин, которые находятся в статусе «вторая жена» (N=29). Выбор именно данного метода обусловлен тем, что почти каждая женщина, будучи «второй женой», скрывает свое семейное положение, поэтому проведение исследования именно среди данной подгруппы вызывает определенные трудности. В связи с указанным обстоятельством, набор респондентов происходил посредством рекомендаций со стороны участников опроса. При отборе респондентов учитывались такие социальные характеристики, как возраст, образование, место проживания, отношение к религии, семейный статус до вступления в мусульманский брак, стаж семейной жизни в статусе «вторая жена».

Результаты исследования

Прежде всего мы поинтересовались отношением к многоженству со стороны тех женщин, которые по тем или иным причинам создали семью с несвободным в плане брачного статуса мужчиной. Как и ожидалось, большинство опрошенных высказались положительно (57,1%), мотивируя свое отношение тем, что «исламская религия допускает многоженство». Подавляющая часть из них относит себя к верующим, имеет высшее образование и находится в возрасте от 30 до 39 лет. Большинство женщин из числа положительно отнесшихся к многоженству прежде, до мусульманского брака, не состояли в браке (85,7 %). Около трети опрошенных, положительно воспринимающих многоженство, до мусульманского брака были разведены.

В современной практике многоженства в Дагестане сложилась ситуация, когда мужчина, решивший взять «вторую жену», не ставит в известность первую (в которой состоит в законном браке с точки зрения светских семейных традиций). Данная ситуация и становится, в большинстве случаев, поводом для развода, когда законная супруга узнает о «второй жене» у мужа. Массовое применение такой практики многоженства привело к тому, что в Дагестане многоженство уже стали называть «тайным никахом» – когда мужья берут «вторых жен», никого не ставя при этом в известность (ни своих родственников, ни родственников «второй жены»). Мы поинтересовались у «вторых жен» в нашем опросе их мнением относительно того, правильно ли поступают мужчины, которые тайно от первой жены/семьи вступают в мусульманский брак и берут «вторую жену». Полученный материал показывает, что опрошенные «вторые жены» заняли несколько пассивную позицию, в большинстве своем не решившиеся судить об этом, поскольку по-разному складываются обстоятельства, определяющие такое поведение мужчин. При этом большую часть таким образом отреагировавших в нашем опросе составляет молодая возрастная группа (20-29 лет). В более старших возрастных группах заметно больше тех, кто воспринимает такой поступок мужчины неправильным. Как правильный его расценила лишь десятая часть респондентов.

Какая же ситуация сложилась с точки зрения информированности «первых жен» о «вторых» среди опрошенных нами женщин в статусе «второй жены»? Опрос показал, что большинство (более 60%) опрошенных лично незнакомы с первой (законной) женой своего мужа. Знакомы оказались чуть более четверти опрошенных

нами женщин. При этом, подавляющее большинство (порядка 80%) из тех, кто знаком с «первой» (законной) женой своего «мусульманского мужа», не поддерживают отношения с ней, стараются не пересекаться в жизни, хоть и знают о существовании друг друга. Лишь минимальное количество опрошенных нами женщин (порядка 7%) встречаются с «первыми женами» либо живут вместе и помогают друг другу.

На вопрос респондентам о том, как бы охарактеризовали свои отношения с «первой» (законной) женой своего мусульманского мужа, мы получили следующие ответы:

– «отношения конфликтные. Первая жена не может смириться с фактом наличия «второй жены» у ее мужа. Так как первая жена не может смириться, и его мама также не принимает наличие «второй жены» (Земфира, 44 года, Махачкала);

– «отношения хорошие (мы общаемся, встречаемся/живем вместе, помогаем друг другу и т.д.)» (Зарият, 54 года, Махачкала);

– «отношения хорошие. Общаемся, когда нужно друг друга выручаем. Можем вместе гулять с детьми» (Земфира, 44 года, г. Махачкала);

– «мы не поддерживаем отношения, хоть и знаем о существовании друг друга. Настраивает родственников мужа против меня» (Раисат, 40 лет, г. Махачкала);

– «зачем мне она нужна и отношения с ней? Я хотела родить ребенка, чтобы на старости лет со мной был рядом близкий человек. За мужа я тоже не держусь, я сама могу прокормить себя и своего ребенка» (Рамзия, 34 года, Казбековский район);

– «отношений нет, так как семья распалась после того, как жена узнала о моем появлении в жизни ее мужа (Сакинат, 45 лет, г. Махачкала);

– «отношения очень хорошие, хвала Аллаху. Мы живем на одном участке, у каждой своя жилплощадь. Мы часто видимся, почти каждый день. Постоянно общаемся, и дети постоянно вместе. Помогаем друг другу» (Сальма, 24 года, г. Махачкала);

– «мы не поддерживаем отношения, она знает, что есть я, и я знаю, что есть она» (Саняйт, 39 лет, г. Махачкала);

– «отношения не поддерживаем, при том, что знаем о существовании друг друга» (Шамай, 44 года, Махачкала).

Как видим, спектр отношений различный – вплоть до трагичных, связанных с распадом семьи по причине появления «второй жены». Разумеется, женщины в статусе «первой» (законной) жены не могут не испытывать определенных эмоций в отношении «вторых жен», особенно в ситуации, когда сам факт их появления стал для них откровением (решение мужем было принято без согласования с законной супругой).

В ходе массового опроса относительно многоженства в Дагестане одна из «первых» (законных жен) по собственной инициативе высказалась в следующем ключе: «Я настояла, чтобы муж привез свою «вторую жену» в наш населенный пункт. Я работаю (держим исламское кафе), а она живет в Махачкале, ничего не делает, ходит по кафе, встречается с друзьями. Мы с мужем работаем, из нашего семейного бюджета уходят деньги на ее и ее детей содержание в Махачкале (пояснение: «вторая жена» ранее состояла в браке с другим мужчиной, развелась и вышла замуж «второй женой». В предыдущем браке были дети, во втором тоже), причем нужно оплачивать квартиру, питание, одежду. Пусть вместе с нами работает и зарабатывает. Почему она должна жить в городе, ничего не делать, но при этом я должна работать и обеспечивать ее и ее детей от предыдущего брака? Я сама родилась и выросла в городе, но вышла замуж в село. Я тоже хочу жить в городе, в более комфортных условиях» (законная жена, 37 лет). В итоге, она добилась, чтобы «вторая жена» приехала в село и работала с ней вместе, однако, «вторую жену» не приняли сестры мужа, она не смогла найти с ними общий язык».

Возможно, по этой причине, большая часть «вторых жен» (порядка 40%), как показал наш опрос, достаточно редко поддерживают контакты с родственниками мужа; треть опрошенных регулярно общаются. Остальные не общаются, несмотря на то, что знакомы с родственниками мужа. «Вторые жены», как показал опрос, психологически не готовы или не ориентированы на тесное общение с родственниками своего мусульманского мужа, поскольку здесь имеет место неприятие со стороны ближнего круга супруга (родителей, сестер, братьев и др.), которые в целом не воспринимают решение мужчины иметь «вторую семью». В ходе опроса также выяснилось, что и ближайшее окружение «вторых жен» весьма прохладно относится к их статусу «второй жены». Лишь четверть опрошенных отметили, что ближайшее окружение положительно воспринимает их в этом статусе. Подавляющее большинство, при том, что резко отрицательных эмоций никто, по мнению «вторых жен», не выражает, относится к ним нейтрально. С учетом того, что в дагестанском обществе имеет место в основном негативное отношение к многоженству, особенно со стороны законных «первых жен», вполне обоснованно видящие во «вторых женах» соперниц, разрушающих их семью, женщины, находящиеся в статусе «второй жены», как правило, скрывают свое семейное положение, а если и информирован кто, то это очень близкий круг. В близком кругу, как правило, стараются поддерживать друг друга и не высказывать резких суждений.

Тем не менее, очевидно, что женщины в статусе «вторая жена» в дагестанском обществе не могут не испытывать некоторого психологического дискомфорта. Мы попытались выяснить, каким же является социальное и эмоциональное самочувствие женщины, которая находится в указанном статусе, спросив их о том, как бы они поступили в случае, если бы у них появилась возможность изменить статус «второй жены» на «первую» (вступить в законный брак). Судя по тому, что только каждая пятая не поменяла бы свой статус, т.е. осталась бы «второй женой», социальное самочувствие опрошенных нами женщин вряд ли можно назвать благополучным. Примечательно, что однозначно изменили бы свой статус очень немногие – лишь шестая часть опрошенных. Остальные, а их подавляющее большинство, не смогли дать ответа, т.е. затруднились обозначить свое видение отношений в обозначенной ситуации. Полученные результаты вызывают множество вопросов: «Почему женщины при возможности поменять свой статус не готовы на этот шаг?», «Почему женщину устраивает статус «вторая жена», несмотря на то, что в обществе существует негативное отношение к институту многоженства в целом, и к женщине, которая находится в таком статусе?».

В ходе интервью мы получили следующие ответы на вопрос о возможной смене статуса «второй жены», которые несколько приоткрывают завесу и позволяют выдвинуть некоторые предположения:

– *«осталась бы «второй женой», так как меня вполне устраивает этот статус»* (Зарият, 54 года, г. Махачкала);

– *«оформила бы официально. Было бы проще оформлять РВП, ВНЖ и прочее»*. (Земфира, 44 года, г. Махачкала);

– *«меня не устраивает статус «второй жены», но дело не в законном браке»* (Раисат, 40 лет, г. Махачкала, 40 лет);

– *«осталась бы «второй женой», так как меня вполне устраивает этот статус. Мне не нужно, чтобы рядом был муж. Я работаю, может не так много зарабатываю, но могу и экономно жить. Для меня самое важное было сделать «магьар» (никах – заключение брака по исламу) и родить ребенка»* (Рамзия, 34 года, Казбековский район);

– «официально оформила бы отношения (исходя из сегодняшнего опыта, только официально оформленный брак)» (Сакинат, 45 лет, г. Махачкала);

– «я и так официальная жена, мне нет нужды менять свой статус, так как от ее статуса (первой законной жены – Авт.) меня отличает только время (она раньше вышла замуж за нашего мужа, я позже). Единственно, почему я хотела бы быть первой, – это потому, что я хотела бы дольше и больше его знать, особенно в раннем возрасте, видеть и наблюдать, как он становится тем, кем является сейчас» (Сальма, 24 года, г. Махачкала);

– «для меня ЗАГС не играет никакой роли. Если бы даже выходила первый раз замуж, то в ЗАГСе не регистрировала бы отношения. Брак перед Аллахом важнее какого-то ЗАГСА, которому максимум 100 лет» (Шамай, 44 года, г. Махачкала).

Очевидно, в этих высказываниях кроется особая позиция «вторых жен», которая может реально отражать их убеждения в отношении мусульманского брака как альтернативного, по статусу не отличающегося от светского, а может быть, своего рода, защитной реакцией ввиду особого отношения к ним со стороны общества, не приемлющего в своем большинстве такого рода семейно-брачные отношения. Причем, как показывают данные всероссийского опроса, негативное отношение к многоженству характерно в целом для российского общества (ВЦИОМ: 87% населения...).

Приступая к исследованию, мы предполагали, что среди причин, которые могут подтолкнуть женщину на принятие решения стать «второй женой», важное значение имеет материальный фактор, стремление женщины обеспечить материальное благополучие, финансовый достаток. Основанием для такого утверждения является брачное поведение этой категории женщин – как показывают реалии, женщины в статусе «вторая жена» находятся в отношениях с состоятельными мужчинами. Однако данные опроса не подтвердили это наше предположение. Среди причин, побудивших женщин в нашем исследовании стать «второй женой», на первом месте оказалась та, что связана с эмоциональным аспектом, т.е. любовью. Большинство из тех, кто указал эту причину, относятся к возрастной группе от 20 до 39 лет. Также эта причина стала доминантной для тех женщин, которые никогда не состояли в браке.

На второй позиции оказалась причина, связанная с желанием иметь ребенка, но в законном с точки зрения ислама браке. Часть опрошенных (очень небольшая) приняла решение стать «второй женой» по настоянию родителей, и никто не указал на причину, связанную с экономическими/финансовыми мотивами. При этом, следует заметить, в числе опрошенных были женщины с различным семейным стажем в формате «второй жены»: менее года, до 10 лет и более. Вместе с тем, как видим, экономическая мотивация вступления в брак не была выявлена в нашем опросе.

Согласно шариату, мужчина, имеющий несколько жен, должен в равной мере уделять внимание всем женам, обеспечивать их и детей. Мы поинтересовались у женщин в нашем опросе, соблюдается ли этот принцип в отношении них, не ущемляются ли чьи-то права при этом, и получили суждения, некоторые из которых имеет смысл привести: «муж должен уделять одинаковое внимание, несмотря на ситуацию. Мой муж не соблюдает этот принцип» (Земфира, 44 года, г. Махачкала); «было бы прекрасно, если бы он имел такую возможность» (Зарият, 54 года, г. Махачкала); «в нашей семье больше внимания уделяется именно нам, так как в первой семье нет детей» (Патимат, 47 лет, г. Махачкала); «да, он проводит время равнозначно и обеспечивает финансово обе семьи в достаточной мере» (Заира, 34 года, г. Махачкала); «я думаю, что внимание уделяется больше другой семье, так как они друг другу родственники, и их родственники также связаны друг с другом семейными узами» (Раисат, 40 лет, г. Махачкала); «муж должен в равной степени уделить внимание всем женам. Мой

муж бывает часто в отъезде, ему некогда» (Рамзия, 34 года, Казбековский район); «нет, в условиях Дагестана, по моему мнению, такое – очень редкий случай» (Сакинат, 45 лет, г. Махачкала); «да, если есть такая возможность, если проживают в одном городе, мой муж живет в другом городе» (Саният, 39 лет, г. Махачкала); «да, мой муж старается все соблюдать: одинаковое количество дней, питание, одежда, подарки, выход в свет, прогулки, знакомство с родственниками» (Шамай, 44 года, г. Махачкала).

Безусловно, жизнь на две семьи не может не создавать трудности для «вторых жен», особенно, когда в таком браке есть дети. Так, одна из респонденток (Шамай, 44 года) на уточняющий вопрос «Как часто она видится со своим мусульманским мужем?» ответила: *«Муж у меня бывает через день – 1-й день у первой жены, 2-й день у меня, то есть чередует. Он старается уделить нам обеим максимальное внимание, тем более, что в нашем браке у нас есть двое совместных детей. Поэтому он активное участие принимает в воспитании детей в обеих семьях. Также я учу детей и говорю им, что все подарки приносит папа (хотя я сама многое им покупаю), что он их любит. Они еще маленькие и не спрашивают, почему папа не всегда дома».*

В целом, согласно нашему опросу, порядка 40% опрошенных женщин встречаются со своими мусульманскими мужьями несколько раз в неделю, чуть больше четверти видятся каждый день, столько же живут вместе, а оставшаяся меньшая часть видится со своим мужем не более одного раза в неделю. Критерием измерения отношения между супругами, вернее, соблюдения исламского предписания в семейной сфере является время проводимое совместно, а также участие в тех или иных мероприятиях. Так, подавляющее большинство опрошенных далеко не всегда, от случая к случаю, отмечают праздники вместе с мужем; всегда с мужем отмечают праздники очень немногие из числа опрошенных нами (менее 10%), а около 15% и вовсе все праздники проводят без мужа, т.к. он всегда остается с первой семьей/женой.

Приведенные данные показывают, что выбор статуса «второй жены» чреват сложными, противоречивыми и, конечно же, болезненными с точки зрения психологического состояния последствиями. По этой причине мусульманские браки часто распадаются. Дагестанские мужчины, в угоду моде или движимые теми же эмоциональными чувствами, создают «вторые семьи», но не всегда следуют нормам шариата и ключевому правилу: это не в два раза больше романтики, а в два раза больше ответственности. И, видимо, потому в нашем опросе пятая часть женщин на вопрос «Если можно было вернуться в прошлое, как бы Вы поступили, принимая решение о вступлении в мусульманский брак в роли «второй жены?»» ответила, что никогда бы не согласилась стать «второй женой», а чуть больше 40% опрошенных согласились бы, но на несколько иных условиях (материальных, жилищных и т.п.). И только чуть больше трети опрошенных поступила бы так же – согласилась стать «второй женой».

Очевидно, в ходе семейной жизни у «вторых жен» наступает период разочарования, связанный, во многом, с тем, что степень двойной ответственности становится не для всех посильной. А эта степень ответственности прекрасно осознается женщинами, решившимися на мусульманский брак. Так, большинство опрошенных нами женщин считают, что «вторая жена» должна иметь такие же права на имущество своего мусульманского мужа, как и первая (состоящая с ним в зарегистрированном браке): *«если женщина выходит замуж по исламским законам, то и права она должна иметь по этим же законам» (Патимат, 47 лет, г. Махачкала); «естественно, обе (3,4) жены равны, и нет у них различий в правах» (Земфира, 44 года, г. Махачкала); «конечно же «вторая жена» имеет такие же права и на имущество, и на мужа, и на все, что с ним связано. Какие могут быть аргументы? Это исламский закон – в равной степени обеспечивать имуществом всех жен» (Раисат, 40 лет, г. Махачкала); «да, обязательно.*

По исламу все жены имеют одинаковые имущественные права, раз мужчина берет «вторую жену» по нормам ислама, то по этим же нормам и имущественные обязанности по отношению к женам». (Сакинат, 45 лет, г. Махачкала); «вторая жена не просто должна иметь такие же права, как и первая. Она по шариату уже имеет такие же права, как и первая. Сам Аллах сделал ее равноправной женой и, что бы не делали невежды, закон Аллаха не изменить» (Сальма 24 года, г. Махачкала); «да, конечно, особенно, если в браке есть дети» (Саният, 39 лет, г. Махачкала); «Перед Аллахом обе равны. Нет никакого преимущества первой жены перед второй или третьей. Все равны. И все имеют равные права на имущество. Это шариат, а не наша прихоть. Аллах так приказал» (Шамай, 44 года, г. Махачкала). Только одна позиция прозвучала в противоположном контексте: «нет, это их совместное имущество, то есть нажитое со своей первой женой. Я не должна на это претендовать, не имею право претендовать на чужое» (Рамзия, 34 года, Казбековский район).

В действительности, «вторые жены» понимают, какие проблемы могут ожидать их и детей в семейной жизни, особенно, если мусульманский брак является тайным, скрытым от родственников. Уже активно в общественно-научном дискурсе поднимаются вопросы ущемления прав «вторых жен» и их детей, обосновывается необходимость грамотной, правильной пропаганды полигамной стратегии семейной жизни в Дагестане с учетом норм и принципов шариата (Магомедов З. В Дагестане...), которые строго регламентируют правила поведения мужчины в отношении своих нескольких жен и, соответственно, семей, созданных с ними.

Выводы

Феномен многоженства в Дагестане – исторически сформировавшийся и получивший новое «рождение» в условиях постсоветской реальности. Условия новой для российского государства эпохи, на несколько десятилетий определившие неблагоприятный фон социально-экономического развития общества, а также религиозный ренессанс определили реакцию дагестанского народа, связанную с возрождением этой архаической практики семейно-брачных отношений. Согласно мусульманской этике, мужчина имеет право иметь до 4-х жен с соответствующим уровнем ответственности, пропорциональным количеству жен.

Успешно апробированная в прошлом практика многоженства в современной дагестанской реальности принимает несколько иные формы, искажающие представления о полигамии, сложившиеся в мусульманской религиозной традиции. В этой связи многоженство с трудом приживается в массовом сознании жителей Дагестана как легальная и общественно одобряемая практика семейно-брачных отношений. Однако это не сказывается на динамике многоженства в республике, которая характеризуется положительным вектором с точки зрения распространенности данной стратегии семейно-брачных отношений. Опрос, проведенный среди дагестанских женщин, имеющих статус «вторая жена», показал, что мотивацией для заключения мусульманского брака с мужчиной, уже имеющим законную жену (в светском варианте), является, прежде всего, эмоциональная составляющая (чувство любви), а также желание родить ребенка в законном браке, к каковым, согласно исламской этике, относится мусульманский брак. Экономический (материальный) фактор не был обозначен как важный с точки зрения принятия решения стать «второй женой» при том, что практически все опрошенные признают законность своих притязаний на имущество мусульманского мужа, ссылаясь на нормы ислама.

Поведение далеко не всех дагестанских мужчин, имеющих «вторые семьи», соответствует традиционным представлениям и нормам многоженства, связанным

с необходимостью равного распределения между всеми женами и детьми времени, ресурсов, внимания, что делает такую форму семейно-брачных отношений неустойчивой и имитационной в глазах дагестанского общества, а положение «вторых жен» – весьма щепетильным. Они вынуждены, в своем большинстве, скрывать свой семейный статус, что, в итоге, способствует росту правовой незащищенности «вторых жен» и их детей. Такая ситуация не может благоприятно сказываться на социальном самочувствии этих женщин и их детей, а также на дальнейшей институционализации многоженства, причины возрождения которого в современных условиях пока не представляются социально обоснованными для всего населения республики ввиду фиксируемых несоответствий в функционировании данного института с точки зрения семейной этики ислама, а также современных (светских) этических представлений о семейных ценностях.

Литература

- Верещагина, А.В. (2019). Архаическое, традиционное и современное в пространстве семейно-брачных ценностей и установок молодежи на Юге России. *Молодежь XXI века: образ будущего: материалы научной конференции XIII Ковалевские чтения 14-16 ноября 2019 года*. СПб.: Скифия-принт.
- Верещагина, А. В., Загирова, Э. М. (2022). Многоженство в Дагестане в оптике общественного мнения. *Социологические исследования*, 2, 117-128. DOI: 10.31857/S013216250016856-4.
- Рамазанов, Р.О. (2020). Мусульманское образование и его роль в формировании религиозной идентичности. *Диалог культур в глобализирующемся мире: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием)*. Махачкала: АЛЕФ, 53–56.
- Шахбанова, М.М. (2008). Религиозная ситуация в республике: состояние и тенденции (по материалам социологического опроса). *Региональные аспекты социальной политики. Махачкала*, 10, 56–64.
- Шахбанова, М.М. (2009). Место религии в процессе формирования культуры межнационального общения. *Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009. Сборник научных трудов*. Махачкала: АЛЕФ, 15–24.
- Шахбанова, М.М. (2015). Религиозность и культовое поведение дагестанских верующих. *Исламоведение*, 6, 3(25), 85–96.
- Шахбанова, М.М., Рамазанов, Р.О., Шихалиева, Д.С., Муллахмедова, С.С. (2019). Межэтническое согласие в современном дагестанском обществе: состояние и риски. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*, 2, 247–254. DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-2-247-254.
- ВЦИОМ: 87% населения против многоженства. Режим доступа: <https://iz.ru/news/587239>.
- Многоженство, строгие традиции и доброта. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2021/05/21/dagestan/>.
- Магомедов З. В Дагестане нужна правильная пропаганда многоженства. Режим доступа: <https://www.kavkazr.com/a/v-dagestane-nuzhna-pravilnaya-propaganda-mnogozhenstva/30430484.html>
- Анатолий Антонов: «Институт семьи в России давно разрушен». Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/articles/139418-anatoliy-antonov-o-demograficheskom-krizise-i-krizise-semi>

References

- Anatoliy Antonov: "The institution of family in Russia is destroyed". Available at: <https://realnoevremya.ru/articles/139418-anatoliy-antonov-o-demograficheskom-krizise-i-krizise-semi>
- Magomedov Z. Proper propaganda of polygamy is needed in Dagestan. Available at: <https://www.kavkazr.com/a/v-dagestane-nuzhna-pravilnaya-propaganda-mnogozhenstva/30430484.html>
- Polygamy, strict traditions and kindness. Available at: <https://lenta.ru/articles/2021/05/21/dagestan/>.
- Ramazanov, R. O. (2020). Muslim education and its role in the formation of religious identity. *Dialogue of Cultures in a Globalizing World: Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation)*. Makhachkala: ALEF, 53–56.
- Shakhbanova, M. M. (2008). Religious situation in the Republic of Dagestan: status and trends (based on sociological survey materials). *Regional aspects of social policy. Makhachkala*, 10, 56–64.
- Shakhbanova, M. M. (2009). The place of religion in the process of forming a culture of interethnic communication. *Actual problems of the humanities – 2009. Collection of scientific articles*. Makhachkala: ALEF, 15–24.
- Shakhbanova, M. M. (2015). Religiosity and Cult Behavior of Dagestani Believers. *Islamic Studies*, 6, 3(25), 85–96.

Shakhbanova, M. M., Ramazanov, R. O., Shikhalieva, D. S., Mullakhmedova, S. S. (2019). Interethnic harmony in modern Dagestani society: state and risks. *State and municipal administration. Scientific Notes SKAGS (RANEPА-Rostov)*, 2, 247–254. DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-2-247-254.

VCIOM: 87% of the population is against polygamy. Available at: <https://iz.ru/news/587239>.

Vereshchagina, A. V. (2019). Archaic, traditional and modern in the space of family and marriage values and attitudes of young people in the South of Russia. *Youth of the XXI century: the image of the future: materials of the scientific conference XIII Kovalev readings November 14-16, 2019. Saint Petersburg: Skifia-print*.

Vereshchagina, A. V., Zagirova, E. M. (2022). Polygamy in Dagestan in the optics of public opinion. *Sociological research*, 2, 117-128. DOI: 10.31857/S013216250016856-4.

Дата получения рукописи: 10.11.2022

Дата окончания рецензирования: 27.11.2022

Дата принятия к публикации: 30.11.2022

Информация об авторах

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: anrietta25@mail.ru

Загирова Эльвира Махачевна – кандидат социологических наук, младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия, e-mail: elvirazagirova12@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, Россия, e-mail: anrietta25@mail.ru

Zagirova Elvira Makhachevna – Candidate of Sociological Sciences, Junior Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography, Daghestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, e-mail: elvirazagirova12@mail.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.4

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.4.7

EDN YSLTEV

Молодая семья в фокусе социологической теории**Ангелина А. Жиденко¹**¹Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),

г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: angelina_zhidenk@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье анализируются сложившиеся в социологии теоретические подходы к изучению молодой семьи с учетом ее институциональной и групповой социальной природы, а также условия российской реальности, в которой молодежи приходится адаптироваться, вырабатывать собственные семейные стратегии стили семейных отношений.

Теоретическая база исследования. В статье используются положения микро- и макросоциологии семьи, институционального и феминологического подходов, концепции жизненного мира. Основное внимание уделяется теоретическим проблемам институциональной трансформации молодой семьи.

Результаты исследования. В статье обобщаются наиболее распространенные теоретические позиции и подходы социологов в области изучения молодой семьи, намечаются дальнейшие перспективы исследования с точки зрения меняющейся социальной реальности, в которой уже проведена демаркационная линия, определившая наступление постпандемической эпохи и необходимость переосмысления ключевых социальных явлений.

Ключевые слова: семья; молодая семья; микросоциология семьи; макросоциология семьи; институт семьи; жизненный мир молодой семьи.

Для цитирования: Жиденко А. А. (2022). Молодая семья в фокусе социологической теории. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). С. 70-76. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.7>

A young family in the focus of sociological theory**Angelina A. Zhidenko¹**¹Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia

e-mail: angelina_zhidenk@mail.ru

Abstract

Introduction. The article analyzes the theoretical approaches formed in sociology for the research of the young family, taking into account its institutional and group social nature, as well as the conditions of Russian reality, in which they have to adapt, to develop own family strategies styles of relationships.

Theoretical basis of the study. The article is using the provisions of micro- and macrosociology of the family, institutional and feminological approaches, the concept of the life world. The main attention is devoted to theoretical problems of institutional transformation of the young family.

Results of the study. The article summarizes the most common theoretical positions and approaches of sociologists in the study of the young family, outlines further research prospects in terms of changing social reality, in which the demarcation line has already been drawn, which has determined the coming-in of the post-pandemic era and the need to rethink key social phenomena.

Keywords: family; young family; family microsociology; family macrosociology; family institution; young family's life world.

For citation: Zhidenko A. A. (2022). A young family in the focus of sociological theory. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). С. 70-76. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.7>

Введение

Проблемы молодой семьи уже много лет не сходят со страниц научных публикаций. Ученые поднимают самые различные, актуально стоящие перед российским

обществом, проблемы, с которыми связывается жизнедеятельность молодых семей. Это и высокий уровень разводов ввиду высокой неустойчивости в ходе адаптации к супружеской жизни и социальным реалиям, и снижение рождаемости в рамках перехода к модели малодетной семьи как приоритетной для современной российской молодежи, и снижение социального здоровья молодой семьи как результат высокой заболеваемости и социального неблагополучия молодежи, и распространение разнообразных, нетипичных для российского общества форм семейной жизни. С последними исследователи связывают также альтернативные стили семейной жизни, распространенные в молодежной среде. Среди них – добровольная бездетность, нерегистрируемые («гражданские»), браки, гостевые браки, материнские семьи (Грицай, 2013). Также устойчивой является тенденция увеличения возраста создания семьи, когда на этот шаг все чаще решаются после 30-35 лет, как и тенденция пролонгации рождения первого ребенка (Когда пора по парам...).

В большинстве случаев эксперты, с опорой на текущую нестабильную ситуацию в стране в области развития семейно-демографических процессов и молодой семьи в том числе, прогнозируют неблагоприятный сценарий развития института семьи и демографических процессов в России (Эксперты о демографии...). И, действительно, если исходить из того, что браки стали крайне неустойчивыми, динамика разводов не снижается, как и количество неполных семей, а репродуктивные установки большинства молодежи устойчиво воспроизводятся в формате малодетной семьи, поводов для беспокойства достаточно. И молодая семья в контексте разрешения сложной демографической ситуации в России, конечно же, занимает приоритетные позиции. Но что же представляет собой молодая семья? Какие подходы к интерпретации данного понятия и ее изучению сложились в социологической науке? В данной статье ставится задача, связанная с анализом теоретического пространства социологического исследования молодой семьи, поскольку от понимания социальной природы данного явления зависят и возможность формирования грамотного и эффективного подхода к решению проблем молодой семьи, и, соответственно, перспективы выхода из демографического кризиса всего общества.

Теоретические аспекты и проблемы исследования молодой семьи в социологии

Следует заметить, что в социологии семьи достаточно серьезное внимание уделяется молодой семье как на теоретическом, так и прикладном уровнях. Иными словами, недостатка в публикациях на эту тему не наблюдается. Более того, исследовательское поле в этом направлении настолько насыщенное, что формируется ситуация некоторой полифонии в изучении молодой семьи, что не должно рассматриваться в негативных коннотациях, поскольку в границах научного дискурса только и может родиться истина как выражение достоверного знания о сущности того или иного явления, специфики его функционирования в тех или иных реалиях современного общества.

Начать, пожалуй, стоит с самого понятия молодой семьи, которое имеет свою историю научного развития по мере того, как менялись нормативно-правовые подходы к определению молодости, молодежи, а также происходили изменения с самой молодой семьей в русле трансформации института семьи. Не вдаваясь в глубокую историю нормативно-правового становления понятия «молодая семья», отметим, что, если до действующего ныне законодательно закрепленного понятия молодой семьи возрастные границы супругов в такой семье определялись 30-летним возрастом, а возраст самого брака четко коррелировал с наличием или отсутствием в молодой

семье детей¹, то на данный момент подход государства к молодой семье несколько изменился. Сейчас под ней понимаются «лица, состоящие в заключенном в установленном законодательством Российской Федерации порядке браке, в том числе воспитывающие ребенка (детей), либо лицо, являющееся единственным родителем (усыновителем) ребенка (детей), в возрасте до 35 лет включительно»². Как видим, увеличился возрастной критерий в определении молодой семьи, а наличие/отсутствие детей уже не выступает критерием возраста брака.

Указанные критерии имеют важность для реализации молодежной и семейной политики российского государства, и зачастую ученые апеллируют к ним в своих исследованиях, но далеко не все, что и породило многообразие интерпретаций молодой семьи в академической среде при том, что, как отмечает Кострова Ю.А., в социальных науках доминирующим при определении молодой семьи стал подход, согласно которому под ней понимаются «семьи в первые три года после заключения брака (в случае рождения ребенка – без ограничения продолжительности брака) при условии, что брак у обоих супругов был первый, а возраст одного из супругов не превышает 30-35 лет» (Кострова, 2015).

Тем не менее, стоит выделить сложившиеся подходы к интерпретации молодой семьи и критериям, отличающим ее от других типов семей. Так, известный специалист по проблемам молодой семьи в России под данным явлением понимает семью, в которой супруги находятся в первом браке не более 10 лет, имеют детей и не достигли возраста 30–35 лет (Ростовская, 2006). Как видим, много общего с представленным выше подходом, в котором не фиксируется форма брака (зарегистрированный/незарегистрированный), а вот, в определении другого исследователя, С.М. Барсукова, конкретно указывается, что форма брака роли не играет, а главное – возраст до 35 лет, продолжительность жизни в браке до 3 лет при отсутствии детей (при их наличии продолжительность брачного союза роли не играет) в состоянии зарегистрированного или гражданского брака (Барсуков, 2012).

Примерно в таком же контексте дается определение молодой семьи таким исследователем, как М.Д. Гарник (2019): «молодая семья – это семья, которая состоит в официальном браке не более 10 лет, возраст супругов которой, либо одного родителя в неполной семье, не более 30–35 лет и которая может иметь малолетних детей».

Несколько иной подход, без фиксации четких критериев детности, формы брака, длительности супружеского союза, представлен в определении Ангел О.Ю. и Сердюченко Я.В., которые считают, что молодую семью следует характеризовать как «союз молодых людей в возрасте до 35 лет на основе супружества, родительства, каждый представитель которого идентифицирует себя с членами этого союза, разделяя ответственность за его существование и жизнедеятельность» (Ангел, Сердюченко, 2017).

С позиций неинституционального подхода, который взят за основу в исследовании Кикоть А.С., молодая семья рассматривается как совокупность закрепленных на формальном и неформальном уровнях норм, образцов поведения и ценностей, регулирующих семейные отношения и практики молодежи (Кикоть, 2020). В данном определении не имеют место ограничения демографического порядка – возраст супругов, брачного союза, формы брака, наличие детей, что не означает их отсутствие или полную незначимость для исследователя. В данном определении акцент сделан на институциональных характеристиках молодой семьи, в русле неинституциона-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

² Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации».

лизма акцентированных по линии формальности/неформальности ценностей, норм, образцов поведения как регуляторов отношений в молодой семье.

Обозначая теоретические подходы к изучению молодой семьи в социологии, следует, прежде всего, выделить два, традиционно сложившихся в социологическом пространстве, подхода: микросоциологический и макросоциологический. Их формирование закономерно связывается исследователями со специфической природой семьи как объекта социологического исследования, которая связана с групповой и институциональной сущностью данного социального явления (Каменева, 2016). И потому молодая семья как тип семьи в рамках макросоциологического подхода обретает черты и характеристики социального института, а в рамках микросоциологического подхода, соответственно, – малой группы.

С позиций институционального подхода за молодой семьей закрепляются определенные социальные функции, набор которых коррелирует с функциями института семьи в целом. Традиционно в качестве таковых выделяются репродуктивная, социализационная, сексуальная, эмоционально-психологическая, экономической, рекреационная и ряд других, иерархический порядок которых, а также состав детерминируется процессами социальных изменений в логике трансформации института семьи и семейных отношений (Носкова, 2015). Современные исследователи семейной проблематики в России указывают на то, что основой семейных отношений выступают супружеские отношения, что вытесняет с приоритетных позиций в функциональной структуре семьи репродуктивную и социализационную функции. И молодой семье это касается прежде всего, так как именно в ее пространстве, еще не очень устойчивом, но развивающемся в формате будущих проектов и перспектив, ожиданий и надежд, супружеские отношения занимают центральное место.

Отталкиваясь от определения социального института Т.К. Ростовской, согласно которому под ним следует понимать «систему формальных и неформальных предписаний, регулируемых, соответственно, государством и общественным мнением, воспроизводство которого обеспечивается, благодаря многократному повторению в практиках повседневных взаимодействий» (Ростовская, 2013), институт молодой семьи также следует рассматривать с позиций значимости формальных и неформальных норм, правил, формирующихся в ходе исторической траектории социума и его семейных практик. Формальные и неформальные нормы меняются со временем. Первые – более мобильны в этом отношении, так как формируются в результате нормативно-правовой деятельности государства, в то время как вторые (неформальные) изменяются гораздо медленнее, так как связаны с культурой, традициями, обычаями общества, его менталитетом. На пересечении формальных и неформальных семейных норм, правил, в пространстве их взаимодействия и формируется облик института молодой семьи, в каждом обществе отличающийся своими специфическими чертами, своей динамикой, уровнем устойчивости, своими проблемами.

В условиях современной реальности институт семьи развивается по траектории, порождающей разнонаправленные процессы, во многом противоречивые, что порождает обширный социологический дискурс (Вялых, 2021), в том числе и относительно будущего семьи в России. Среди различных траекторий трансформации института семьи в современном российском обществе социологи выделяют такие, как архаизация, традиционализация и модернизация. Именно последний – модернизационный вектор связывается, прежде всего, с молодежью и находит выражение в эгалитаризации семейных отношений именно в молодежной среде (Верещагина, Кротов, Самыгин, 2020).

Как малая группа молодая семья рассматривается в границах микросоциологического подхода, и в этой своей социальной ипостаси она интерпретируется

социологами как общность людей, которые связаны друг с другом узами супружества, родительства, родства, общесемейной деятельностью и различного рода отношениями (духовными, эмоциональными, хозяйственно-экономическими и др.) (Ростовская, 2014).

На связях и отношениях в семье делает акцент сетевой подход, получивший развитие в европейской социологии семьи (Носкова, 2012). Интересен данный подход тем, что в его границах семья предстает как явление с широкой сетью связей и отношений, причем не обязательно и не только родственного характера. Эти семейные связи могут выстраиваться и по критерию близости людей, не связанных родственными узами, но считающими себя единой семьей за счет иных индикаторов, которые дают ощущение общности, неразрывности связей, ощущение семьи.

В социологическом пространстве изучения молодой семьи получила распространение концепция жизненных миров молодой семьи (Саралиева, Блонин, Егорова и др., 2015). Концепция жизненного мира, родившаяся в традиции феноменологической социологии, предполагает изучение этого мира как конструируемого в ходе жизненного планирования, жизненной самореализации и меняющегося по мере изменения жизненных ситуаций. Собственно, и жизненный мир молодой семьи с этих установок выглядит как динамичное явление, конструируемое семейными практиками и ими же изменяемое в зависимости от изменения семейных планов, целей, установок и конкретных семейных ситуаций.

Жизненный мир молодой семьи не существует сам по себе, как и жизненный мир отдельного человека. Находясь в пространстве влияния социальных связей, отношений, процессов и институтов, молодая семья испытывает на себе воздействие самой социальной изменяющейся реальности с ее (если говорить о российских реалиях) высокой неопределенностью, турбулентностью, рискогенностью.

Можно ли говорить об устойчивости молодой семьи в такой неблагоприятной социальной среде, прежде всего, социально-экономической, ставящей многие молодые семьи в России на грань выживания? Недаром российские социологи изучают жизненный мир современной молодой семьи с позиций парадоксальности российской реальности, которая заключается в несоответствии государственной политики в области поддержки и развития молодой семьи в РФ в виде разнообразных программ, концепций, проектов с целью выхода из демографического кризиса страны самой семейной реальности, ее проблемам и ценностным изменениям. Это и определяет низкий эффект от предпринимаемым со стороны государства усилий по поддержке молодой семьи и стабилизации демографической ситуации в российском обществе (Шахбанова, Верещагина, Самыгин, 2018).

Вывод

Социология семьи в России характеризуется значительным опытом исследования молодой семьи с самых различных позиций (микро- и макросоциологических), теоретических подходов и концепций, но высокая актуальность молодой семьи как основного актора семейного пространства социума, от которого зависят перспективы развития семейных отношений в обществе, его демографические показатели, определяет необходимость дальнейших исследований в области жизнедеятельности молодой семьи, ее социальной природы, факторов устойчивости и жизнеспособности, рисков и угроз. Все это предполагает потребность и в теоретической рефлексии, поиске новых методологических альтернатив изучения молодой семьи, адекватных меняющейся социальной реальности, в которой стабильность, определенность, устойчивость, константность стали понятиями, неактуальными и уходящими в прошлое.

Ситуация пандемии коронавируса многое изменила в сознании молодых людей, в их установках, в том числе семейных, репродуктивных, и в целом сказалась на российской семье (Кучмаева, Ростовская, 2020). Эти аспекты также требуют социологического осмысления, прежде всего с позиций смысловой перезагрузки семьи как ценности для молодежи, ее жизненного мира, жизненной самореализации и т.д. Эти и многие другие сюжеты, связанные с молодежью и молодой семьей, нуждаются в глубоком социологическом изучении и еще ждут своих исследователей.

Литература

- Ангел, О.Ю., Сердюченко, Я.В. (2017). Карьера в структуре жизненных стратегий российской молодой семьи. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 12, 1-21.
- Барсуков, С.М. (2012). Молодая семья в представлениях студенческой молодежи среднего города. *Вестник ЮРГТУ (НПИ)*, 6, 273.
- Верещагина, А.В., Кротов, Д.В., Самыгин, С.И. (2020). Трансформация семейно-брачных ценностей молодежи на Юге России: архаизация, традиционализация, модернизация? *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 2, 31-35.
- Вялых, Н.А. (2021). Трансформация института семьи в российском обществе: социальные противоречия и социологические иллюзии. *Векторы благополучия: экономика и социум*, 2, 125-138.
- Гарник, М.Д. (2019). Современные подходы к определению понятия «молодая семья» и классификации молодых семей в России. *Молодой ученый*, 19, 308-310.
- Грицай, Л.А. (2012) Трансформация ценностных основ семейной жизни в России конца XIX – начала XX в. как предпосылка революционных событий 1917–1918 гг. *История и современность*, 1, 180-191.
- Саралиева, В.А. Блонин, Н.Ю. Егорова (и др.) (2015). Жизненные миры современной российской семьи: монография. М.: Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 264.
- Каменева, Т.Н. (2016). Семья как антропосоциокультурная система процессуально – институционального типа. *Среднерусский вестник общественных наук*, 3, 38-43.
- Кикоть, А. С. (2020). Социальная адаптация молодой семьи в России. М.: Москва.: РУСАЙНС, 114.
- Кострова, Ю.А. (2015) Концептуализация институциональных характеристик молодой семьи. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 3, 24-28.
- Кучмаева, О.В., Ростовская, Т.К. (2020). Российская семья в условиях пандемии. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году. Отв. ред. В.К. Левашов. М.: ИТД ПЕРСПЕКТИВА, 344-367.
- Носкова, А.В. (2015). Новые методологические подходы, исследовательские фокусы, дискуссионные проблемы социологии семьи. *Социологические исследования*, 10, 177-185.
- Носкова, А.В. (2012). Семейная тематика в европейской социологии. *Социологические исследования*, 3, 23.
- Ростовская, Т.К. (2013). Развитие института молодой семьи в современном обществе. *Государственный советник*, 2, 48.
- Ростовская, Т.К. (2014). Статус молодой семьи в современном российском обществе. *Человек в мире культуры*, 3, 75.
- Шахбанова, М.М., Верещагина, А.В., Самыгин, С.И. (2018). Жизненный мир молодой семьи и проблемы его формирования в условиях парадоксальной российской реальности. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 9, 59-66.
- Когда пора по парам? Современная семья в графиках и цифрах (2020). Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/8901099>
- Эксперты о демографии в России: эпохальная катастрофа (2022). Режим доступа: <https://bel-ru.turbopages.org/bel.ru/s/news/2022-11-03/eksperty-o-demografii-v-rossii-epochalnaya-katastrofa-2579875>

References

- Angel, O.Yu., Serdyuchenko, Ya.V. (2017). Career in the special living conditions of a Russian young family. *Humanities, social-economic and social sciences*, 12, 1-21.
- Barsukov, S.M. (2012). A young family in minds of students of a middle city. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI)*, 6, 273.
- Vereshchagina, A.V., Krotov, D.V., Samygin, S.I. (2020). Transformation of family and marriage values of young people in the South of Russia: archaization, traditionalization, modernization..?. *Humanities, social-economic and social sciences*, 2, 31-35.
- Vyalykh, N.A. (2021). Family institute transformation in Russian society: social contradictions and sociological illusions. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2, 125-138.

- Garnik, M.D. (2019). Modern approaches to the definition of concept of “young family” and classification of young families in Russia. *Young scientist*, 19, 308-310.
- Gritsai, L.A. (2012) Transformation of the value bases of family life in Russia in the late 19th – early 20th centuries as a prerequisite for the revolutionary events of 1917–1918. *History and modernity*, 1, 180-191.
- Saraliev, V.A. Blonin, N.Yu. Egorova (and others) (2015). Life worlds of a modern Russian family: monograph. Moscow, Nizhny Novgorod: Publishing house of UNN, 264.
- Kameneva, T.N. (2016). Family as an anthropo-socio-cultural system of procedural and institutional type. *Central Russian Journal of Social Sciences*, 3, 38-43.
- Kikot, A. S. (2020). Social adaptation of a young family in Russia. Moscow: RUSAINS, 114.
- Kostrova, Yu.A. (2015) Conceptualization of the institutional characteristics of a young family. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 3, 24-28.
- Kuchmaeva, O.V., Rostovskaya, T.K. (2020). Russian family under the conditions of the pandemic. Russian society and the state under the conditions of the pandemic: Socio-political situation and demographic development of the Russian Federation in 2020. Ed. by V.K. Levashov. Moscow: ITD “PERSPEKTIVA”, 344-367.
- Noskova, A.V. (2015). New methodological approaches, research focuses, debatable problems of family sociology. *Sociological Studies*, 10, 177-185.
- Noskova, A.V. (2012). Family Research in European Sociology. *Sociological Studies*, 3, 23.
- Rostovskaya, T.K. (2013). Development of a Young Family in the Modern Society. *The State Counsellor*, 2, 48.
- Rostovskaya, T.K. (2014). The Status of a Young Family in the Modern Russian Society. *Human in the World of Culture*, 3, 75.
- Shakhbanova, M.M., Vereshchagina, A.V., Samygin, S.I. (2018). The life world of young family and the problems of its formation under the conditions of the paradoxical Russian reality. *Humanities, social-economic and social sciences*, 9, 59-66.
- When is it time for couples? Modern family in graphs and numbers (2020). Available at: <https://tass.ru/obschestvo/8901099>
- Experts on demography in Russia: that is an epoch-making catastrophe (2022). Available at: <https://bel-ru.turbopages.org/bel.ru/s/news/2022-11-03/eksperty-o-demografii-v-rossii-epochalnaya-katastrofa-2579875>

Дата получения рукописи: 20.11.2022

Дата окончания рецензирования: 29.11.2022

Дата принятия к публикации: 03.11.2022

Информация об авторе

Жиденко Ангелина Александровна – ассистент кафедры экономической теории, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), начальник отдела по воспитательной работе и реализации молодежных программ РГЭУ (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: angelina_zhidenk@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Zhidenko Angelina Aleksandrovna – Teaching Assistant, Department of Economic Theory, Head of the Department of Educational Work and Implementation of Youth Programs at RSUE (RINH), Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia, e-mail: angelina_zhidenk@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья

УДК 316

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.4.8

EDN YYLELO

**Рынок новой экономики в условиях глобальных вызовов:
проблемы и перспективы в контексте академического лидерства****Константин В. Воденко¹**

¹Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия
e-mail: vodenkok@mail.ru

Сергей С. Черных²

²Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия
e-mail: s.s.chernykh@mail.ru

Аннотация

Цель исследования. Определяемая цель статьи – выявить аналитические и прогностические моменты, связанные с становлением рынка новой экономики в условиях глобальных вызовов, предпринята попытка осмыслить данный процесс в контексте академического лидерства российской высшей школы.

Методологию исследования. Реализуя заявленную цель исследования, авторы опираются на теоретические подходы и накопленный исследовательский материал социологического и социально-гуманитарного знания.

Результаты исследования. В контексте становления рынка новой экономики академическое лидерство высшей школы становится поставщиком высококвалифицированных кадров, способных решать рутинные и креативные задачи. В то же время в настоящий период формируется контур взаимодействия новой экономики и академического лидерства как систем установок, направленных на консолидацию деятельности в сфере высшего образования.

Перспективы исследования заключаются в обобщении относительных перспектив общего контура действия и дискурса, определяющего будущее российской экономики и высшего образования в рамках реализации стратегии национальной безопасности и выхода страны на лидирующее глобальное пространство на основе адекватного реагирования на глобальные вызовы.

Ключевые слова: рынок новой экономики; академическое лидерство; глобальные вызовы; российское высшее образование; традиция фундаментализма; технологический суверенитет; устойчивое развитие.

Благодарности: Статья выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-239.2022.2) «Академическое лидерство в пространстве развития транспрофессиональной идентичности и формирования рынка новой экономики в условиях дигитализации и регионализации высшего образования».

Для цитирования: Воденко К. В., Черных С. С. (2022). Рынок новой экономики в условиях глобальных вызовов: проблемы и перспективы в контексте академического лидерства. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). С. 79-90. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.8>

**Market of the new economy in conditions of global challenges:
problems and prospects in the context of academic leadership****Konstantin V. Vodenko¹**

¹Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
e-mail: vodenkok@mail.ru

Sergey S. Chernykh²

²Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
e-mail: s.s.chernykh@mail.ru

Abstract

Purpose of the study. The determined purpose of the article is to identify analytical and prognostic moments associated with the formation of the new economy market in the context of global challenges, an attempt is made to comprehend this process in the context of academic leadership of the Russian higher school.

Research methodology. Realizing the stated purpose of the study, the author relies on theoretical approaches and accumulated research material of sociological and socio-humanitarian knowledge.

Results of the study. In the context of formation of the new economy market, the academic leadership of higher education becomes a supplier of highly qualified personnel capable of solving routine and creative tasks. At the same time, a contour of interaction between the new economy and academic leadership is currently being formed as systems of attitudes aimed at consolidating activities in the field of higher education.

Prospects of the study are to generalize the relative prospects of the general outline of action and discourse that determines the future of the Russian economy and higher education in the framework of the implementation of the national security strategy and the country's entry into the leading global space on the basis of an adequate response to global challenges.

Keywords: new economy market; academic leadership; global challenges; Russian higher education; fundamentalist tradition; technological sovereignty; sustainable development.

Acknowledgments: the research was carried out within the grant of the President of the Russian Federation for state support for the leading scientific schools of the Russian Federation (NSh-239.2022.2) «Academic Leadership in the Space for the Development of Transprofessional Identity and the Formation of a New Economy Market in the Conditions of Digitalization and Regionalization of Higher Education».

For citation: Vodenko K. V., Chernykh S. S. (2022). Market of the new economy in conditions of global challenges: problems and prospects in the context of academic leadership. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). С. 79-90. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.8>

Введение

Современный мир является глобализируемым пространством, в котором проявляется противоречие между тенденцией глобализации и локализации, интеграции мирохозяйственных и мирополитических систем, что, однако, не исключает суверенизацию в пределах конкретных государств и политических союзов. Разумеется, глобализация за прошедший период с 90-х гг. XX в. перестала быть идеальной моделью мирового развития. В этом контексте можно говорить о том, что глобализация не оправдала ожиданий об исполнении мечты «мира без конфликтов».

Однако, необходимо отметить, что подавляющее большинство стран планеты включены в процесс глобализации, а страны, находящиеся в изоляции, можно пересчитать по пальцам. В этом смысле политика изоляции или самоизоляции во многом определяется действиями глобальных политических и экономических сил, над которыми стоят Соединенные Штаты Америки как финансово-корпоративная империя.

В последнее время внимание всего мира все в большей степени приковано к России как к стране, оказавшейся под беспрецедентным в мировой истории санкционным давлением со стороны коллективного Запада, что может привести к созданию альтернативных форм глобализации. Вместе с тем, Россия уже прошла неоднозначный путь социально-экономических трансформаций, созданы рыночные и демократические институты, легитимирована частная собственность, а также возник формат потребительства среди граждан страны.

Однако, если взвесить достижения и провалы, по итогу можно говорить о незавершенности процесса модернизации в стране, так как политика деиндустриализации привела к опустошению базовых отраслей производства, а утверждение отверточного цикла усилило зависимость Российской Федерации от конъюнктуры мирового рынка с созданием ситуаций перманентных кризисных явлений. В то же время в условиях санкционной политики коллективного Запада государством был взят курс на импортозамещение, технологический суверенитет страны в целом.

Для России в целом существенной проблемой остается задача формирования национально-ориентированных элит, способных действовать автономно, в плане по-

строения суверенной экономики, носящей не исключительно спекулятивный характер и тем более предусматривающей практически необратимое бегство капиталов в зарубежные офшоры. В данной связи в качестве национального приоритета должны также быть выделены приоритетные отрасли отечественной производственной экономики, максимально свободные от коррупции.

В данной связи ясно, что Российской Федерации необходимо соскочить с сырьевой ренты и направить все свои экономические усилия на развитие рынка. В то же время авторы отмечают роль конкуренции в развитии мировой экономики, предполагая, что для РФ как для развивающейся страны действуют ограничения на переход к новой экономике, поскольку господствующий в стране класс и глобальные монополии не заинтересованы в технологическом рывке, при котором новые технологии резко ограничивают масштабы и глубину монополизации.

Поскольку ядром прогресса является открытие новых технологических принципов, для России возникает необходимость в переходе с позиций рыночной экономики на усиление государственного интервенционализма. Для становления новой экономики РФ как модели технологического суверенитета необходимо, с одной стороны, эффективное противодействие глобальным вызовам в виде санкционной политики коллективного Запада, с другой – целенаправленное развитие научно-образовательного потенциала страны. В рамках ожидаемых изменений в системе высшего образования обязательным становится сочетание традиции и инновации, которые соответствуют становлению академического лидерства высшей школы.

Речь идет о том, что российская высшая школа должна принимать активное участие в разработке программ, связанных с технологическим суверенитетом. Это направление совершенствования высшей школы должно идти с гибкими регулятивными системами финансирования, которые дадут вузам стимул к принятию мер, соответствующих потребностям рынка и новой экономики.

Социологические исследования свидетельствуют о том, что россияне больше доверяют институтам, деятельность которых воспринимается нашими согражданами как забота об общем (коллективном) благе (Горшков, 2015). Следовательно, мы должны исходить из того, что не следует ставить целью формирование модели самоизоляции и самодостаточности, противоречащей установкам на работу с дружественными странами, сбыт новой продукции, повышение авторитета российского высшего образования как имеющего репутацию надежного поставщика образовательных услуг и реальные интеллектуальные достижения в научно-образовательной сфере.

Важно подчеркнуть, что академическое лидерство из «абстракции» трансформируется в социокультурный механизм изменений в высшей школе. Это связано с развитием в системе высшего образования эффективных механизмов технологического прогресса, то есть переход к режиму благоприятствования техническим инновациям с широкой практикой их внедрения в сферу образования и производства.

Новая постиндустриальная волна на Западе к настоящему времени так и осталась интеллектуальным проектом, но работы социологов новой волны подняли актуальные методологические проблемы, связанные с соотношением знания и политики. Если несколько абстрактно применить это к Российской Федерации, получается, что переход от капитализма к обществу знания закончится только тогда, когда в стране утвердится новая экономика, начнется возрождение в социально-научном дискурсе вопросов, связанных с социальными практиками в контексте реальных глобальных вызовов.

Методология

В рамках отношения к анализируемой проблеме важным становится выявление совокупных экономических, политических, социокультурных факторов, воздействующих на перспективу утверждения новой экономики и ее соотношения с академическим лидерством. Здесь мы подчеркиваем, что, действуя по принципу социологического воображения, необходимо по-новому определиться с тем, что из себя представляют новые тенденции в российском социально-политическом и экономическом пространствах (Долженко, 1995).

Очевидно, что для отечественной социологии действуют уже накопленные преимущества структурно-функционального, институционального, социального-коммуникативного подходов. Это означает, что российские социологи в рамках исследования влияния новых технологий на сферы экономики и образования трактуют академическое лидерство как осознание целей развития страны в контексте глобальных вызовов.

Проанализировав значительный объем социологической литературы как отечественных, так и зарубежных исследователей, мы пришли к выводу, что исходные характеристики исследуемой проблемы являются конкретным выражением стратегии развития новой экономики на основе академического лидерства российской высшей школы. На наш взгляд, российская реальность, если определять ее в совокупности объективных и субъективных аспектов, проявляет себя как контур общих целей на основе дискурса социального действия, социальной самомотивации.

Очевидно, что обращение к концепту социального действия включает формирование новой экономики как имеющего роль катализатора по отношению к академическому лидерству в рамках российской высшей школы.

Так, российский экономист С. Ю. Глазьев придерживается позиции, что в современном мире все более отчетливыми становятся пределы сложившегося («западно-центричного») мирового порядка (Глазьев, 2022). В то же время экономист подчеркивает, что новая экономика в российском обществе связана со сменой технологического уклада, ее дедолларизации и учета опыта развития КНР, Индии, Бразилии и других стран, не принадлежащих к коллективному Западу.

Вместе с тем для методологического выбора необходимо признать, что нахождение России на периферии американского финансового центра приводит к увеличению издержек, поэтому ожидаемым результатом от взаимосвязи новой экономики с академическим лидерством является преодоление периферии и выход на избранный путь социально-экономического развития.

Содержание

Рассматривая проблему глобальных трансформаций, ряд авторов во главе с Д. Хелдом считали, что главным фактором изменений является глобальность рынков капиталов (Хелд, 2004). Фактически в современной ситуации новая экономика является пространством борьбы производственного и спекулятивного капиталов. Это для России означает, что данный фактор является ограничителем воздействий на развитие новой экономики, поскольку приходится учитывать интересы многонациональных корпораций в стране. Важно заметить, что на них приходится большая часть отечественного промышленного экспорта (более 60 %).

Данная выкладка характеризует трудности новой экономики как стратегии технологического суверенитета с использованием преимуществ российского высшего образования в рамках академического лидерства. Таким образом оказывается, что

академическое лидерство как направление в развитии отечественного образования, имеющее результатом развитие фундаментальных дисциплин и технологических новаций, может быть блокировано действиями глобальных образовательных стандартов, работающих по заказу глобальных корпораций.

Соответственно, в академизме наблюдается тенденция к потере востребованных технологий и их переходу в сферу интересов глобальных монополий. Это становится мощным противодействием на пути к развитию отечественного высшего образования, работающего вне рамок контрактов с глобальными корпорациями.

В современной ситуации выявляется роль государственных институтов, поддерживающих стратегию новой экономики, поскольку она выполняет общую цель суверенизации страны, становится основанием национальной безопасности и определяет перспективы развития отечественного образования.

В то же время необходимо отметить проблему, связанную с безопасностью страны, в рамках которой экономическая целесообразность находится на втором месте, поэтому в контексте новой экономики необходимо определить роль ОПК для развития других сфер хозяйственного комплекса, понимать, что современные научно-технологические разработки тяготеют к гибкой и многоцелевой продукции. В таком случае академическое лидерство находится в соотношении с новой экономикой, которая нацелена на решение актуальных задач и стратегий, поскольку, если в индустриальном обществе акцент делался на конечном выпуске продукции, на объеме производства, то новая экономика базируется на экономии труда через воспроизводимые ресурсы и деятельность в сфере академизма высшей отечественной школы.

Высшее образование в России должно оставаться доступным для широких слоев населения, особенно учитывая негативные уроки элитаризма в российском высшем образовании. Выигрышную позицию начинают занимать вузы среднего уровня, имеющие опыт совместных разработок научно-производственного цикла, поэтому важно аргументировать позицию академизма как устойчивого тренда в развитии массовой высшей школы и формирования личности специалиста, обладающего соответствующими навыками соединения фундаментальных и прикладных знаний (Ильин, 2020).

Исходя из этого положения, глобальные риски должны осознаваться как неизбежные, поскольку модель многополярного мира является неизученной, не содержит устойчивых черт будущего и имеет негативное значение в форме конца знакомого мира. В этом плане Россия не становится идеологом нового мирового порядка, поскольку она сосредоточена на решении внутренних проблем, поэтому для РФ узкой прикладной задачей становится стимулирование новой экономики как экономики технологического суверенитета. В этом смысле и идет обращение к системе высшего образования как к ресурсу движения новой экономики.

Рассматривая постсоветский период в истории России, можно сказать словами либеральных исследователей постколониализма, что идет укрепление неоимперских тенденций во внешней и внутренней политике (Волков, Лубский, 2018). Этот государственный интервенционализм на современном этапе на самом деле состоит в том, что необходимо развивать социально-экономическую инфраструктуру регионов собственной страны.

Постановка вопроса, таким образом, нацеливает на восприятие академизма высшей школы как реального проекта ее преобразования для запросов новой экономики. Когда мы говорим о рынке новой экономики, имеется в виду то, что вынужденный государственный интервенционализм как использование элементов чрезвычайного режима в условиях внешних вызовов является необходимым и затем может уменьшиться по мере перехода к новой экономике.

Это актуально для понимания логики становления рынка, в котором действуют факторы конкуренции и ограничения, поддержки и самоорганизации. Важно принять за исходное то, что российский вариант рыночной экономики неизменно характеризуется присутствием государства для недопущения «вакханалии». В этом убеждает опыт дискриминационной политика Запада по отношению к РФ, против которой применяются нерыночные регуляторы.

Дело в том, что мы убеждаемся в фикции частного рынка, следовательно, строительство новой экономики определяется логикой огосударствления жизни. Стоит сказать, что данная логика аргументированно ведет к решению многих проблем и к социально-экономическому развитию, к тому же реальное развитие требует развитие наукоградов, только не в рамках глобальных структур, а в национальных структурах. Такая постановка вопроса связана с печальным опытом Сколково.

Однако, не дискутируя по поводу Сколково и убыточности его проектов для развития новой экономики, необходимо не действовать по линии демонстрации глобальных смыслов, не ставить вопрос о научных кластерах, имеющих отношение к провалившимся целям глобализации. Надо, чтобы наукограды и российское высшее образование стали эффективными, особенно в условиях новой экономики, в которой требуется расширять сферы деятельности, мобильности и информированности населения. Также в ней повышается роль природных и территориальных условий, становится ощутимей разница между политикой асинхронизации либеральных укладов и пропорционального представительства государственных и частных структур.

Важно то, что в научной литературе долгое время утверждалось следующее: «новая экономика в Российской Федерации – дело будущего и определяется тенденцией к импортозависимости». Это гипотеза в современных условиях не подтвердилась, поскольку массовое закрытие предприятий, локаут, связанный с уходом международных компаний, ускорили переход к новой экономике как к пространству новых рабочих мест, совершенствования производственных процессов.

Здесь мы подчеркиваем мысль о необходимости союза между новой экономикой и высшим образованием, так как без него усилится опасность консервации сложившихся дисбалансов в экономике и продолжения накопления латентных рисков технологической зависимости. В этом контексте формирование государственных институтов, регулирующих процесс распределения общественного продукта, будет влиять на высшее образование, перспективы академического лидерства.

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что в современной России, где еще предстоит выработать дискурс о самобытности, дальнейших направлениях развития общественной жизни, высшего образования, будет проходить длительная работа по проецированию будущего с целью сделать академизм высшей школы субъектом новой экономики.

В то же время в России уже нашла практическое обоснование идея о том, что государство является гарантом стратегических проектов, в то время как частная инициатива удобна для кратко- и среднесрочных проектов и является инструментом насыщения рынка по критерию конкурентности.

Следует подчеркнуть, что анализируемые нами процессы относятся к долгосрочным. Тем самым академическое лидерство как тенденция развития высшего образования имеет стратегические параметры, связанные с устойчивым социальным развитием. Несмотря на влияние ограничительных факторов, связанных с санкционным режимом в сфере высшего образования, благодаря которой не действуют контакты с зарубежным научным сообществом, сейчас выстраивается оптимальная модель интеграции фундаментального и прикладного знания, технологические раз-

работки и подготовка необходимых для выполнения поставленных задач специалистов.

Процессы глобализации наиболее отчетливо проявляются в экономическом пространстве, в том числе вбирают в свою орбиту рынок образовательных услуг. В результате глобальная образовательная среда становится все более конкурентной. В данной связи российские университеты были вынуждены соответствовать международным запросам, что ставило их в зависимость от иностранных образовательных институтов. В итоге отечественные образовательные программы стали в большей степени соответствовать международным стандартам.

В свою очередь, сам факт внедрения гибких учебных планов, делающих необходимым постоянное обновление дисциплин, связан с разрушением логики научного знания, фундаментализма и ведет к формированию информационного мышления. Становится ясным, что годы попыток включения в систему международных рейтингов практически привели к интеллектуальной колонизации, когда современная ситуация требовала масштабных исследований по технологическому суверенитету.

Как писал английский ученый Ф. Уэбстер в теории информационного общества, такие тенденции вели к экономическим выгодам финансового капитала, к становлению технологической инфраструктуры, обеспечивающей функционирование информационных мегамагистралей (Уэбстер, 2004), в то же время определявшей вторичность информационного сектора экономики и выводившей российские вузы на принятие конъюнктурных решений.

В результате мы видим, что экспансия информатизации высшего образования привела к сдаче позиций по подготовке специалистов инженерного профиля, создала необходимость возврата к системе подготовки специалистов, работающих на государственный заказ. Однако с этим моментом российские вузы еще не определились, еще не прошел путь ресурсной мобилизации, поскольку за истекший период материально-техническая база, оборудование для подготовки инженеров, фактически полностью износилась, была утрачена система профессиональной стажировки специалистов на предприятиях.

Также еще одной проблемой, существующей в рамках наметившихся контуров академического лидерства российских вузов, является отсутствие подготовки специалистов вида крепких производственников. Такая подготовка доказала свою эффективность, так как из нее в советский период выходило немало ученых-практиков, управленцев, хозяйственников в сфере аграрной и промышленной деятельности.

Далее, не оперируя конкретными цифрами, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что произошло крушение системы профессиональной ориентации предшествующего периода, когда вузы вынуждены были работать в рамках приспособления к рынку, переориентируясь тем самым на подготовку специалистов в сферах банков, услуг, менеджмента. Сейчас же, когда мы столкнулись с феноменом профессиональной переквалификации, к которой вузовская система не готова в силу занятости по совершенствованию учебного процесса, встает реальная проблема по налаживанию системы переквалификации людей, имеющих знания в сфере реальной экономики.

По существу, академическое лидерство является «элитарным» проектом, не рассчитанным на массового специалиста и определяющимся механизмом селекции образовательного пространства. Конечно, российская система высшего образования пропитана духом «рыночности» до основания, но, как показывает опыт подготовки специалистов высшей школы постсоветского периода, в условиях стихийного рынка из системы высшего образования были выведены специалисты, работающие номи-

нально по диплому, а реально занимающиеся предпринимательством, самостоятельной экономической деятельностью, не имеющей отношения к полученному профессиональному профилю. Реально же будущие специалисты трудятся рабочими или служащими младшего управленческого звена.

Таким образом, высшее образование находится в состоянии вынужденной стагнации, поэтому современный феномен экономического лидерства характеризуется стремлением переориентации высшего образования на новую экономику как будущий сценарий по формированию стартовых площадок для технологического рывка. Отход от тактики импортозамещения во многом определяется тем, что в его рамках сохраняется постоянство импортозависимости, так как курс на изготовление необходимых компонентов собственными силами не основывается на новейших технологиях. Он во многом определяется набором специалистов «старой школы», а будущие выпускники высших учебных заведений испытывают влияние конкуренции по критерию стажа.

Для дальнейшего развития страны необходимо обеспечить долгосрочное планирование в сфере высшего отечественного образования. В данной связи, например, в США – стране, которая считается апологетом неоглобализма, государственный сектор и государственное регулирование во многом определяют развитие экономики в целом, наряду со среднесрочными национальными проектами формируются и долгосрочные программы на несколько десятилетий вперед (нанотехнологии, освоение космического пространства).

Данное положение возможно реализовать в российских условиях, если обратиться к традиции фундаментализма предшествующего периода работы академических структур, работавших на государственный заказ. Выбор вузов в качестве пространства академического лидерства возможен на основании предшествующего периода работы высшего учебного заведения. Но в то же время нужно помнить, что включение вузов в систему образовательных услуг и влияние международных стандартов значительно повлияло на сохранение фундаментализма.

Изменения пространственных координат высшей школы произошли уже в советский период. Под ее влияние попали большие и средние города Союза Советских Социалистических Республик. Это имело далеко идущие «идеологические» последствия для уже российского высшего образования, поскольку, находясь на стыке европейских и азиатских границ, оно впитывает передовой образовательный опыт Европы и Китая.

Ошибкой прошлого периода развития высшего образования необходимо считать попытку скопировать традицию американских университетов, в то время как со времен Петра I в России формировалась собственная высшая школа, которая впитала наследие немецкого фундаментализма, поэтому в данном значении отечественная высшая школа не смогла повторить англо-саксонскую традицию, поскольку она сама была политизацией элитарного французского образования.

В настоящее время реальными очагами продолжения традиции высшей школы в Российской Федерации в постреформенный период являются Томские университеты, которые практически воплощают в себе академизм. Эта тенденция связана с советской организацией подготовки инженеров индустриального типа в тот период, когда на Дальнем Востоке, Сибири, Урале появлялись академико-образовательные центры.

Северо-Кавказский регион встал на путь использования ресурсов высшей школы, опираясь на развитую региональную инфраструктуру. Однако процессы движения высшей школы «вспять» после перехода к социальным и экономическим транс-

формациям, имевшим неоднозначный характер для траектории высшей школы, стимулировали адаптивные стратегии и вызвали эффект болезненных перемен. В результате мы имеем снизившийся интеллектуальный потенциал на Юге России (математическая, биологическая, агротехническая).

В современное время наступивший поворот к академическому лидерству практически на всех направлениях требует придерживаться стратегии ресурсного типа. Поскольку академическое лидерство не является самостоятельным приоритетом высшего образования, постольку приходится говорить об императиве с технологической суверенизацией, помноженной на организационную форму исследовательской активности и на закрепление общественных инициатив и создание благоприятных условий для научно-исследовательской, прикладной деятельности внутри вузов и вузовских ассоциаций.

К сожалению, для современной России характерен относительно невысокий уровень ассоциативной активности, тем самым вузовская система локализована, работает «в одиночку». Это с одной стороны внешне стимулирует конкурентность вузов в достижении собственных успехов, но с другой – реально негативно влияет на распределение ресурсов федерального центра, хотя и действует реальная практика финансирования приоритетов высшей школы на современном этапе.

Поскольку академическое лидерство не находится в непосредственных отношениях с капиталистической экономикой, может создаться впечатление, как будто интересы развития фундаментального образования и рынка расходятся в противоположные стороны. Но здесь мы придерживаемся позиции, что академическое лидерство в рамках технологической суверенизации отвечает запросам новой экономики – экономики знания, с которой часто ассоциируется информатизация.

Имея в виду, что политика технологического суверенитета делает только первые шаги в аспекте освобождения от технологической зависимости, мы понимаем, что нам предстоит длительный путь создания опорных систем технологической суверенизации через возобновление разрушенных в период наступившего капитализма технологических цепочек. Представляется, что в этом направлении имеются первые «ласточки» с работой научно-исследовательских университетов в нашем Южном регионе.

Выделяя это обстоятельство, мы можем говорить о том, что программа академического лидерства в высшем образовании не является по статусу федеральным или национальным проектом, но она связана со стратегией образовательной политики Российской Федерации на современном этапе. Это становится актуальным для вузов, на которых находится ответственность по качеству учебно-образовательной и научно-исследовательской деятельности.

В настоящее время российские вузы фактически внедряют формы академического лидерства как социокультурного механизма подготовки будущих специалистов при дефиците собственных научно-исследовательских разработок, которые поныне не заложены в федеральные программы. Однако здесь не стоит тревожиться по поводу требований финансовой и организационной дисциплины. Для вузов открывается свобода в реализации собственных научных и образовательных инициатив, требующих внимания и поддержки со стороны федерального центра и региональных властей при условии позитивной аттестации.

Таким образом, есть необходимость учета двух составляющих воздействия новой экономики, которые находят свое воплощение в формировании зон технологической суверенизации и потенциала вузов, способных реализовывать сотрудничество по получению фундаментального знания и новейших образовательных технологий.

В основе института академического лидерства находится идея фундаментализма, из этого вытекает возможный конфликт между профессиональным «кретинизмом» – издержками узкой специализации и широкой специализации высшей квалификации в рамках технологической суверенизации. Само образование всегда являлось действительностью, ориентированной на получение нового знания. Так, со времен классического университета образование выступало условием культуры, в то время как формы образовательной деятельности, возникшие в период модернизации, были детерминированы прагматически, обусловлены экономически.

В истории российского высшего образования эта тенденция достигла предела в советский период, когда начали интенсифицировать процесс создания институтов как специализированных учебных заведений, в то время как сами университеты стали кузницей педагогических кадров. Сейчас высшие учебные заведения находятся в процессе университетизации. Этот процесс необходим для того, чтобы соответствовать требованиям эталонного знания в техносфере и природе. Отсюда – интерес вузов в формировании реальных учебных программ в сфере экологии, прогнозирования, диагностики, экспертизы.

Важно отметить, что в ближайшее время исчерпаются возможности социально-экономического развития страны на основе сложившейся системы институтов и технологий, устаревшие технологические комплексы ввергнут экономику в депрессию до того периода, пока университеты будут создавать и внедрять новые технологические цепочки.

Тем самым реально действует правило смен технологических укладов, и современная мировая ситуация, в которую включена и Российская Федерация, проявляет борьбу между доминирующими глобальными институтами работающих на монополии США и их подчиненных «партнеров» в сфере высоких технологий и национальными государствами, стремящимися к технологическому суверенитету.

Подчеркиваем, что РФ не придерживается в системе высшего образования дублирования «изобретения велосипедов» и открыта для освоения технологических инициатив. Следовательно, необходимо обстоятельно подойти к данной проблеме и не увлечься процессом имитации деятельности, погрузив полезную деятельность в рамки периодической отчетности.

Для достижения поставленной цели академическое лидерство должно стать гарантом движения по заданному пути, поскольку в стратегически долгосрочном характере программа развития вузовской системы включает в себя развитие региональной структуры и вузовских ассоциаций. Именно таким образом будет наблюдаться процесс освобождения от внутренней и внешней интеллектуальной колонизации, то есть вузы вырабатывают в пределах собственно компетентности новые знания по критерию полезности развития интеллектуального потенциала вуза.

Ожидаемый результат состоит в том, что с расширением пространства академического лидерства вузовская система начнет работать в режиме конкурентности, или же в контексте реализации интересов новой экономики идет завоевание престижных позиций в глобальном образовательном пространстве.

В дискуссии по поводу соглашения о развитии между федеральной государственной информационной системой территориального планирования (ФГИС) отмечалось, что информационная среда открывает возможности тотального контроля при переходе от традиционной школы к цифровой образовательной среде.

Если говорить коротко, проблема заключается в том, что в контексте применения данных положений к высшей школе реально сужаются возможности инициативы в сфере внедрения новых технологий по параметрам академического лидер-

ства. Подчеркиваем, что академическое лидерство является социокультурным механизмом, производящим мультипликационный эффект, способствующий обновлению образовательных и профессиональных циклов, в той же степени направленный на переориентацию высшей школы к требованиям новой экономики, которые определяются ростом технологического суверенитета.

Диагностика взаимосвязанных процессов нацеливает на интеграцию технологических, социальных и образовательных инноваций, которая стратегически определяет будущее российской высшей школы. Академическое лидерство – мы неоднократно подчеркивали эту мысль – является историческим явлением в контексте традиции российского образования и науки, в то же время логически выверенным инструментом совершенствования высшей школы, преодолевающей барьеры реформирования по зарубежным образцам. В конечном счете российская наука и образование остаются в мире значительным ресурсом авторитета страны, в которой играет несомненную роль советское наследие. Также оно определяет состояние российского высшего образования за истекший постсоветский период, когда путем проб и ошибок высшая школа обрела контуры динамичного пространства.

В этом смысле Россия опережает глобальные трансформации на современном этапе технологической суверенизации, стимулирующей позитивные сдвиги в социально-гуманитарной мысли. Тем самым преодолевается техноцентризм и создаются устойчивые схемы кооперации эко- и социосфер.

В ходе дискуссии относительно перспективы информационной среды можно объяснить негативное отношение к информационным инновациям, опасениям по поводу потери значения традиционной школы, интеллектуального и исторического наследия. Подобные оценки характерны для обеспокоенной общественности. В этом отношении образование становится культурным посредником между высшей школой и образованным обществом. В данной связи важно учитывать, что национальные идеалы часто бывают смутными и неопределенными, но в современной России национальный идеал сближается с реальностями российского общества по причине того, что есть ясный запрос на суверенизацию, защиту национальных интересов, переопределение места нашей страны в современном мире.

Академическое лидерство в этом смысле является частным параметром и распространяется за пределы высшего образования. Если старый образовательный «хотимизм» стремился к единственно верной системе фундаментального знания как отражению социальной реальности, предметной сферой академического лидерства становится получение различных систем теоретического и практического знания как репрезентации социальной реальности (Воденко, 2022).

Это означает, что академическое лидерство в высшей школе преодолевает однообразие классического академизма и профессиональной социализации. Практически переход российских вузов на университетскую модель становится реальным в условиях избрания академического лидерства в качестве ориентира деятельности вуза.

Разумеется, необходимо учитывать, что вузы находятся в различных социальных и экономических условиях и, действуя на уровне федеральных образовательных стандартов и программ, исходят из собственного потенциала. Не вдаваясь в очередной раз в подробности о социальной дифференциации вузовской системы, мы становимся на точку преодоления противоположности субъективистских и объективистских подходов, на выход в сторону новой экономики, связанной с технологическим суверенитетом как стратегической целью развития высшей школы.

В свою очередь данное обстоятельство вытягивает высшую школу на уровень решения общенациональных задач, где «kozyрем» становится академическое лидер-

ство как интеграция фундаментального и прикладного знания. Необходимо, чтобы современная ситуация не определялась политикой антикризисных мер, затрагивающей отдельные сегменты экономики. В идеале стратегической целью должно стать обеспечение суверенитета страны и единство российского общества, поэтому высшей школе необходимо принять политику академического лидерства как наиболее резонансную в контексте возвращения России в интеллектуально-технологическую державу мира.

Вывод

Из вышесказанного можно сделать основополагающий вывод о том, что в современных условиях важно развивать традицию академического лидерства высшей школы в соответствии с запросами новой экономики, ориентированной на технологическую суверенизацию России, на основе концепции экономики знания, рассматриваемой в качестве соединения фундаментального и прикладного уровней знания. В связи с этим академическое лидерство не выходит на уровень решения стратегических задач развития российского общества и находится в состоянии реформирования одностороннего характера.

Поэтому актуально рассматривать становление академического лидерства в качестве нового состояния высшей школы, соответствующего характеру и росту новой экономики, в которой высшая школа становится поставщиком высококвалифицированных кадров, способных решать рутинные и креативные задачи.

В этом контексте актуализируется механизм формирования общего контура действия на основе дискурса новой экономики и академического лидерства как систем установок, направленных на консолидацию деятельности в сфере высшего образования на создание системы средств, целей, направленных на переход от политики антикризисных мер выживания к определению параметров развития, способных обеспечить устойчивость и поступательность в жизни российского общества и государства.

Российское общество реально находится на пути «к другому модерну», к состоянию постглобальности, характеризующейся исчезновением технологической и интеллектуальной зависимости. В то же время бумеранг преобразований проявляется в том, что на арене рыночной борьбы, где проводится политика выжженной земли финансовыми и информационными корпорациями, задействован потенциал преимущества российской экономики и образования через возвращение к целостности экономического и образовательного развития, к состоянию, в котором российское общество, как показывают данные социологических исследований, характеризуется возрастанием «терпимости» к прогнозируемым и непрогнозируемым рискам по принципу позитивной мобилизации.

Литература

- Воденко, К.В. (2022). Формирование академического лидерства в контексте трендов развития современного российского высшего образования. *Alma mater (Вестник высшей школы)*, 9, 20-25.
- Волков, Ю. Г. (2018). Российская реальность в пространстве социологического дискурса: монография. В 2 кн. Кн. 1. отв. ред. Ж. Т. Тощенко. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 278.
- Глазьев, С. Ю. (2022). За горизонтами конца истории: монография. М.: Проспект, 416.
- Горшков, М. К. (2015). Российское общество и вызовы времени. Кн. 2 / Отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М.: Весь Мир, 432.
- Долженко, О. В. (1995). Очерки по философии образования. Учебное пособие. М.: Промо-Медиа, 240.
- Ильин, В. В. (2020). Теория познания. Критика инструментального разума. *Speciosa Miracula*: тотальный мировейник: монография. М.: Проспект, 160.

Уэбстер, Ф. (2004). Теории информационного общества / Пер. с англ. М. В. Аграпова, Н. В. Малыхиной; под ред. Е. Л. Вартаковой. М.: Аспект Пресс, 400.
Хелд, Д. (2004). Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Пер. с англ. В. В. Сапова и др. М.: Праксис, 576.

References

Dolzhenko, O. V. (1995). Essays on the philosophy of education. Textbook. Moscow: Promo-Media, 240.
Glazyev, S. Yu. (2022). Beyond the horizons of the end of history: monograph. Moscow: Prospect, 416.
Gorshkov, M. K. (2015). Russian society and challenges of the time. Book 2 / Ed. M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. Moscow: The Whole World, 432.
Held, D. (2004). Global Transformations: Politics, Economics, Culture / Translated from English by V. V. Sapova et al. Moscow: Praxis, 576.
Ilyin, V. V. (2020). Theory of knowledge. Criticism of instrumental reason. Speciosa Miracula: total collar: monograph. Moscow: Prospect, 160.
Vodenko, K.V. (2022). Formation of academic leadership in the context of trends in the development of modern Russian higher education. *Alma mater (Bulletin of the Higher School)*, 9, 20-25.
Volkov, Yu. G. (2018). Russian reality in the space of sociological discourse: monograph. In 2 kn. Kn. 1. ed. by Zh. T. Toshchenko. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press, 278.
Webster, F. (2004). Theories of Information Society / Translated from the English by M. V. Agradova, N. V. Malykhina; edited by E. L. Vartanova. Moscow: Aspect Press, 400.

Дата получения рукописи: 19.11.2022

Дата окончания рецензирования: 30.11.2022

Дата принятия к публикации: 04.12.2022

Информация об авторах

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия, e-mail: vodenkok@mail.ru

Черных Сергей Сергеевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия, e-mail: s.s.chernykh@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Vodenko Konstantin Viktorovich – Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, Head of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia, e-mail: vodenkok@mail.ru

Chernykh Sergey Sergeevich – Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia, e-mail: s.s.chernykh@mail.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.334:37

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.4.9

EDN ZBMTZM

**Три года онлайн-обучения во время пандемии COVID-19:
ожидания и отношение болгарских студентов и преподавателей****Антоанета Г. Гетова¹**¹Софийский университет Св. Климента Охридского, г. София, Болгария
e-mail: tony22a@gbg.bg**Аннотация**

Пандемия COVID-19 серьезно повлияла на образовательный сектор, поскольку во многих странах, также и в Болгарии, образовательные учреждения, в том числе университеты, должны полностью перевести свои курсы в онлайн-режим в очень короткие сроки. То, что ранней весной 2022 года выглядело как временная мера, продолжалось в течение двух следующих учебных лет в большинстве болгарских университетов. Столь длительное время онлайн-обучения привело к тому, что студентов бакалавриата, имеющих больший опыт онлайн-обучения, чем традиционного, стало гораздо больше. В этом аспекте важно исследовать влияние онлайн-обучения на основных участников образовательного процесса: преподавателей и студентов и возможные различия в их отношении и ожиданиях к нему, что является основной целью данной статьи. Анализ основан на данных третьей волны онлайн-опроса студентов и преподавателей различных болгарских университетов. За третий год пандемии в опросе приняли участие 256 студентов и 55 преподавателей.

Ключевые слова: COVID-19; онлайн-обучение; цифровизация; высшее образование; онлайн-исследования.

Для цитирования: Гетова А. (2022). Три года онлайн-обучения во время пандемии COVID-19: ожидания и отношение болгарских студентов и преподавателей. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). С. 91-98. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.9>

**Three years of Online Learning during the Pandemic:
Expectations and Attitudes of Bulgarian Students and Lecturers****Antoaneta G. Getova¹**¹ Sofia University St. Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria
e-mail: tony22a@gbg.bg**Abstract**

The pandemic of COVID-19 affected gravely the educational sector as in many countries and also in Bulgaria, the educational institutions, including the universities had to move their courses completely online in a very short period of time. What looked like a temporary measure in the early spring of 2022, continued during the two next academic years in most Bulgarian universities. Such long time of online learning led to a situation where the BA students that have more experience with the online education than with the traditional approach are much more. In this aspect is important to research the effects of the online learning on the main participants in the educational process, lecturers and students, and the differences in their attitudes and expectations towards it, that is the main goal of this paper. The analysis is based on data of the third wave of a survey made online with students and lecturers from different Bulgarian universities. During the third year of the pandemic, 256 students and 55 lecturers took part in the survey.

Keywords: COVID-19; online learning; digitalization; higher education; online research.

For citation: Getova A. (2022). Three years of Online Learning during the Pandemic: Expectations and Attitudes of Bulgarian Students and Lecturers. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). С. 91-98. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.9>

Introduction

After three years, the end of the pandemic of COVID-19 still looks too far in the future. Although most countries began to come back «to normal», avoiding the lockdowns even during the new pandemic peaks, the social consequences of this crisis are still present and

most probably will have their effect in the future, especially in the educational sector where the process was held online during large periods of time. The universities were affected to bigger degree than the secondary and primary schools as happened in Bulgaria where the educational process was held online in most departments and programs even during the third year of the pandemic; with the exception of the last months of the second semester when some of the universities went back partially or full on-site. It means that, in the end of the academic 2021-2022, the share of BA students in the country that have more experience with the online education is bigger than the share of students that are more familiar with the traditional approach; for the students in first and second grade it should be also included their experience with the online learning in the secondary school. Such situation is quite unique for the higher education in the country and it should be expected to have an impact on the attitude and expectations of the students towards the online education but also to their interaction with their lecturers. The latter have their own challenges with the continuing online education: from one side, the lecturers were those who had to made the abrupt transition from traditional to online learning during the spring of 2020 and also to adapt to a relatively unknown situation for them. Notwithstanding some of them had some partial experience with this educational approach before (Halachev, 2009), holding the whole educational process online was an unprecedented situation. That's why, for better understanding of the changes that the long online learning caused in the higher education is necessary to analyze not only its effects on the students but also on the lecturers. Many researches focus mainly on students (Doolan, 2020; Firang 2020; Tockmakova, Bondarenko and Lunitsina, 2020) and this paper will focus on both students and lecturers with the purpose to understand better the long-term effects of the of the online learning on the educational process as a whole.

Main goal and hypotheses

As this is the third wave of the same research (see below) it had two principal goals. While during the first, preliminary phase the main goal was to follow the transition of the educational process online that had to be made in a very short period of time (as was the main focus of the research made in other European countries, for example Mulrooney and Helly 2020), during the second year it followed the continuing adaptation to the online learning and its main problems that lecturers and students are facing (Baetens et al, 2022; Podlogar and Jurišević, 2022), also the main changes in comparison with the first year of the pandemic. During the third year the most important problem was to identify if the students and lecturers already adapted to the new approach and the second goal was to register if there are differences in the attitude towards the online education between both groups of participants. It should be mentioned that during the first two years of the pandemic such differences were insignificant (Getova, 2021). The current paper is dedicated to the second problem.

The main hypothesis is that during the third year of the pandemic, there are significant differences in the attitudes of students and lecturers towards the online approach. The students already prefer to study (if possible) mostly online, while the lecturers are more inclined to come back to the educational process on-site.

Methodology of the research

The research was made in the end of the academic year 2021-2022 (May –June 2022). In it took part 256 and 55 lecturers of different Bulgarian universities. It is the third wave of the same research, including a pilot phase in 2022. The type of sample is snowball sampling, i.e. non-representative (Biernacki, and Waldorf, 1981); that's why the aim was to include

students and lecturers from more universities and different academic fields. This approach would allow the including of different types of participants (who belong to different subgroups of the population). The same approach was used in the previous wave of the research during the academic 2020-2021. (Getova, 2021). It should be clarified also that, as a non-representative sample is used, the differences that are commented are approximately 10% or more because only option here is to register some significant distinctions in the main tendencies due to the methodological limitations of the non-representative samples (Dietz and Kalof, 2009).

Analysis of the results

As was mentioned already, the main purpose of this analysis is to show if there is some differences in the general attitude of the main actors in the educational process in the universities (lecturers and students). First, it is necessary to know what is their opinion of the process of online learning as such during the third year of the pandemic. If, for example, they consider that there are too much problems during the third year, then their attitude would be different if it is compared to the case where they think that the process was improved.

As can be seen in the next figure, both students and lecturers evaluate positively online learning during the third year: the majority of both groups (respectively 88% and 84%) think that the educational process online was better (or good as) the last year. The only significant difference that can be found is that within the lecturers group, the share of those who think that the online learning improved during the third year is bigger than the respective share in the students group. It can be concluded that the students consider that the online learning was already improved before and during the third year it maintains its "status".

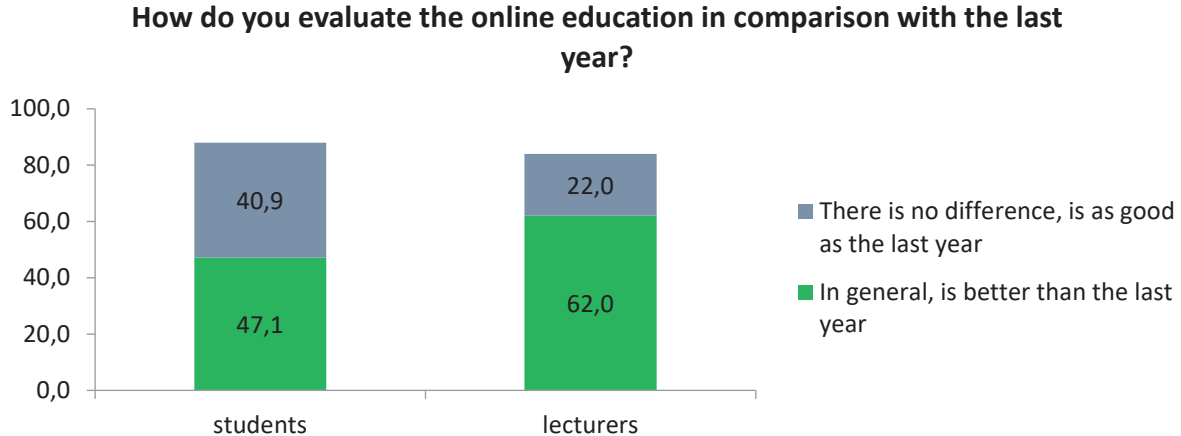

Figure 1. How do you evaluate the online education in comparison with the last year?

That presumably optimistic attitude doesn't necessarily mean that both groups have a positive attitude towards the online learning in general. That can be seen from the results of the questions regarding the main advantages and disadvantages of the online learning. While there can be found some common tendencies in the attitude of both groups, there are also significant differences.

Regarding to the main advantages of the online learning, both parts appreciate the technical and organizational aspects of the online education as some its big strengths: it saves time, can be reached from everywhere and also offers more effective work with resources (easier access for the students and better organization for the lecturers). As can be seen in the next figure, in all these aspects the opinion of students and lectures practically coincide. Also, the percentage of people who think that the online learning has no advantages at all is

insignificant within both groups. The students however, are much more positive towards the online education than the lecturers: the average number of advantages mentioned by one student is 5 in comparison with only 3 mentioned per lecturer.

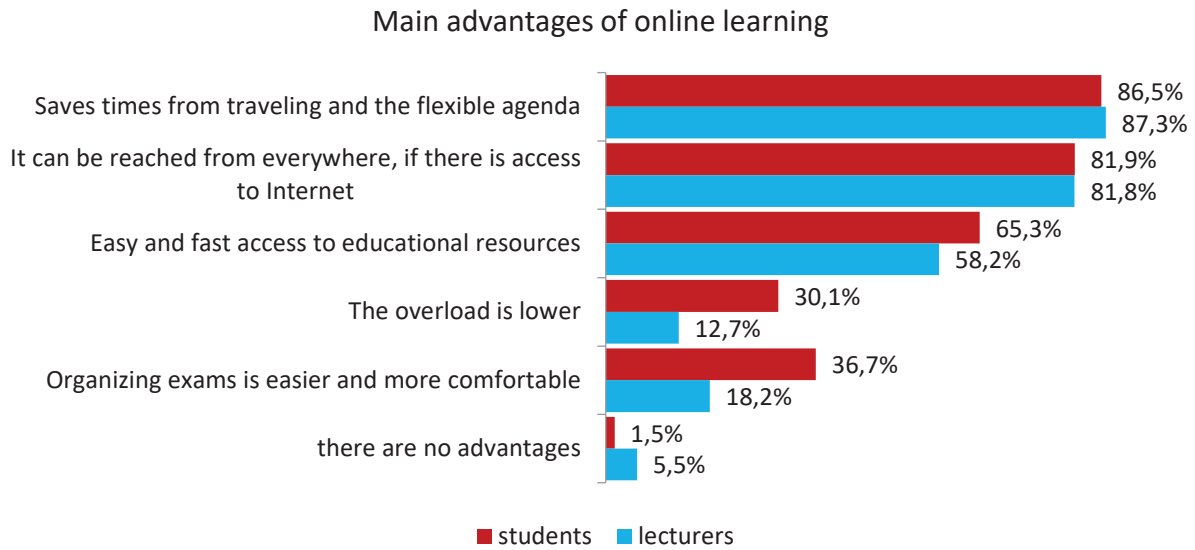

Figure 2. Main advantages of online learning

In this aspect, is worth mentioning that only 13% of the lectures and 30% of the students consider that their respective overload is lower during the online learning; moreover, significant part of the lecturers think that the overload is one of the disadvantages of the online learning. However, most of the lecturers don't think that the overload of the students is bigger when the process is online, so here again can be seen a distinction between students and lecturers: while both groups mostly disagree that the overload of the students is higher, the lecturers think that they have much more work when the process is held online.

The main disadvantages are presented in the next figure.

The first distinction that can be seen is that the percentage of the lecturers who mention several negative aspects of the online learning is relatively higher than the respective share of students.

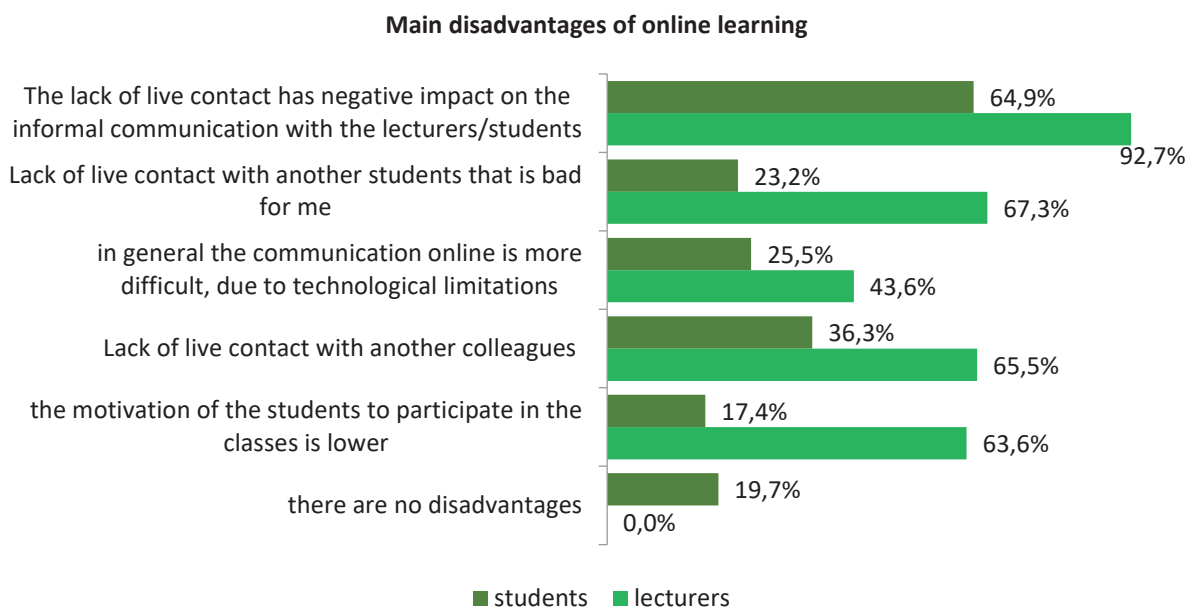

Figure 3. Main disadvantages of online learning

The figure presents the most frequently mentioned disadvantages by both groups, however, the average number of disadvantages mentioned by the lecturers are between 5 and 6 and for the students the respective number varies between 2 and 3. As can be seen in the figure, the only real disadvantage for the students (mentioned by higher number of them) is the problem with the communication, especially the lack of live contact during the classes. Of course, this should be considered as significant disadvantage even for the fact that the communication from “a distance” is essential for the online learning (i.e. it cannot be changed), but is obvious that the students appreciate more the online education, a difference from the lecturers, who are much more critical towards it. Also, almost 1/5 of the students think that the online learning practically has no disadvantages and in this aspect the difference with the lecturers is even more obvious: there no lecturers who share such opinion. This tendency repeats itself from the first wave of the survey (Getova, 2021).

Also, there is a big difference in the opinion of students and lecturers, regarding to the students' motivation for participation in classes. The majority of the lecturers think that the student's motivation is lower and the percentage among students is less than 20%. The low motivation of the students was one of the main problems noticed by the lecturers and part of the students during the previous wave of the research (Getova, 2021). In the third wave the lecturers practically didn't change their opinion but the share of students that agree with this is even lower (during the second wave it was more than 1/3). Here it can be speculated a lot what are the arguments of both parts for their opinions. It is a fact that during the online learning part of the students take part only passively (without video and even without microphone) so the impression of the lecturers is that the students are even more passive during the online classes that during the live ones. On the other side, the students opinion that they motivation is not lower during the online classes can be attributed to the explanation that they already adapted to this form of education and therefore, they don't see any differences in their personal motivation to participate in the classes online or on-site. In both cases is obvious that in this aspect there is a split between students' and lecturers' opinion.

That's why is not surprising that significant part of the students (37%) prefer the online form instead of the traditional form of learning, as can be seen in the next figure. It should be mentioned that this percentage increases over time while the percentage of the lecturers who prefer to this that way continue to be low.

In the same time, the percentage of the students who think that the online learning couldn't fully substitute the traditional approach is also relatively low, compared with the respective share of lecturers, the majority of whom agree with this statement. It can be concluded still from these results that the attitude of the majority of students and lecturers towards the online learning differs significantly. As a whole, the lecturers are more critical towards the online education: apart from the fact that they see in it much more disadvantages, most of them don't consider it as fully effective form of education but as such that could serve only as supplementary approach; they do not think that it is universal (suitable for every grade and every educational program). Therefore, it is logical why so few of them prefer this form of education. On the other side, the students are more positive towards the online learning. First, more than 1/3 of them prefer this form instead of the traditional approach. Also, only one third of them think that it couldn't fully substitute the traditional one, 32% consider it not suitable for first year students; almost similar is the percentage of those who think that the online learning is more suitable as supplementary form of education. Still, more than 50% of the students do not consider it as universal approach (for all type of educational programs) and this is one of the aspects where their opinion is closer to the attitude of the lecturers. The other aspect is related to the long-term effects of the online learning: approximately 1/3 of the

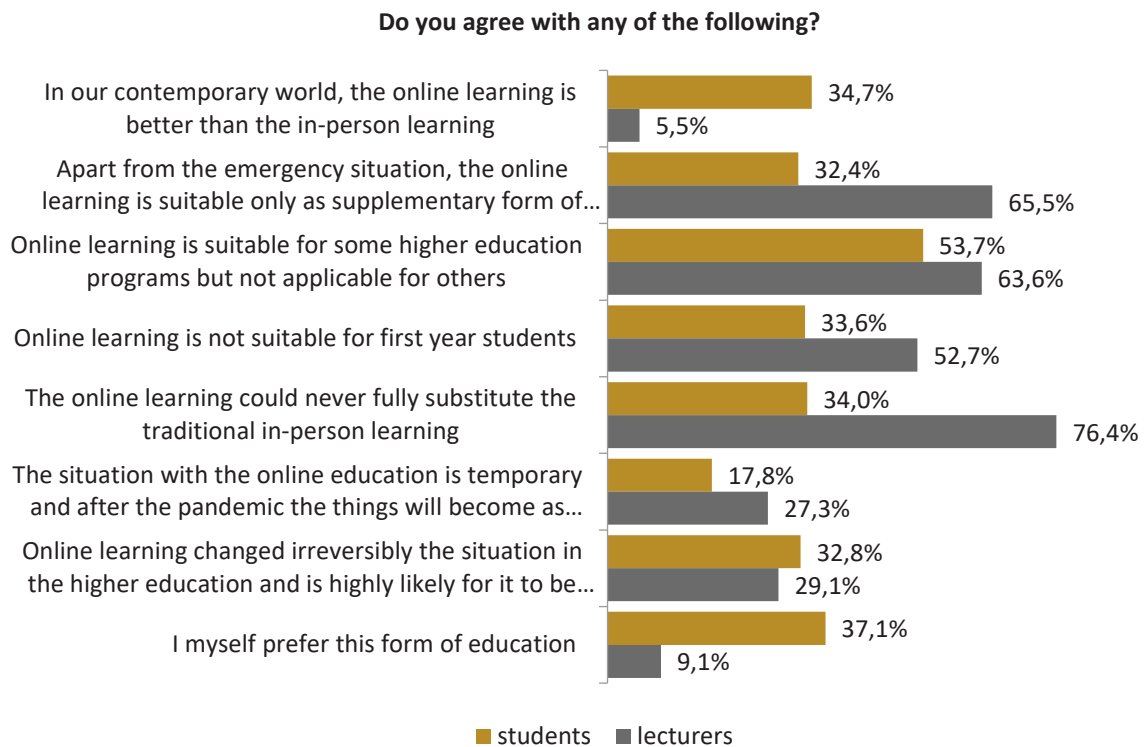

Figure 4. Do you agree with any of the following?

students and respectively of the lectures think that the situation is irreversible and the online learning changed completely the higher education (the share of “optimists” who think that the things would become as they used to be in both groups is lower).

It is interesting to know the final verdict of both groups regarding to maybe the most important aspect: the effect of the online learning on the quality of the received education.

As can be seen in the next figure, the attitude of the students and lecturers differs a lot. Most of the lecturers are convinced that it has negative impact (and this is the opinion of only 1/3 of the students). The biggest share of students, 44% think that the form of the education is not a factor regarding the quality and another 1/5 think that the online learning has even positive impact. It can be concluded that the lecturers evaluate the long term effects of the online learning mostly negatively, while most of the students are more optimistic and think that the online learning doesn't have negative impact.

There is a weak to moderate correlation between the opinion of both groups of the quality of the education and their preferences for the respective form of the educational process. The Cramer's V coefficient for the students is 0.44 and respectively for the lecturers is 0.40. This coefficient is used in the analysis as the most appropriated for the type of the sample and indicators included (Kraska-Miller, 2013).

From these results can be concluded that those who prefer the online education in both groups are more inclined to think that it has no impact or has positive impact on the educational process. Respectively, among those who prefer the education on-site the share of people who think that the online learning has negative impact is bigger. It can be concluded that the preferences of people towards the online education is related indeed to the fact that they also think that the online learning doesn't have negative impact on the quality of the education. In this aspect the difference between students and lecturers is that the percentage of lecturers who think that the online learning doesn't affect negatively the educational process is too low.

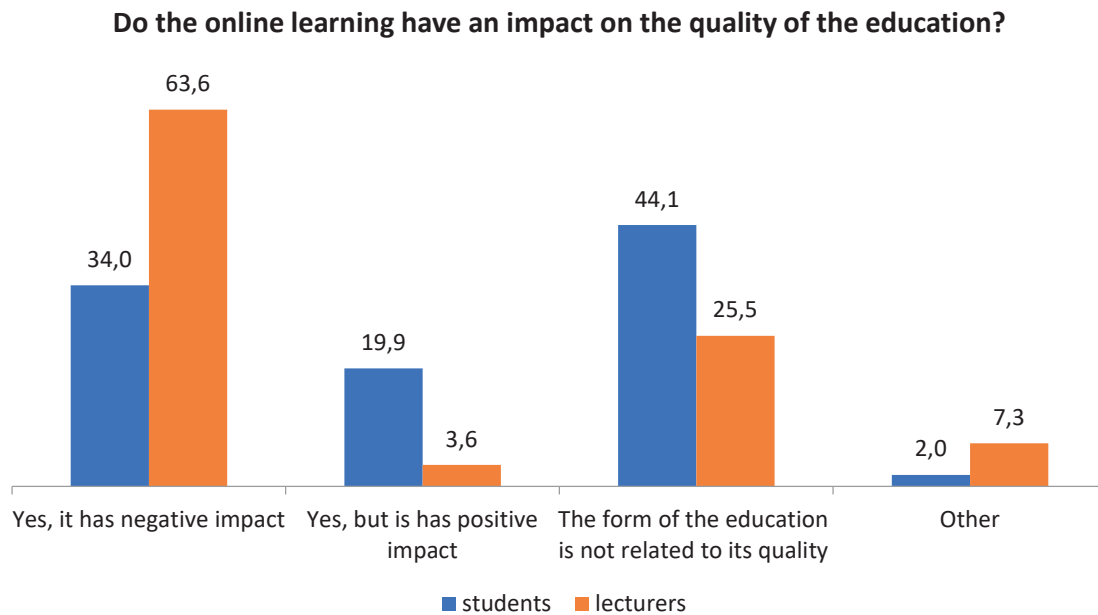

Figure 5. Do the online learning have an impact on the quality of the education?

Instead of conclusion

From the analysis can be concluded that the opinions of students and lecturers about the online learning differ significantly: the lecturers are much more critical towards it and very few of them have any inclinations towards this approach, while the students have much more positive attitude and significant part of them prefer this approach instead of the traditional one. It should be mentioned also that this difference in the opinions became clearer during the third wave in the research, while in the previous ones the differences were smaller (and fewer). Such attitude can be explained with the fact that at the moment of the third wave the majority of students, especially in BA, had more experience with the online approach than with the traditional one and in time, they began to appreciate more its positive sides than its problems. Respectively, the lecturers continue to be far more critical towards to online learning and don't consider it as effective enough to be able to substitute the traditional on-site learning. Such differences between the opinions of both groups could have their impact even in the future, as the expectations of both groups towards the online learning are practically opposite one to another: while more and more students prefer it, the lecturers in general are inclined to teach in the traditional approach. The different expectations and attitudes could produce a crisis in the future exactly for the fact that the opinions of the main participants in the educational process don't coincide and this could have a negative impact even to the transition to on-site learning that is expected to be done in the Bulgarian universities during the academic 2021-2022.

References

- Baetens, I., Vanderfaeillie, J., Soyez, V., Vantilborgh, T., Meersschaut, J. Van Den, Schotte, C., Theuns, P. (2022). Subjective wellbeing and psychological symptoms of university students during the COVID-19 pandemic: Results of a structured telephone interview in a large sample of university students. *Frontiers in Psychology*, 13, 2022. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.889503.
- Biernacki, P, Waldorf, D. (1981). Snowball Sampling: Problems and Techniques of Chain Referral Sampling. *Sociological Methods and Research*, 10, 2, Sage Publications, 141-163.
- Dietz, M. Kalof, L. (2009). Introduction to Social Statistics: The Logic of Statistical Reasoning, Chichester, John Wiley & Sons.
- Firang, D. (2020). COVID-19 pandemic on international students in Canada. *International Social Work, Sage Publications*, 63(6), 820-824.

- Halachev, P. (2009). Educational Challenges for e-Learning in Higher Education in Bulgaria. *International Journal of Learning*, 16, 6, 737-745.
- Kraska-Miller, M. (2014). Nonparametric Statistics for Social and Behavioral Sciences. *Boca Raton, CRC Press*.
- Mulrooney, H. M., Kelly, A. F. (2020). COVID-19 and the move to online teaching: impact on perceptions of belonging in staff and students in a UK widening participation university. *Journal of Applied Learning & Teaching*, 3, 2, 1-14.
- Podlogar, N. Jurišević, M. (2022). A comparative study of university students' responses in the first and second COVID-19 pandemic waves. *Horizons of Psychology*, 31, 472-481. DOI: 10.20419/2022.31.555.
- Tockmakova, S.I., Bondarenko, O.V., Lunitsina, YU. V. (2020). The experience on the distance learning of the students of the stomatology faculty in the situation of the pandemic of COVID-19. *Contemporary problems of the science and the education*, 3.
- Doolan, K. et al. (2020). Student Life during the COVID-19 Pandemic Lockdown: Europe Wide Insights, Draft Report. Available at: http://www.ehea.info/Upload/BFUG_DE_UK_73_11_6_students_Covid_19_survey_results.pdf.
- Getova, A. (2021). Attitudes and expectations towards the online learning during the second year of the pandemic (Research Report). Available at: <https://phls.uni-sofia.bg/article/3052>.

Литература

- Токмакова, С.И., Бондаренко, О.В., Луницина, Ю.В. (2020). Опыт дистанционного обучения студентов стоматологического факультета в условиях пандемии COVID-19. *Современные проблемы науки и образования*, 3.
- Baetens, I., Vanderfaeillie, J., Soyez, V., Vantilborgh, T., Meersschant, J. Van Den, Schotte, C., Theuns, P. (2022). Subjective wellbeing and psychological symptoms of university students during the COVID-19 pandemic: Results of a structured telephone interview in a large sample of university students. *Frontiers in Psychology*, 13, 2022. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.889503.
- Biernacki, P, Waldorf, D. (1981). Snowball Sampling: Problems and Techniques of Chain Referral Sampling. *Sociological Methods and Research*, 10, 2, Sage Publications, 141-163.
- Dietz, M. Kalof, L. (2009). Introduction to Social Statistics: The Logic of Statistical Reasoning, Chichester, John Wiley & Sons.
- Firang, D. (2020). COVID-19 pandemic on international students in Canada. *International Social Work, Sage Publications*, 63(6), 820-824.
- Halachev, P. (2009). Educational Challenges for e-Learning in Higher Education in Bulgaria. *International Journal of Learning*, 16, 6, 737-745.
- Kraska-Miller, M. (2014). Nonparametric Statistics for Social and Behavioral Sciences. *Boca Raton, CRC Press*.
- Mulrooney, H. M., Kelly, A. F. (2020). COVID-19 and the move to online teaching: impact on perceptions of belonging in staff and students in a UK widening participation university. *Journal of Applied Learning & Teaching*, 3, 2, 1-14.
- Podlogar, N. Jurišević, M. (2022). A comparative study of university students' responses in the first and second COVID-19 pandemic waves. *Horizons of Psychology*, 31, 472-481. DOI: 10.20419/2022.31.555.
- Гетова, А. (2021). Нагласи и очаквания към онлайн обучението през втората година на пандемията (доклад). Режим доступа: <https://phls.uni-sofia.bg/article/3052>.
- Doolan, K. et al. (2020). Student Life during the COVID-19 Pandemic Lockdown: Europe Wide Insights, Draft Report. Available at: http://www.ehea.info/Upload/BFUG_DE_UK_73_11_6_students_Covid_19_survey_results.pdf.

Дата получения рукописи: 18.11.2022

Дата окончания рецензирования: 02.12.2022

Дата принятия к публикации: 05.12.2022

Информация об авторе

Гетова Антоанета Георгиева – доктор социологии, Софийский университет Св. Климента Охридского, г. София, Болгария, e-mail: tony22a@gbg.bg

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Getova Antoaneta Georgieva – Doctor of Sociological Sciences, Sofia University «St. Kliment Ohridski», Sofia, Bulgaria, e-mail: tony22a@gbg.bg

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 330.313

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.4.10

EDN XIIYRU

Воспроизводство молодых ученых как социально-профессиональной группы в современных российских реалиях**Ольга С. Иванченко¹**¹Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

e-mail: ivanchenko_os@npi-tu.ru

Аннотация

Введение. Профессиональная социализация молодых ученых в научном сообществе остается вызовом, несмотря на сформированную систему управления наукой, широкий комплекс механизмов и инструментов поддержки молодых ученых и проводимые ими исследования. В связи с чем исследовательский ракурс фокусируется на том, какие факторы формирования влияют на воспроизводство молодых ученых в условиях неэффективности института государственной поддержки исследуемой социально-профессиональной группы.

Теоретическое основание. Теоретико-методологическую базу исследования составил синтез структурно-функционального и институционального подхода, позволивший провести факторную операционализацию институционального влияния (прежде всего института образования, института аспирантуры и института рынка труда) на профессиональную социализацию молодых ученых.

Результаты и их обсуждение. Институциональные структуры воспроизводства научных кадров в связи с трансформационными процессами, протекающими на протяжении последних десятилетий в российском обществе, перешли в систему дисфункциональности и утратили свое регулирующее воздействие на воспроизводственные процессы. В связи с чем реализуемая государственная политика на «привлечение» и «удержание» молодых научных будет иметь неэффективный, краткосрочный результат.

Ключевые слова: профессиональная социализация; воспроизводство; молодые ученые; социально-профессиональная группа; социальный институт.

Благодарности: Статья выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-239.2022.2) «Академическое лидерство в пространстве развития транспрофессиональной идентичности и формирования рынка новой экономики в условиях дигитализации и регионализации высшего образования».

Для цитирования: Иванченко О.С. (2022). Воспроизводство молодых ученых как социально-профессиональной группы в современных российских реалиях. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). С. 99-107. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.10>

Reproduction of young scientists as a socio-professional group in modern Russian realities**Olga S. Ivanchenko¹**¹Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

e-mail: ivanchenko_os@npi-tu.ru

Abstract.

Introduction. The reproduction of young scientists in the structure of the scientific community remains a challenge, despite the established science management system, a wide range of mechanisms and tools to support young scientists and their research. In this connection, the research perspective focuses on what factors of formation influence the reproduction of young scientists in the conditions of inefficiency of the institute of state support of the studied socio-professional group.

Theoretical basis. The theoretical and methodological basis of the study was the synthesis of a structural-functional and institutional approach that made it possible to carry out factor operationalization of the institutional influence (primarily of institution of education, institution of postgraduate studies and institution of the labor market) on the reproduction of young scientists.

Results and its discussion. Institutional structures of reproduction of scientific personnel in connection with the transformational processes taking place over the past decades in Russian society have shifted from a system of dysfunctionality and have lost their regulatory impact on reproductive processes. In this connection, the implemented state policy on «attracting» and «retaining» young scientific personnel will have ineffective, short-term result.

Keywords: reproduction; young scientists; socio-professional group; social institute.

Acknowledgments. The research was performed within the grant of the President of the Russian Federation for state support for the leading scientific schools of the Russian Federation (NSh-239.2022.2) «Academic leadership in the space of development of transprofessional identity and formation of the new economy market in the conditions of digitalization and regionalization of higher education».

For citation: Ivanchenko O.S. (2022). Reproduction of young scientists as a socio-professional group in modern Russian realities. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). С. 99-107. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.10>

Введение

Развитие научного сообщества во многом детерминировано механизмом межпоколенческой преемственности в научной сфере и тем, насколько эффективно могут себя реализовать молодые ученые в научном мире, ведь, как хорошо известно, значимая часть научных открытий и достижений принадлежит молодым ученым. И это неудивительно, если учесть, что молодежь рассматривается как важнейший ресурс в социокультурной динамике каждого общества, источник его жизнеспособности. С этой точки зрения объясним интерес к месту и роли молодежи в научном сообществе. Молодежь в сфере науки является специфической социально-профессиональной группой, отображающей специфику развития научно-профессионального сообщества, осуществляющего научную деятельность. Выделение социально-профессиональных групп определяется способностью к самовоспроизводству, что обеспечивает репродуцируемость группы как условие, определяющее устойчивость, наряду с необходимой изменчивостью (Шкаратан, Ястребов, 2007, 12).

Профессиональная социализация молодых ученых в контексте реализуемой государственной научно-инновационной политики имеет огромное значение. Численная и возрастная структура научных кадров продолжает быть вызовом на протяжении последних двадцати лет. Общая численность исследователей за период с 2000 года по 2020 год снизилась на 23,5 %¹ (с 887 729 человек в 2000 году до 679 333 человек в 2020 году). По состоянию на 2020 год наибольшая доля кандидатов наук находится в возрастной когорте 30-39 лет (27,3%), в возрастной когорте до 29 лет лишь 2,3% являются кандидатами наук. Так же следует отметить, что из общей численности исследователей в России лишь 28,7% имеют ученую степень кандидата или доктора наук. В динамике за 10 лет численность самой молодой возрастной группы (до 29 лет) сократилась на 3 п.п. (рис. 1).

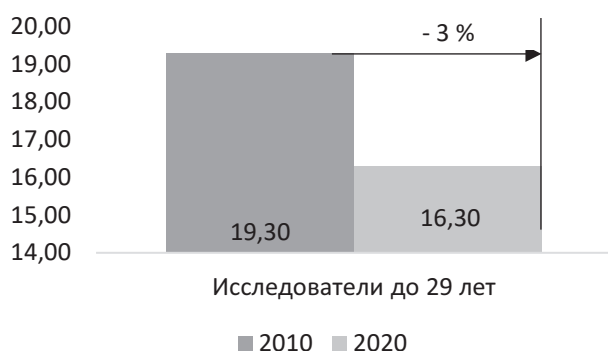

Рисунок 1. Динамика численности исследователей до 29 лет, %²

Численность молодых ученых (возрастная группа до 29 лет) имеет

¹ Рассчитано на основании данных: Индикаторы науки: 2022: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, М.Н. Коцемир и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022, 49.

² Рисунок составлен на основании данных: Индикаторы науки: 2022: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, М.Н. Коцемир и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022, 52.

устойчивую тенденцию к снижению, несмотря на реализуемую государственную политику, включающую широкий спектр инструментов и механизмов поддержки данной социально-профессиональной группы. Этим обусловлен исследовательский вопрос: какие факторы формирования влияют на воспроизводство молодых ученых в условиях неэффективности института государственной поддержки исследуемой социально-профессиональной группы?

Теоретические подходы исследования

Методологической опорой исследования выступает структурно-функциональный анализ (Т. Парсонс, Р. Мертон), где профессиональная социализация рассматривается в контексте институциональной координации действий акторов, которые осуществляются посредством принятия устойчивых образцов согласованного поведения. В данном контексте важную роль имеют образцы и нормы, которые стандартизируют и упорядочивают ролевое поведение, делая его предсказуемы, создавая условия для консенсуса, социального порядка и стабильности. Такое состояние поддерживается социальными институтами. Следует отметить, что на воспроизводство молодых ученых оказывают влияние как формальные (институт рынка труда, образование, аспирантуры), так и неформальные институты (научное руководство (наставничество)). При изучении неформальных институтов мы будем опираться на теорию неинституционализма (в частности, на исследовательскую схему Н. Флигстена (Fligstein, 1996, 656-673)).

Результаты и их обсуждение

Теоретико-методологическая логика исследования институциональной составляющей воспроизводства молодых ученых будет строиться на факторной операционализации. Множество факторов, влияющих на воспроизводство, можно разделить на три уровня (Ястребова, 2009, 116-140): макро – мезо – микроуровня, определяющих совокупность профессиональных потребностей, интеллектуальных и личностно-организационных возможностей личности, ее систему ценностей, поведенческих и мотивационных установок в профессиональной среде.

Макроуровень характеризует состояние и тенденции развития государственной политики в сфере науки и образования, состояние рынка труда, в том числе и академического рынка труда; специфика регионального рынка труда, региональной научной инфраструктуры, система регионального финансирования и поддержки молодых ученых; мезоуровень – научно-образовательная среда конкретного научного и/или образовательного учреждения; микроуровень включает в себя действие как институциональных факторов (социальное окружение индивида (семья, коллеги, особенностями семейной биографии и круга общения и т.д.) и индивидуально-личностные факторы – ценностно-целевые ориентиры, смыслы, культурный и семейный капитал).

Среди структурно-институциональных факторов можно выделить два ключевых – это институт рынка труда, институт высшего образования и институт аспирантуры (докторантуры). Следует отметить, что институт докторантуры не оказывает существенного влияния в виду его малочисленности, а порой (в отдельных регионах) его отсутствия, поэтому основное влияние оказывает институт аспирантуры, которому будет посвящен отдельный анализ. В качестве специфических мы выделили институт академического рынка труда, который характеризуется национальной спецификой и особенностями, и институт научного руководства (наставничества). Функционирование последнего имеет по преимуществу неформальный характер, не-

смотря на формальные закрепления научного руководителя локальным нормативным актом организации.

Формирование постиндустриального общества, основанного на информационно-коммуникационных и цифровых технологиях, диктуют новые условия взаимоотношения *института высшего образования и рынка труда*. Разрыв между двумя институтами происходит на разных уровнях. На макроуровне – это череда реформ в системе высшего образования (начавшаяся с 1992 годов с внедрения рыночных механизмов, присоединение к Болонскому процессу, внедрение программно-целевых и проектных методов управления, формирование территориальной структуры ведущих вузов, развитие конкурентноспособности вузов, закончившееся гонкой за индексами и показателями) (Российские университеты..., 2019). При этом образовательная модель находится в статике и слабо реагирует на изменения внешней среды, ориентируясь на решение стандартных производственных задач, выполнение рутинного труда, не требующего творческого подхода. Массовое образование XXI в. ориентировалось на подготовку кадров для работы на производстве или в государственном аппарате, а образовательный процесс носил линейный характер и заключался в однотипной передаче знаний и формирования стандартных навыков. Такую модель образования называют «индустриальной» или «конвейерной», под которой понимают «производственную модель образования, основанную на идеях линейности образовательного процесса, стандартизации содержания образования и объединения людей в группы, исходя, в первую очередь, из их возраста» (Robinson, 2014). Соответственно, уровень подготовки не соответствует требованиям рынка труда и происходит практический отрыв от работодателя. Система высшего образования инертна к изменениям, а система управления высшим образованием имеет линейный характер, что сдерживает его развитие и не позволяет раскрыться имеющемуся в вузах потенциалу (Зборовский, Абрамов, Каташинских, 2016). Ускорение технологических и социально-экономических процессов в экономике и социуме ставит перед институтом высшего образования новые задачи. В ряде производственных сфер навыки устаревают быстрее, чем заканчивается нормативный срок обучения. Это в первую очередь касается инженерных профессий *software engineering*, где университетский диплом дает меньше преимуществ в быстроменяющейся рабочей среде (Serbant, 2020). Намечившаяся тенденция характеризуется двумя негативными факторами, влияющими на профессиональное самоопределение молодых людей: первое – изменения в социально-профессиональной структуре общества, в которой отмечается увеличение доли занятых в сфере торговли и услуг и сокращение доли занятых в производственной сфере (Козырева, Смирнов, 2018). Второе – трудоустройство выпускников вузов не по полученной специальности; первое трудоустройство происходит в большинстве случаев в сфере услуг, обслуживания и торговли (Зубок, Чупров, 2015; Чередниченко, 2018). Данные сферы характеризуются высоким уровнем заработной платы по сравнению, например, со сферой машиностроения. Данная тенденция, с одной стороны, обусловлена изменениями в экономике, в частности, структурными сдвигами в сторону производства услуг, а, с другой, – девальвирует ценность высшего образования. Девальвация ценности высшего образования обуславливается еще устоявшейся тенденцией массовизации образования (Альтбах, 2018, 71-77). Для молодых людей из разных социальных групп, независимо от интеллектуальных способностей, при наличии достаточных материальных ресурсов у семьи доступно образование в любом высшем учебном заведении. Отсюда вытекает сегодняшняя цель функционирования вузов – коммерциализация, достижение высоких финансовых показателей, а не повышение качества профессиональной подготовки специалистов. Как итог, происхо-

дит дифференциация вузов по качественному критерию. Те, которые дают знания, и те, которые дают просто дипломы (Константиновский, 2018).

Учитывая пространственные масштабы нашей страны, следует сделать акцент на взаимодействии регионального рынка труда и высшего образования. Неравномерная социально-экономическая развитость и глубокая дифференциация по качеству и уровню жизни российских регионов усиливает поляризацию «регион-столица». Талантливая, интеллектуальная молодежь стремится в столичные вузы или экономически развитые регионы не только с высоким уровнем заработной платы, но и развитостью социально-культурной инфраструктуры и благоустройства (Габдрахманов, Никифорова, Лешуков, 2019). Данная тенденция формирует «интеллектуальное опустынивание» регионов, усиливая региональное социально-экономическое неравенство, дисбаланс на региональном рынке труда, низкую востребованность региональных вузов.

Все указанные тенденции макроуровня активируют деформацию на микроуровне – уровне личности. Среди молодежи произошли изменения в ценностной структуре с ориентации на прагматизм и индивидуализм, что отображается в желании быстрого профессионального и материального успеха, желании получить все «здесь и сейчас». Данная установка проявляется в быстрой и частой смене места работы, что, с одной стороны, имеет положительную характеристику, проявляющуюся в гибкости и адаптивности, а, с другой стороны, оборачивается потерей ценности профессии и профессионализма и, как следствие, нарушением воспроизводственных механизмов (Авраамова, 2018; Демиденко, 2018).

В этой связи, молодежь не рассматривает науку как стратегию профессиональной карьеры по причине того, что карьера в науке и достижение материального благосостояния пролонгированы во времени. Данные исследований определили следующие стадии карьерного роста в науке: научное становление – 10 лет, достижение научного признания – 15 лет, достижение статуса руководителя – 15 лет, достижение достойной оплаты труда – 15 лет. В совокупности ожидаемые карьерные достижения исследователей наступают к 40-42 годам. Так же было установлено, что технические и естественнонаучные отрасли требуют более длительных временных затрат на выстраивание карьеры (Ключарев, Попов, Савинков, 2017). Такие карьерные ожидания делают сферу науки малопривлекательной для современной молодежи.

Разрыв между институтом высшего образования и рынком труда вызван как дисфункциями в системе высшего образования, трансформацией миссии университета, ослаблением социализационных механизмов, так и структурными изменениями в экономике, стремительным развитием новых технологий. Это требует переосмысления целей и задач института высшего образования в соответствии с вызовами повседневности.

Институт академического рынка труда. Нами отдельно был выделен институт академического рынка труда, который испытывает влияние тенденций рынка, а также характеризуется рядом специфических особенностей. Субъектами на академическом рынке труда выступают научно-педагогические кадры, соответственно работодателями – университеты и научно-исследовательские организации. Источником академических кадров выступает институт образования и институт аспирантуры. Академический рынок труда в России характеризуется следующими специфическими отличительными чертами:

- узость (по мнению некоторых экспертов отсутствие) (Академический им-бирдинг..., 2017) академического рынка;
- неразвитость мобильности среди научно-исследовательских кадров;

- строящийся на личных отношениях процесс отбора и найма научных кадров;
- языковой барьер научно-исследовательских и педагогических кадров.

Характерная традиция «найм изнутри» российского академического рынка труда в мировом сообществе называется имбирдингом, который рассматривается как проблема, ограничивающая развитие научной производительности. В российских реалиях данное явление не рассматривается как проблема и определяется традициями, культурными нормами, которые сложились в коллективе (на факультете, кафедре). Университет охотно возьмет своего выпускника будучи уверенным, что разделяет принятые ценности и образцы поведения, «впишется» в устоявшийся коллектив, чем брать «кота в мешке» (Соколов и др., 2015). В таких условиях «свои» аспиранты получают преимущество в трудоустройстве.

Карьера научных кадров может реализовываться не только в должности научного сотрудника, но и в должности инженера-исследователя на производстве¹. Однако такая карьерная стратегия не пользуется особой популярностью ввиду ее узости и неразвитости. Интеграция бизнеса, высокотехнологического производства и вузов находится на начальной стадии развития (Ключарев, Попов, Савинков, 2017).

Еще одним важным аспектом, определяющим специфику научной карьеры и академического рынка труда, является заторможенность ротации научных кадров. Ученые ориентированы на получение профессиональных статусных позиций (присуждение ученой степени и звания) как индикаторов материальной обеспеченности.

Институт аспирантуры. Российская аспирантура уже на протяжении нескольких лет живет в трансформационном периоде. Глобальная трансформация аспирантуры произошла в 2012 году в связи с принятием Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»², изменившего статус аспирантуры, переведя ее в третью ступень образования, изменив ее цель, функции и формат подготовки. Сегодня целью обучения в аспирантуре не является защита кандидатской диссертации; успешным итогом обучения является присуждение квалификации «Исследователь. Преподаватель-исследователь». В общественно-политическом и научном дискурсе не сложилось единого мнения относительно достоинств и недостатков функционирующей модели аспирантуры (Бедный, 2013; Тернтьев, Бекова, Малошонок, 2018). Основными критическими замечаниями являются следующие вопросы: чем отличается аспирантура от магистратуры и бакалавриата, не определена специфика аспирантуры как третьего уровня высшего образования; туманность роли аспирантуры в подготовке молодых ученых. Происходящие трансформации изменили ее миссию. Аспирантура была «кузницей» научных кадров, реализующей функции воспроизводства и преемственности научных кадров. Сегодня эта роль утрачена, что не может не сказаться на профессиональной социализации молодых ученых.

Институт научного руководства. Компетенции аспиранта закреплены в ФГОС в соответствии с направлением подготовки, а требований, предъявляемых к научному руководителю, на федеральном уровне нет. Такие требования сформированы лишь на уровне конкретных организаций на локальном уровне. Безусловно, успешность взаимодействия во многом зависит от нормативно-правовых рамок полномочий, обязанностей и ответственности. Однако много определяется характером взаимоотношений на микроуровне, микроклимата межличностных взаимоотношений. Воспитание и становление продуктивного научного сотрудника очень деликатная, «штучная» задача.

¹ Рекомендации для молодых ученых, инженеров и технологических предпринимателей по построению успешной карьеры в области науки, технологии и инноваций. Утверждены Министерством образования и науки Российской Федерации от 21 апреля 2018 года № ГТ-861/14.

² Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ.

Следует отметить, что формирования взаимоотношений «будущий молодой ученый – научный руководитель» происходит со студенческой скамьи в процессе написания курсовых и выпускных (дипломных) работ. Развитие исследовательских компетенций является непрерывным образовательным процессом (Зырянов, 2019). В настоящее время, по мнению ученых, наблюдается разобщенность между студентами и преподавателями из-за развития дистанционных форм обучения (Зборовский, 2018).

Тесный контакт молодого ученого с научным руководителем происходит непосредственно в период обучения в аспирантуре. Многие образовательные организации практикует трудоустройство своих аспирантов для более полного погружения в исследовательскую среду. По данным исследований, коммуникативная среда в образовательных организациях (вузах) и научно-исследовательских организациях отличается тем, что перед этими организациями стоят разные задачи. Процесс социализации в научно-исследовательские организации проходит интенсивнее и эффективнее в сравнении с вузовской средой (Биричева, Фаттахова, 2021).

Рассмотренные институциональные факторы закрепляют социальные отношения и воспроизводственные механизмы становления молодых ученых продуктивными членами научного сообщества и являются их основой.

Заключение

Институционально-структурные факторы оказывают влияние на всю систему воспроизводства социально-профессиональной группы молодых ученых. Социально-экономические институты являются «средой существования» воспроизводства социально-профессиональных групп, которые снабжают индивида ресурсами, определяя его позиции и роли в структуре профессионального сообщества. Ослабление авторитета институциональных структур, их отставание от изменяющихся потребностей молодежи, переосмысление ожиданий, адресованных институтам, и, как следствие, снижение уровня доверия и регулятивного влияния. Сложившийся институциональный кризис и дестандартизация образцов не могут служить опорой в жизненном конструировании молодежи. В условиях дисфункциональности основных институтов воспроизводства научных кадров меры государственной поддержки будут малоэффективными.

Система государственной политики должна строиться не на механизмах поддержки, а на формировании факторов микроуровня – уровня личности – задавая правильные социокультурные ориентиры воспитания и образования.

Литература

- Авраамова, Е.М. (2018). Тенденции занятости российской молодежи в регионах. *Социологические исследования*, 9, 130–134. DOI 10.31857/S013216250001969-8.
- Академический имбирдинг и мобильность в высшем образовании: Глобальные перспективы. (2016). М.М. Юдкевич, Ф.Дж. Альтбах, Л. Рамбли (ред.) (Г.С. Петренко пер. с англ.). Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 324.
- Альтбах, Ф. (2018) *Глобальные перспективы высшего образования*. А. Рябова (ред.) (Ю. Каптуревского перевод с англ.). М. Издательский дом Высшей школы экономики, 548.
- Бедный, Б.И. (2013). Роль и структура образовательной подготовки в аспирантуре нового типа. *Высшее образование в России*, 12, 78–89.
- Биричева, Е.В. Фаттахова, З.А. (2021). Эффективность взаимодействия научного руководителя и аспиранта в вузе и в академии наук. *Высшее образование в России*, 30 (1), 9–22. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-1-9-22.
- Габдрахманов, Н.К., Никифорова, Н.Ю., Лешуков, О.В. (2019) «От волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 48.

- Демиденко, С.Ю. (2018). Молодежь на рынке труда (по материалам круглого стола). *Социологические исследования*, 4, 164–166.
- Зборовский, Г.Е., Абрамова, П.А., Каташинских, В.С. (2016). Нелинейная модель российского высшего образования в макрорегионе: теоретическая концепция и практические возможности. Г.Е. Зборовский (ред). Екатеринбург: Гуманитарный университет, 340.
- Зборовский, Г.Е. (2018). Можно ли быть вместе, находясь врозь: студенты и преподаватели в вузе. *Социологические исследования*, 9, 49–58. DOI: 10.31857/S013216250001958-6.
- Зубок, Ю.А., Чупров, В.И. (2015). Молодые специалисты: проблема подготовки и положение на рынке труда. *Социологические исследования*, 5, 114–122.
- Зырянов, В.В. (2019). Научный руководитель: между вызовами времени и реалиями. *Высшее образование в России*, 28 (10), 25–37. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-10-25-37.
- Ключарев, Г.А., Попов, М.С., Савинков, В.И. (2017). Образование, наука и бизнес: новые грани взаимодействия. М.: Институт социологии РАН, 488.
- Козырева, П.М., Смирнов, А.И. (2018). Предпринимательская активность в контексте задач инновационной модернизации. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*, 3 (806), 158–177.
- Константиновский, Д.Л. (2018). Измерение неравенства в образовании/ *Россия реформирующаяся*. М. К. Горшков (ред.). Москва, 16, 171– 191.
- Российские университеты в условиях цифровизации: математические и инструментальные методы оценки качества управления. (2019). Халин В.Г. (ред). М.: Проспект, 235–260.
- Соколов, М., и др. (2015). Как становятся профессорами: академические карьеры, рынки и власть в пяти странах. М., Новое литературное обозрение, 832.
- Терентьев, Е.А., Бекова, С.К., Малошонок, Н.Г. (2018). Кризис российской аспирантуры: источники проблем и возможности их преодоления. *Университетское управление: практика и анализ*, 22 (5), 54–66. DOI 10.15826/umpra.2018.05.049.
- Чередниченко, Г.А. (2018). Первое трудоустройство после вуза (по материалам опроса Росстата РФ). *Социологические исследования*, 8, 91 –101. DOI 10.31857/S013216250000764-3.
- Шкаратан, О.И., Ястребов, Г.А. (2007). Социально-профессиональная структура населения России. Теоретические предпосылки, методы и некоторые результаты повторных опросов 1994, 2002, 2006гг. *Мир России*, 3, 12 –15.
- Ястребов, Г.А. (2009). Воспроизводство социально-профессиональных групп в современной России. *Мир России. Социология. Этнология*, 2, 116 –140.
- Fligstein, N. (1996). Markets as Politics: A Political-Cultural Approach to Market Institutions. *American Sociological Review*, 61, 656–673. DOI: 10.2307/2096398.
- Serbant, A. (2020). Instability creates new opportunities. Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5eb9be949a79470c29c356b3>.
- Robinson, K. (2014). Finding Your Element. Penguin Books Ltd. Режим доступа: https://www.ted.com/talks/ken_robinson_changing_education_paradigm

References

- Academic imbedding and mobility in higher education: Global Perspectives*. (2016). M.M. Yudkevich, F.J. Altbach, L. Rambli (ed.) (G.S. Petrenko per. from English). National Research University “Higher School of Economics, 324.
- Altbach, F. (2018). *Global prospects of higher Education*. A. Ryabova (ed.) (Yu. Kapturevskogo translated from English). M. Publishing House of the Higher School of Economics, 548.
- Avraamova, E.M. (2018). Trends in the employment of Russian youth in the regions. *Sociological Research*, 9, 130–134. DOI 10.31857/S013216250001969-8.
- Biricheva, E.V. Fattakhova, Z.A. (2021). The effectiveness of the interaction between the supervisor and the graduate student at the university and at the Academy of Sciences. *Higher Education in Russia*, 30 (1), 9–22. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-1-9-22.
- Dednj, B.I. (2013). The role and structure of educational training in a new type of postgraduate school. *Higher Education in Russia*, 12, 78–89.
- Demidenko, S.Yu. (2018). Youth in the labor market (based on the materials of the round table). *Sociological Research*, 4, 164–166.
- Fligstein, N. (1996). Markets as Politics: A Political-Cultural Approach to Market Institutions. *American Sociological Review*, 61, 656–673. DOI: 10.2307/2096398.
- Gabdrakhmanov, N.K., Nikiforova, N.Yu., Leshukov, O.V. (2019). “From the Volga to the Yenisei...”: educational migration of youth in Russia. National Research University “Higher School of Economics”, Institute of Education, Moscow: HSE, 48.

- Cherednichenko, G.A. (2018). The first employment after university (based on the materials of the survey of Rosstat of the Russian Federation). *Sociological Research*, 8, 91–101. DOI: 10.31857/S013216250000764-3.
- Kozyreva, P.M., Smirnov, A.I. (2018). Entrepreneurial activity in the context of the tasks of innovative modernization. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 3 (806), 158–177.
- Konstantinovskiy, D.L. (2018). Measuring inequality in education. *Russia is being reformed*. M. K. Gorshkov (ed.). Moscow, 16, 171–191.
- Russian universities in the context of digitalization: mathematical and instrumental methods for assessing the quality of management*. Khalin V.G. (ed.). Moscow: Prospect, 235–260.
- Sokolov, M., et al. (2015). *How to become professors: Academic Careers, Markets and Power in Five Countries*. Moscow, New Literary Review, 832.
- Shkaratan, O.I., Yastrebov, G.A. (2007). Socio-professional structure of the Russian population. Theoretical background, methods and some results of repeated surveys in 1994, 2002, 2006. *The World of Russia*, 3. 12–15.
- Terentyev, E.A., Bekova, S.K., Maloshonok, N.G. (2018). The crisis of Russian postgraduate studies: the sources of problems and the possibilities of overcoming them. *University Management: Practice and Analysis*, 22(5), 54–66. DOI 10.15826/umpa.2018.05.049.
- Yastrebov, G.A. (2009). Reproduction of socio-professional groups in modern Russia. *The world of Russia. Sociology. Ethnology*, 2, 116–140.
- Zborovskiy, G.E., Abramova, P.A., Katashinskikh, V.S. (2016). *Nonlinear model of Russian higher education in the macroregion: Theoretical concept and practical possibilities*. G.E. Zborovskiy (ed.). Yekaterinburg: Humanities University, 340.
- Zborovskiy, G.E. (2018). Is it possible to be together while being apart: students and teachers at the university? *Sociological Research*, 9, 49–58. DOI: 10.31857/S013216250001958-6.
- Zubok, Yu.A., Chuprov, V.I. (2015). Young specialists: the problem of training and the situation on the labor market. *Sociological Research*, 5, 114–12.
- Zyryanov, V.V. (2019). Supervisor: between the challenges of time and realities. *Higher Education in Russia*, 28 (10), 25–37. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-10-25-37.
- Serbant, A. (2020). Instability creates new opportunities. Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5eb9be949a79470c29c356b3>.
- Robinson, K. (2014). *Finding Your Element*. Penguin Books Ltd. Available at: https://www.ted.com/talks/ken_robinson_changing_education_paradigm.

Дата получения рукописи: 15.11.2022

Дата окончания рецензирования: 29.11.2022

Дата принятия к публикации: 05.11.2022

Информация об авторе

Иванченко Ольга Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия, e-mail: olga.ivanchenko1509@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Ivanchenko Olga Sergeevna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia, e-mail: olga.ivanchenko1509@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.344.34:377

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.4.11

EDN XJGMDW

**Профессиональная социализация студентов:
опыт социального партнерства технических вузов Ростовской области****Галина Ю. Лазарева¹**

¹ Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова, Ростовская область, г. Новочеркасск, Россия
e-mail: gmu-npi@yandex.ru

Аннотация

Введение. Настоящее исследование посвящено изучению опыта социального партнерства технических вузов Ростовской области, приобретенного с целью профессиональной социализации студентов.

Методы. Теоретико-методологическую базу исследования образует неинституциональная теория Д. Норта. Эмпирическая часть исследования построена на базе данных, сформированной в результате проведенного в сентябре-ноябре 2022 г. массового социологического опроса, в котором приняли участие 1242 студента, обучающихся в трех вузах Ростовской области: Южно-Российском государственном политехническом университете (НПИ) имени М.И. Платова, Донском государственном техническом университете и Ростовском государственном университете путей сообщения.

Результаты и их обсуждение. Методологической основой исследования выступил неинституциональный подход. На его основе были операционализированы базовые понятия: профессиональная социализация, социальное партнерство, субъекты социального партнерства. Гипотеза исследования состоит в том, что эффективность профессиональной социализации студентов зависит от качественных характеристик социального партнерства государства, вузов, работодателей. Для проверки данной гипотезы было проведено эмпирическое исследование. В качестве эмпирических индикаторов были определены три позиции: 1) профессиональное обучение, 2) производственная практика и 3) профессиональное трудоустройство. Полученные результаты подтвердили высказанную гипотезу. Эффективность профессиональной социализации студентов технических вузов Ростовской области находится в прямой зависимости от того, насколько сложившееся социальное партнерство государства, университетов и работодателей отвечает его основным признакам: равноправие сторон, диалогичность, общность интересов, единство целей, свобода в принятии решений. Там, где эти признаки нарушаются, имеет место снижение качества профессиональной социализации.

Ключевые слова: профессиональная социализация; социальное партнерство; студенты; технические вузы; Ростовская область, производственная практика.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-239.2022.2) «Академическое лидерство в пространстве развития транспрофессиональной идентичности и формирования рынка новой экономики в условиях дигитализации и регионализации высшего образования».

Для цитирования: Лазарева Г.Ю. (2022). Профессиональная социализация студентов: опыт социального партнерства технических вузов Ростовской области. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4), С. 108-118. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.11>

**Professional socialization of students: experience of social partnership
of technical universities in the Rostov region****Galina Yu. Lazareva¹**

¹Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Rostov region, Novocherkassk, Russia
e-mail: gmu-npi@yandex.ru

Abstract

Introduction. This research is devoted to the study of the experience of social partnership of technical universities in the Rostov region, acquired for the purpose of professional socialization of students.

Methods. The theoretical and methodological basis of the research is formed by the D. North's neo-institutional theory. The empirical part of the study is based on a database formed as a result of mass sociological survey conducted in September-November 2022, which was attended by 1242 students studying at three universities in the Rostov region: Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Don State Technical University and Rostov State Transport University.

Results and its discussion. The methodological basis of the study was the neo-institutional approach. On its basis, the basic concepts were operationalized: professional socialization, social partnership, subjects of social partnership. The hypothesis of the study is that the effectiveness of the professional socialization of students depends on the qualitative characteristics of the social partnership between the state, universities, and employers. Empirical study was carried out to test this hypothesis. Three positions were identified as empirical indicators: 1) vocational training, 2) work practice and 3) professional employment. The results obtained confirmed the stated hypothesis. The professional socialization effectiveness of students of technical universities in the Rostov region is directly dependent on how the established social partnership of the state, universities and employers meets its main features: equality of the parties, dialogue, common interests, unity of goals, freedom in decision-making. Where these signs are violated, there is decrease in the quality of professional socialization.

Keywords: professional socialization; social partnership; students; technical universities; Rostov region, work practice.

Acknowledgements. The research was carried out within the framework of implementation of the grant of the President of the Russian Federation for state support of the leading scientific schools of the Russian Federation (NSh-239.2022.2) "Academic Leadership in the Space for the Development of Transprofessional Identity and the Formation of a New Economy Market in the Conditions of Digitalization and Regionalization of Higher Education".

For citation: Lazareva G.Yu. (2022). Professional socialization of students: experience of social partnership of technical universities in the Rostov region. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4), С. 108-118. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.11>

Введение

Проблематика социального партнерства в контексте взаимосвязи этого понятия с функционированием высшей школы впервые была поставлена ещё в начале 80-х годов прошлого столетия, когда наметился переход экономики на качественно новую стадию – производство телекоммуникационных технологий. Это дало импульс для стремительного развития всех производственных процессов и фундаментальной трансформации общества в целом. В итоге, перед университетами, ответственными за профессиональную подготовку, была поставлена задача обеспечить такой уровень качества выпускников, который соответствовал бы новым требованиям в создании товаров и технологий. Особенно актуально это требование звучит для вузов технической специализации, реализующих подготовку инженерно-технических кадров. Качество подготовки выпускников во многом, как это осуществлялось традиционно, связывается с квалификацией профессорско-преподавательского состава. Однако в настоящее время, в период поступательного развития нового этапа НТР, когда темпы технологического перевооружения производства как никогда высоки, от вузов требуется обеспечение комплексной подготовки специалистов, обучающихся не только базовой теории, но и производственной практике на предприятиях с новейшим техническим арсеналом. Это обуславливает необходимость налаживания партнерских связей со всеми заинтересованными субъектами, среди которых, помимо администраций профильных технологических производств, заметную роль должно играть государство как ведущий регулятор всех социальных отношений в российском обществе.

В связи со сказанным цель данной статьи состоит в том, чтобы оценить сложившийся опыт социального партнерства технических вузов Ростовской области на предмет профессиональной социализации обучающихся в них по инженерно-техническим специальностям студентов.

Методология и методы

Методологической основой для достижения заявленной цели выступает неoinституциональный подход. Выбор данной теории объясняется тем, что социальное партнерство, создаваемое для улучшения условий профессиональной социализации студентов, располагается на межинституциональных полях (государство, высшее образование, промышленное производство), социальные акторы в которых, с одной стороны, имеют разные целевые ориентации, но, с другой, обладают потенциальной предрасположенностью к совместному взаимодействию на основе общих интересов. Индикатором успешности подобного социального партнерства является качественное улучшение результатов профессиональной социализации студентов.

В качестве основного метода сбора эмпирической информации использовался массовый социологический опрос. Общая выборочная совокупность составила 1242 респондента. Опрашивались студенты трех вузов Ростовской области: Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова, Донского государственного технического университета и Ростовского государственного университета путей сообщения. Опрос проходил посредством анкетирования с применением гугл-форм. Обработка информации осуществлялась в программе SPSS-21. Время проведения опроса – сентябрь-ноябрь 2022 года.

Результаты исследования и их обсуждение

Начнем с обоснования некоторых значимых для нас понятий, которыми мы далее будем оперировать в процессе анализа эмпирической информации. Важнейшее из них – профессиональная социализация. В тематическом соотношении с предметом исследования необходимо также добавить «студентов технических вузов». Но и это уточнение требует определенной корректировки, т.к. собственно технических вузов практически не осталось. Поэтому нас будут интересовать те студенты, которые обучаются в университетах, сохранивших профессиональное обучение по инженерно-техническим профессиям.

Понятие профессиональной социализации в сложившейся научной традиции изучения вопроса раскрывается с разных позиций, разнообразие которых определяется либо предметной принадлежностью ученого (например, психологи выдвигают на первый план профессиональную культуру, профессиональное сознание и профессиональное самоопределение (Разуваева, 2014), либо целевыми установками, определяющими смысловые акценты в изучаемом понятии. Мы разделяем точку зрения И.В. Кагитиной, в соответствии с которой «профессиональная социализация представляет собой готовность индивида к трудовой деятельности» (Кагитина, 2008).

Отталкиваясь от данного понимания, сформулируем авторскую интерпретацию термина. *Профессиональная социализация* применительно к предмету нашего исследования определяется как готовность выпускника технического вуза к профессиональной деятельности на производстве в качестве инженера по полученной в процессе образования специальности.

Такое понимание наиболее адекватно избранной методологии и предметному контексту статьи, в соответствии с которым социальное партнерство окажется успешным лишь в том случае, если оно будет взаимовыгодным для всех сторон взаимодействия. Объяснение социального поведения в рамках неoinституциональной методологии должно строиться на установлении возможности социального актора осмысленно и на основе прагматично понятого интереса осуществлять выбор из ре-

пертуара имеющихся альтернатив. Заинтересованность работодателя в выпускниках вуза может быть осмысленной и рациональной лишь в том случае, если он будет уверен в способности университета предоставить ему профессионально подготовленных специалистов, готовых без длительной фазы вторичной социализации вступить в процедуру исполнения трудовых обязанностей на производстве. Не противоречит этому и статус государства в социальном партнерстве, которое выступает в роли гаранта качества высшего образования. Кроме того, профессиональное обучение – важнейшая функция высшей школы (Югфельд, 2015; Ковалев, Дятлов, Воденко, 2020). Следовательно, нам необходимо искать такой ракурс в рассматриваемом понятии, который позволил бы оценить качество профессиональной социализации в прагматичном и, одновременно, утилитарно-прикладном аспекте (Колодницкая, 2016; Мишина, 2018). Именно поэтому, с точки зрения интереса работодателя, который вполне может быть согласован с позицией государства и университета, принимающая выпускника администрация предприятия должна быть уверена в его способности включиться в производственную деятельность. Это не единственный, но основополагающий аспект, от которого следует развертывать анализ профессиональной социализации.

В сложившемся социальном партнерстве мы выделяем три типа институтов:

- государство;
- институт высшей школы;
- институт производства.

Их взаимодействие происходит на смежных институциональных полях, актуальное значение которых возрастает, если принципы коммуникации между сторонами имеют партнерский характер.

Чтобы понять, насколько это действительно так, необходимо обратиться к признакам социального партнерства, которые уже были выделены на примере изучения сложившихся взглядов и теорий. К ним относятся равноправие сторон, диалогичность, общность интересов, единство целей, свобода в принятии решений. *Равноправие сторон* предполагает, что стороны социального партнерства имеют равный объем прав и обязанностей, что, очевидно, должно стать объектом заботы со стороны государства как актора, устанавливающего формальные правила для всех участников. *Диалогичность* подчеркивает готовность к обсуждению договорных условий, определяющих сам предмет партнерских отношений. В процессе диалога могут применяться не только формальные ограничения, но и выработаться неформальные практики, учитывающие индивидуальные интересы социальных акторов. *Общность интересов* возникает на основе единства целей, и из этого следует, что у государства, работодателей и университетов, осуществляющих подготовку по инженерно-техническим специальностям, имеются при заключении договора о социальном партнерстве общие целевые векторы. Вне всяких сомнений, дефицит заинтересованности с неизбежностью трансформирует партнерство совсем в другой тип взаимодействия, имеющий сходства или прямо тождественный действию по принуждению. *Единство целей* связано с пониманием не только желаемого результата, равноценного для всех сторон, но и признании рациональным того расхода ресурсов, которые требуются для достижения общих целей. И, наконец, *свобода в принятии решений* характеризует партнерство в ракурсе наличия свободы воли как условия независимости в принятии решений. Исключение этого качества выстраивает коммуникацию в режиме давления на одну из сторон, что объективно порождает опасения относительно недостижения целей профессиональной социализации, поставленных перед социальным партнерством.

Здесь, в теоретической части, вряд ли имеет смысл делать какие-либо категорические утверждения. Но в эмпирическом разделе мы к данным характеристикам вернемся. Если какие-то из этих признаков окажутся экзогенными тому типу отношений, который формируется между государством, университетами и работодателями, то можно подвергнуть сомнению наличие, собственно, самих партнерских связей, а, следовательно, выйти на ориентировочные позиции, на которых возникнет ясность относительно возможных предложений и рекомендаций.

Любое социальное партнерство, и партнерство, нацеленное на профессиональную социализацию студентов, не исключение, направлено на реализацию социально значимых функций.

Если отталкиваться от действующих институциональных практик, то каждый из институтов играет свою роль в социальном партнерстве. Начнем с государства, т.к. ему отводится приоритет.

Государство устанавливает формальные правила, регулирующие механизм профессиональной социализации студентов в системе высшего образования. Как гарант качества, оно принимает федеральные государственные образовательные стандарты, определяющие общие условия для профессиональной социализации. В них утверждаются формы образовательного процесса, виды образовательных технологий, сроки получения образования, объемы учебного времени, области профессиональной деятельности, структура образовательной программы, требования к результатам освоения программы, содержание профессиональных и иных компетенций. Особо следует отметить, что именно во ФГОСах определены специальные условия для профессиональной социализации студентов, на основании которых университеты обязаны вступать в непосредственное социальное партнерство с работодателями. К ним относятся: виды производственных практик, выполняющих важнейшую функцию по формированию профессиональных навыков; указание на объем от общей численности педагогических работников, который должен отводиться для преподавательской деятельности сотрудникам предприятий, выступающих в качестве профильных для реализуемой образовательной программы; необходимость участия работодателей в оценке качества образовательной деятельности в ходе процедуры аккредитации университетов; обязанность образовательной организации проводить итоговую государственную аттестацию с непременным участием потенциальных работодателей, что, как правило, проявляется в форме назначения председателем комиссии по защите ВКР руководителя профильного предприятия.

В системе социального партнерства базовая функция *университета*, как это следует из сформулированных государством во ФГОСах обязанностей, состоит в реализации профессионального обучения. На вуз возлагается обязанность квалифицированно подготовить выпускника, научив его профессионально значимым знаниям и умениям. Этому посвящена большая часть образовательных программ, устанавливающих стандарты качества для подготовки выпускников по инженерно-техническим специальностям. Да и сами преподаватели приоритетно настроены на обучение в теоретическом аспекте, т.к. в силу своей профессиональной деятельности к практике чаще всего имеют опосредованное отношение.

Роль *работодателя* заключается в реализации совместно с университетом производственной практики и профессионального трудоустройства. По определенным позициям (участие в образовательной деятельности, совместная разработка профессиональных компетенций и т.п.) имеется включенность также и в профессиональное обучение. Однако если для университета сотрудничество с профильными организа-

циями в целях содействия профессиональной социализации студентов выступает институциональной обязанностью, то работодатель взаимодействует с университетом на добровольных началах. Здесь важно понимать, насколько данное сотрудничество способно обеспечить успехи в профессиональной социализации.

Итак, сформулируем авторское определение социального партнерства, которое будет использоваться при дальнейшей работе в процессе проведения эмпирических исследований и анализа полученной базы данных. *Социальное партнерство* – это особая форма социального взаимодействия государства, университетов и работодателей на началах равноправия сторон, диалогичности, общности интересов, свободы в принятии решений с целью профессиональной социализации студентов, включающей в себя профессиональное обучение, производственную практику и профессиональное трудоустройство.

Проведенная работа с понятиями дает нам возможность сформулировать фундаментальный принцип, через который появится возможность оценивать качество профессиональной социализации студентов. Это *принцип комплементарности*. Профессиональная социализация едва ли окажется успешной, если хотя бы один из трех субъектов – государство, университет или работодатель, перестанут выполнять свои функции и связанные с ними нормативные предписания. Задача государства состоит в том, чтобы обеспечить другие стороны формальными правилами, отвечающими требованиям профессиональной социализации. Эти правила должны быть продуманными, работающими, адекватными основным целям, которые стоят перед высшей школой и технологическим производством. Университету вменяется обязанность реализовывать по принятым стандартам качества профессиональное обучение и частично привлекать к нему работодателя. Работодатель не имеет каких-либо прямых обязательств перед университетом, но если он вступил с ним в партнерское соглашение, то его миссия состоит в том, чтобы обеспечить студентам площадку для прохождения производственной практики, а далее трудоустроить после завершения профессионального обучения тех из них, кто показал готовность к деятельности на производстве в качестве инженера по полученной в процессе образования специальности. Работодатель в данной схеме с точки зрения гармонизации интересов является наиболее слабым звеном, т.к. участвует во взаимодействии главным образом на добровольных началах. Если государство и университеты – это акторы публичной политики и должны работать в режиме производства общественных благ, то производственное предприятие нельзя оценить столь однозначно. У него имеются свои частные интересы, формируемые логикой участия в статусе субъекта предпринимательской деятельности. Следовательно, добровольность участия работодателя в социальном партнерстве (а это обязательный признак) должна быть обеспечена в том числе за счет частного интереса. Таковым мы считаем заинтересованность в приобретении квалифицированных специалистов, частично уже прошедших на этом же предприятии вторичную социализацию. У работодателя появляется возможность формировать кадровый потенциал на перспективу, не делая при этом каких-либо обременительных финансовых вложений. Можно, опираясь на сложившийся и даже, в какой-то степени, неизбежный институциональный порядок, решить проблемы с кадровым обеспечением производственного цикла. В этом ракурсе принцип комплементарности фактически означает единство профессионального обучения, производственной практики и профессионального трудоустройства в условиях социального партнерства государства, университета и работодателя для реализации задач профессиональной социализации студентов.

И в завершении определимся с эмпирическими индикаторами. Они фактически сформулированы и неоднократно упоминались в тексте в процессе структурирования предмета исследования. Это профессиональное обучение, производственная практика и профессиональное трудоустройство.

Далее, применяя выделенные индикаторы, представим результаты эмпирического исследования. Каждый эмпирический индикатор будет отражен в одной из трех таблиц.

Профессиональное обучение. Из всего массива вопросов для характеристики заявленной позиции мы выбрали сопряжение двух переменных: «Вызывает ли у Вас интерес учеба по избранной специальности?» и «Оцените уровень преподавательского мастерства и программно-технического обеспечения Вашего вуза для овладения специальностью?». Их выбор обусловлен следующим. Во-первых, для обучения будущих инженеров огромную роль играет такой образовательный ресурс, как программно-техническое обеспечение. В настоящее время без него невозможно готовить специалистов по инженерных специальностям. Во-вторых, современная техника раскроет свой образовательный потенциал только при умелом ее использования преподавательским составом. Что касается второй переменной, то она принята в целях дифференциации студентов по значимым для учебной деятельности позиции.

Таблица 1

Сопряжение переменных «Вызывает ли у Вас интерес учеба по избранной специальности?» и «Оцените уровень преподавательского мастерства и программно-технического обеспечения Вашего вуза для овладения специальностью?», в %

Вызывает ли у Вас интерес учеба по избранной специальности?	Оцените уровень преподавательского мастерства и программно-технического обеспечения Вашего вуза для овладения специальностью?			
	Техника старая и ее недостаточно для проведения практических занятий, а программное обеспечение устаревшее	Программно-техническое обеспечение отвечает задачам, но не высок уровень преподавателей	Преподаватели, в целом, соответствуют уровню, а вот программно-техническое обеспечение нет	Уровень преподавательского мастерства и программно-технического обеспечения отвечает моим представлениям о качестве обучения
Мне всегда интересно на занятиях	10,5	4,0	16,3	69,2
Занятия чаще всего вызывают у меня интерес	11,2	7,3	34,9	46,5
Мне, как правило, на занятиях скучно	18,4	12,6	49,5	19,4
Я во всём разочаровался (разочаровалась)	27,1	16,7	29,2	27,1
Всего	12,1	6,8	28,4	52,6

В целом, общая ситуация для профессионального обучения благоприятна в отношении преподавательского ресурса и в чуть меньшей степени выраженности для программно-технического обеспечения. Однако в отношении последнего аспек-

та нельзя не заметить, что более сорока процентов опрошенных выбрали варианты, свидетельствующую о низком уровне подкрепления образовательного процесса техническими и программными ресурсами. Это говорит о наличии довольно серьезных проблем в отношении подготовки кадров. Кроме того, высокие показатели оценки поддерживаются за счет первых двух групп, где высокий уровень общей удовлетворенности образовательным процессом. Там же, где он воспринимается не столь позитивно, отрицательные суждения выстраиваются как применительно к образовательным, так и программно-техническим ресурсам.

Производственная практика. Применительно ко второму индикатору было выбрано сопряжение переменных с целью выявить взаимосвязь между объемом времени для производственной практики и степенью удовлетворенности производственной практикой.

Таблица 2

Сопряжение переменных «Достаточный ли объем времени уделяется производственной практике в учебном плане?» и «Была ли полезной производственная практика для Вашего профессионального развития?», в %

Достаточный ли объем времени уделяется производственной практике в учебном плане?	Была ли полезной производственная практика для Вашего профессионального развития?			
	Да, я многому там научился	Трудно сказать, не могу оценить однозначно	Нет, на производственной практике мы были никому не нужны	Практику прошел формально, предпочтя справку
Да, практика – это хорошо, но обучение в вузе важнее	67,7	25,1	5,5	1,7
Да, я овладел(а) необходимыми навыками	71,8	24,0	2,6	1,6
Нет, за такой короткий срок практически-ми навыками овладеть невозможно	32,0	46,1	17,4	4,5
Сколько времени ей не отводи, мы там всё равно никому не нужны	5,4	31,5	50,8	12,3
Мне всё равно, я не планирую работать по специальности	6,7	51,1	26,7	15,6

Полученные данные показывают четкую взаимосвязь по двум позициям. Первая из них заключается в том, что результативность практики зависит от объема уделяемого ей времени. Очевидно, что речь идет не столько об обязательном, сколько о реальном отбывании полезного времени на производстве. Там, где студентов устроили на постоянную работу и где ими занимались, показатель полной удовлетворенности достигает 71,8%. Но есть и другой полюс не результативности производственной практики для профессиональной социализации. В группе респондентов, в которой выбрали заданное значение «сколько времени ей не отводи, мы там всё равно никому не нужны», полная удовлетворенность достигает всего лишь 5.4%. Это означает, что успех профессиональной социализации напрямую зависит как от времени работы на производственной практике, так и от заинтересованности администрации предприятий в студентах-практикантах.

Профессиональное трудоустройство. По третьему индикатору мы хотим показать взаимосвязь между желанием выбрать работу по специальности и удовлетво-

Таблица 3

Сопряжение переменных «Планируете ли Вы работать по приобретенной в вузе специальности?» и «Хотели бы Вы работать там, где проходили производственную практику?», в %

Планируете ли Вы работать по приобретенной в вузе специальности?	Хотели бы Вы работать там, где проходили производственную практику?			
	Да, для меня очень важно работать по специальности	Да, там отнеслись ко мне со вниманием, и я могу реализовать себя как профессионал	Нет, хотелось бы работать по специальности, но в другом месте	Нет, я не планирую работать по специальности
Да, приложу к этому необходимые усилия	59,7	32,8	23,6	1,9
Да, если будет такая возможность	30,0	39,5	42,4	1,9
Нет, я разочаровался в своей профессии	10,3	13,8	36,2	55,2
Нет, мне просто нужен диплом о высшем образовании	8,9	5,1	24,1	72,2

ренностью производственной практикой. Иными словами, нам будет важно понять влияние производственной практики на трудоустройство выпускников. Этот показатель имеет значение в контексте эффективности мер по профессиональной социализации студентов.

Наиболее примечательный результат в таблице 3 состоит в том, что более трети студентов, которые заявили о своем разочаровании в профессии и выразили намерение не работать по специальности, в рамках другого вопроса выбрали заданное значение «нет, хотелось бы работать по специальности, но в другом месте». Здесь читается не столько исходное нежелание работать в рамках избранной профессии, сколько негативное влияние первого опыта профессиональной деятельности на производственной практике. По этому результату можно увидеть то, какую большую роль в профессиональной социализации способна играть производственная практика. Ещё очень важно, что в группе разочарованных в профессии лишь 13,8% указали на то, что работодатель «отнесся к студентам со вниманием».

Заключение

В качестве методологической базы определен неинституциональный подход. На его основе были операционализированы базовые понятия: профессиональная социализация, социальное партнерство, субъекты социального партнерства. *Профессиональная социализация* – готовность выпускника технического вуза к профессиональной деятельности на производстве в статусе инженера по полученной в процессе образования специальности. *Социальное партнерство* определено как особая форма социального взаимодействия государства, университетов и работодателей на началах равноправия сторон, диалогичности, общности интересов, свободы в принятии решений с целью профессиональной социализации студентов, включающей в себя профессиональное обучение, производственную практику и профессиональное трудоустройство. Ведущие субъекты социального партнерства – министерство науки и высшего образования, университеты и работодатели. Минобрнауки

создают формальные институциональные ограничения, университеты отвечают за профессиональное обучение, а работодатели реализуют производственную практику (совместно с университетами) и профессиональное трудоустройство (совместно с университетами или без их участия). Эти субъекты заинтересованы в институциональном взаимодействии, т.к. от того, насколько оно окажется продуктивным, зависит эффективность профессиональной социализации выпускников.

Для проверки данной гипотезы было проведено эмпирическое исследование. В качестве эмпирических индикаторов были определены три позиции: 1) профессиональное обучение, 2) производственная практика и 3) профессиональное трудоустройство. На этих трех маркерах происходит пересечение коммуникативных траекторий и определение взаимных обязанностей и потребностей субъектов институционального взаимодействия.

Полученные результаты подтвердили высказанную гипотезу. Эффективность профессиональной социализации студентов технических вузов Ростовской области зависит от того, насколько сложившееся социальное партнерство государства, университетов и работодателей отвечает его основным признакам: равноправие сторон, диалогичность, общность интересов, единство целей, свобода в принятии решений. Там, где эти признаки нарушаются, имеет место снижение качества профессиональной социализации.

Литература

- Кагитина, И.В. (2008). Профессиональная социализация студентов медицинских вузов: автореф. дис. ...канд. социол. наук. Волгоград.
- Ковалев, В.В., Дятлов, А.В., Воденко, К.В. (2020). Оценка качества онлайн образования (по материалам фокусированных интервью в студенческих группах). *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института)*, 13(3), 6-14.
- Колодницкая, О.А. (2016). Социально-педагогическое партнерство вуза и работодателей как основа профессиональной социализации студентов. *Перспективы науки*, 12, 61-64.
- Мишина, Е.Н. (2018). Профессиональная социализация студентов в условиях социального партнерства. *Конференциум АСОУ: сборник трудов*, 4, 355-359.
- Разуваев, С.Г., Разуваев, И.С. (2014). Профессиональная социализация и профессиональное самоопределение обучающихся в многоуровневом образовательном комплексе. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 4, 99-102.
- Югфельд, Ю.А. (2015). Модель профессиональной социализации студента в условиях социального партнерства. *Интернет-журнал «Науковедение»*, 7 (4).

References

- Kagitina, I.V. (2008). Professional socialization of medical students: diss. cand. of sociological sciences. Volgograd.
- Kovalev, V.V., Dyatlov, A.V., Vodenko, K.V. (2020). Assessing the quality of online education (based on the materials of focused interviews in student groups). *Vestnik of the South Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute)*, 13(3), 6-14.
- Kolodnitskaya, O.A. (2016). Socio-pedagogical partnership of university and employers as a basis for professional socialization of students. *Perspectives of Science*, 12, 61-64.
- Mishina, E.N. (2018). Professional socialization of students in the conditions of social partnership. *ASOU conference: collection of papers*, 4, 355-359.
- Razuvaev, S.G., Razuvaev, I.S. (2014). Professional socialization and professional self-determination of students in a multilevel educational complex. *Azimut scientific research: pedagogy and psychology*, 4, 99-102.
- Yugfeld, Y.A. (2015). Model of professional socialization of the student in the conditions of social partnership. *Internet-journal «Naukovedenie»*, 7 (4).

Дата получения рукописи: 17.11.2022

Дата окончания рецензирования: 05.12.2022

Дата принятия к публикации: 10.12.2022

Информация об авторе

Лазарева Галина Юрьевна – аспирант Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова, Ростовская область, г. Новочеркасск, Россия; e-mail: gmu-npi@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Lazareva Galina Yurievna – Postgraduate student, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Rostov region, Novocherkassk, Russia, e-mail: gmu-npi@yandex.ru

The author has no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Научная статья

УДК 316.4

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.4.12

EDN XPXFТА

**Экологические практики молодежи в сфере потребления:
аспекты актуализации проблемы****Вера А. Захарова¹**

¹Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, г. Симферополь, Россия
e-mail: zakharova7vera@mail.ru

Аннотация

Введение. В современном российском обществе актуализируется проблема системного изучения экологических практик молодежи в сфере потребления, в частности, таких факторов их формирования и развития, как доступность и информированность.

Методы. В статье проводится социологическая рефлексия факторов формирования и развития экологических практик молодежи в сфере потребления, с привлечением данных о результатах ряда социологических исследований, проведенных в России в 2014-2019 гг.

Основные положения. Экологические практики являются структурным элементом экологического поведения, представляя собой целенаправленные и осмысленные действия индивидов, направленные на преобразование природной среды либо на поддержание в состоянии, достаточном для естественного воспроизведения её основных параметров. Одной из самых распространенных разновидностей экологических практик молодежи являются практики потребления, представленные разными уровнями экологической осознанности потребления, которая зависит как от доступности, так и от уровня информированности о товаре и производителе. Экономическая составляющая экологической мотивации также продолжает оставаться весьма значимой для молодых людей в конкретной ситуации экологического выбора.

Ключевые слова: молодежь; потребление; экологичность; экологическое поведение; экологические практики.

Для цитирования: Захарова В. А. (2022). Экологические практики молодежи в сфере потребления: аспекты актуализации проблемы. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). С. 120-125. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.12>

**Ecological Practices of Youth in the Sphere of Consumption:
Aspects of Actualization of the Problem****Vera A. Zakharova¹**

¹Crimean Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences,
Simferopol, Russia
e-mail: zakharova7vera@mail.ru

Abstract

Introduction. In modern Russian society, the problem of a systematic study of the environmental practices of young people in the sphere of consumption is actualized, in particular, such factors of their formation and development as accessibility and awareness.

Methods. The article provides a sociological reflection of the factors of formation and development of environmental practices of young people in the sphere of consumption, using data on the results of a number of sociological studies conducted in Russia in 2014-2019.

Key points. Ecological practices are a structural element of ecological behavior, representing purposeful and meaningful actions of individuals aimed at transforming the natural environment or maintaining it in a state sufficient for the natural reproduction of its main parameters. One of the most common types of environmental practices of young people is consumption practices, represented by different levels of environmental awareness of consumption, which depends both on accessibility and on the level of awareness about the product and manufacturer. The economic component of environmental motivation also continues to be very significant for young people in a particular situation of environmental choice.

Keywords: youth; consuming; environmental friendliness; environmental behavior; environmental practices.
For citation: Zakharova V. A. (2022). Ecological Practices of Youth in the Sphere of Consumption: Aspects of Actualization of the Problem. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). С. 120-125. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.12>

Введение

Экологические практики являются структурным элементом экологического поведения, представляя собой целенаправленные и осмысленные действия индивидов, направленные на преобразование природной среды либо на поддержание в состоянии, достаточном для естественного воспроизведения её основных параметров. Участие молодежи в экологических практиках можно рассматривать как форму её социализации, когда инициация или организация таких практик непосредственно связана с деятельностью институтов управления, образования, культуры. В этом случае, как правило, сильна нормативная составляющая, проявляющаяся в четких границах ожидаемого поведения, санкциях за нарушения экологических норм и не всегда предоставляющая возможность расширенного ценностного обоснования. В основе подобных практик чаще всего не фиксируется чисто экологических ценностных ориентаций или альтруистической мотивации, однако они характеризуются достаточным уровнем стандартизации, возможностями для воспроизводства и популяризации.

С другой стороны, экологические практики могут складываться в процессе удовлетворения нужд потребления, духовных потребностей, личного досуга. При таком формате обнаруживается больше возможностей выйти за пределы антропоцентрической ценностной ориентации, однако меньше ресурсов для придания масштабности и системности экологическим практикам и связанному с ними социальному контролю.

Основные положения

Наряду с растущим беспокойством россиян, и, в частности, их новой генерации, по поводу ухудшения качества природной среды, расширяется и спектр доступных либо в принципе возможных для осуществления экологических практик.

Наиболее популярными и массовыми являются экологические практики, связанные с аспектами потребления, экологическую окраску которого принято передавать через концепт «ответственное потребление», а также «зеленый консьюмеризм». Ответственным потребителем может быть как индивид, экономно расходующий ресурсы и выбирающий товары по принципу их экологичности, так и компания, внедряющая ресурсосберегающие технологии в производственный цикл или корпоративную культуру.

Важнейшим сегментом ответственного потребления сегодня являются проекты, связанные со снижением нагрузки на природную среду в сфере товаров и услуг, на популяризацию такого поведения коммерческими и общественными организациями. Спектр задействованных в этом процессе компаний на сегодняшний день чрезвычайно велик, но наиболее востребованной для молодёжи, безусловно, является сфера производства и продажи одежды и аксессуаров, а также продуктов питания. Экологические практики могут проявляться в приобретении экологичных продуктов питания, выборе экологичной упаковки либо отказе от упаковки в принципе, предпочтении эко-брендов в одежде, передаче и приобретении одежды для вторичного использования или переработки. Подобные практики до сих пор довольно сильно зависят от моды, однако именно они влияют на постепенное утверждение в молодежной среде неприятия изделий из меха, одежды из тканей, на производство которых тра-

тится больше ресурсов и т.д. Однако, данные процессы не могут развиваться бесконтрольно, т.к. получает распространение такая девиация экологического поведения, как «гринвошинг», или «зеленый камуфляж» – имитационная практика, состоящая в позиционировании бренда или компании как «eco-friendly» без наличия для этого оснований.

Среди главных мотивационных механизмов для молодёжи, как показали данные опроса социологического центра «Шанс», – уверенность в эффективности экологической деятельности (так ответило 27% опрошенной российской молодёжи). Материальная выгода также интересует молодёжь (17%), как и определенные предпочтения в виде льгот и компенсаций (13%) (Социологическое исследование..., 2019). Такие результаты в целом созвучны результатам нашего исследования среди студенческой молодежи Юга России (Захарова, 2021), позволившим сформировать характеристики самого распространенного типа экологического поведения среди молодёжи – формально-декларативного, а также сопоставить его с сознательно-ответственным типом.

Для данного типа характерно сочетание неэкономических и экономических мотивационных механизмов: уверенность в том, что экологическая деятельность приносит пользу и возможность экономической выгоды. Личное участие в экопрактиках представителей данного типа ограничивается индивидуальными формами участия (выбор экологически безопасной упаковки, отказ от использования вредной бытовой химии, сбор макулатуры). Т.е. данный тип на оценочно-декларативном уровне осознает и адекватно оценивает экологическую ситуацию и экологические риски, но на оценочно-деятельностном уровне его действия и мотивы ограничены определенными условиями (как, например, уверенностью в пользе своих действий или экономической выгодой) (Захарова, 2021).

У носителей сознательно-ответственного типа экологического поведения экономическая мотивация для участия в экологических практиках тоже присутствует, но не выступает решающим барьером на пути такого участия, так как «перекрывается» чувством личной ответственности и ответственности каждого человека за состояние природной среды.

Одной из самых больших проблем на пути ответственного потребления молодые люди называют дороговизну большинства экологичных товаров и услуг по сравнению с менее экологичными или вовсе опасными для природной среды. В качестве показательного примера можно вспомнить попытку компании Asus в начале 2000-х ввести в торговый оборот EcoBook – ноутбук с корпусом из бамбука. Данная модель стоила в 10 раз дороже обычного ноутбука и массовости в выборе потребителями производители так и не добились, несмотря на большой интерес к продукту. Вторая проблема обозначилась в процессе исследования как недостаточная информированность молодежи об имеющихся в регионе и стране практиках экологичного потребления. Формула «кто-то не может, а кто-то не знает», подтверждает актуальность выводов П. Стерна о том, что в деле формирования позитивного экологического поведения доступность экологических практик, не подкрепленная информированностью, не принесет желаемых результатов, но и информированность при отсутствии доступных (не обязательно экономически, но и физически) практик также мало влияет на изменения в поведении (Stern, 2000). Именно поэтому ученый неоднократно обращается к проблеме комплексного подхода к формированию предрасположенности к выбору экологических практик с учетом мелочей – когда учитываются такие факторы, как доступность определенного формата поведения, информированность о нем или о причинах его экологической приоритетности, возможность получения вы-

год от данного выбора (личных, либо для будущих поколений), возможность увидеть непосредственный позитивный эффект от экологических действий, воздействие рекламы и формирование модных тенденций, и вплоть до подбора наиболее приятной цветовой гаммы для оформления контейнеров для сортировки мусора и оптимально удобного времени его вывоза.

Внимание к фактору информированности актуализуется также потому, что на сегодняшний день в сфере потребления товаров и услуг экологические практики различаются в зависимости от уровня осознанности экологического потребления, а также «сложности» самой информации о экологичности того или иного продукта. Эта сложность может быть связана как с необходимостью знакомиться с значениями эко-маркировок на упаковке и сохранять эти знания, так и с объективной возможностью проследить экологический след конкретной компании-производителя. Иными словами, можно выделить несколько уровней экологического потребления, и если начальный уровень основан на непосредственном ситуативном выборе экологически чистых товаров (в основном, по мотивам пользы для собственного здоровья), то на более высоком уровне наблюдается осознанная экологизация потребления, уже по мотивам пользы для окружающей среды, или, по крайней мере, наименьшего вреда для нее. Осознанная экологизация подразумевает «...предпочтение товаров, произведенных без нанесения ущерба среде или обещающих быстрый распад после использования. Наконец, экологически сознательные потребители отдают предпочтение товарам, произведенным фирмами, известными как производства, участвующие в экологизации, хотя с конкретным товаром это и не было бы связано» (Якобсон, Бацюн, 2014).

Наблюдается также своеобразный парадокс. С одной стороны, «экологическая полезность становится новым критерием выбора товаров и важным параметром предложения. На первое место выступают такие аспекты изделий, как их низкая энергоемкость, экологическая чистота производства и потребления. Национальные и международные экологические стандарты ориентируют на внедрение современных технологий производства в различных отраслях. Наиболее остро эти требования звучат в автомобилестроении и производстве бытовых электроприборов. Экологическое сознание потребителя корректирует цели и стратегии производителей» (Трофимова, 2014). Молодёжь находится в первых рядах социальных агентов, осваивающих новые экологические стандарты в повседневной жизни.

С другой стороны, во всё увеличивающемся предложении отсутствует составляющая экономической выгоды, экономии, что делает выбор экологичного товара или услуги актом сознательного ущемления собственных экономических интересов. То есть, данная схема не укладывается до конца ни в концепцию устойчивого потребления, ни в категорию экологического альтруизма, внося дополнительный дисбаланс в и без того нестойкую конструкцию экологического потребления в нашей стране.

При этом экономические последствия внедрения некоторых экологических практик вызывают отчасти пассивное сопротивление и недовольство в молодёжной среде. Наиболее чувствительное напряжение, например, по вопросам отдельного сбора ТКО, напрямую связано с нежеланием молодых людей оплачивать из собственного кармана («кем-то придуманные») экологические инновации. Можно привести пример опроса молодежи Кубани: при «скорее отрицательном, чем положительном» отношении к программе доля нежелающих платить больше за коммунальные услуги составила 100 %, при «нейтральном» – 61,8 %, при «скорее положительном, чем отрицательном» – 44,9 % и при «положительном» – 41,7 % опрошенных. Чем лучше респонденты относятся к программе отдельного сбора ТКО, тем чаще они соглашаются

на экономические компромиссы. Тем не менее даже положительное отношение к экологическим инновациям, о чем говорят представленные данные, еще нельзя считать гарантией готовности молодежи нести дополнительные расходы за «раздельный сбор бытового мусора» (Пупкова, 2019). В данной связи важно отметить, что определенного рода отторжение экологических инноваций во многом вызвано общим, в том числе и информационным фоном «сложной» экологической ситуации в нашей стране и дефицитом справедливого наказания в отношении лиц, совершающих масштабные экологические преступления.

В данной связи также возникает вопрос об информированности молодежи относительно экологической ситуации в обществе, в конкретном регионе, о тех или иных мероприятиях экологической направленности, о состоянии окружающей среды. Важно также знать, на какие источники прежде всего ориентируется молодежь с целью получения информации об окружающей среде, экологической ситуации в регионе, стране в целом. Данные ВЦИОМ (2019 г.) показывают, что молодые люди наиболее активно пользуются социальными сетями для получения информации о состоянии окружающей среды в своем регионе: 63% в возрасте 18-24 лет (63%) и 57% в возрасте 25-34 лет, но с возрастом россияне предпочитают ТВ и газеты в качестве источников информации об окружающей среде (ВЦИОМ, 2019).

Сказанное выше подчеркивает важность системного подхода к формированию комплекса экологических практик молодежи в сфере потребления, включающего как компонент доступности, так и информированности о экологическом имидже товара и производителя и экологической ситуации в стране и регионе в целом.

Заключение

Наибольшее распространение среди современной российской молодежи приобретают экологические практики, связанные с потреблением товаров и услуг. Потребительский характер экологических практик чаще всего связан с выбором экологически-чистых, натуральных товаров, причём более высокий уровень подобных практик включает в себя мониторинг производителей (товаров, брендов и услуг) на предмет их экологического имиджа.

Экологические практики в сфере потребления также способны реализовывать функции социальной рекламы, продвижения особых стилей жизни и поведенческих стратегий, выступать важным драйвером пропаганды образа жизни, объединяя представителей молодёжи с разным уровнем достатка. Однако экономическая составляющая экологической мотивации продолжает оставаться если не главной, то весьма значимой для молодых людей.

Вместе с тем, важно отметить, что экологические практики молодёжи не носят системного характера, не являются имплементированными в повседневность и пока не стали габитусом социального поведения. Будучи экономически детерминированными, экологические практики оформляются в принципиально иной мотивационный и содержательный формат, который воспринимается молодыми людьми в реалиях рыночного общества (своей социализационной среды) естественным и востребованным.

Литература

- Захарова, В. А. (2021) Высшее образование в системе развития экологического поведения российской молодежи. *Гуманитарий Юга России*, 10(3), 128-137. DOI: 10.18522/2227-8656.2021.3.10
- Пупкова, Ю. В. (2019). Отношение молодёжи к проэкологическим практикам раздельного сбора твердых коммунальных отходов. *Общество: социология, психология, педагогика*, 4(60), 41-46.
- Трофимова, Я.В. (2014). Формирование экологического поведения потребителя. *Педагогический журнал Башкортостана*, 2(51), 62-71.

Якобсон, А.Я., Бацун, Н.В. (2014). Экологические аспекты качества жизни. *Вестник Иркутского государственного технического университета*, 5(88), 211-215.

Stern, P. C. (2000). Toward a coherent theory on environmentally significant behavior. *Journal of Social Issues*, 56, 407-424.

ВЦИОМ. Новости: Экологическая повестка: за десять месяцев до выборов в Госдуму. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/ehkologicheskaja-povestka-za-desjat-mesjacev-do-vyborov-v-gosdumu>

Социологическое исследование «Экологическая культура молодежи» в 2019 году. Режим доступа: <http://dmoshans.ru/shans-press/sociologicheskie-issledovaniya/sociologicheskoy-issledovanie-ekologicheskaya-kultura-molodezhi-v-2019-godu/>

References

Pupkova, Yu. V. (2019). The attitude of young people to pro-environmental practices of separate collection of municipal solid waste. *Society: sociology, psychology, pedagogy*, 4(60), 41-46.

Stern, P. C. (2000). Toward a coherent theory on environmentally significant behavior. *Journal of Social Issues*, 56, 407-424.

Trofimova, Ya.V. (2014). Shaping consumer's environmental behavior. *Pedagogical Journal of Bashkortostan*, 2(51), 62-71.

Yakobson, A.Ya., Batsyun, N.V. (2014). Environmental aspects of the quality of life. *Bulletin of the Irkutsk State Technical University*, 5(88), 211-215.

Zakharova, V. A. (2021). Higher education in the development of environmental behavior of Russian youth. *Humanitarian of the South of Russia*. 10(3), 128-137. DOI: 10.18522/2227-8656.2021.3.10.

Sociological study «Ecological culture of youth» in 2019. Available at: <http://dmoshans.ru/shans-press/sociologicheskie-issledovaniya/sociologicheskoy-issledovanie-ekologicheskaya-kultura-molodezhi-v-2019-godu/>

VCIOM. News: Environmental agenda: ten months before the elections to the State Duma. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/ehkologicheskaja-povestka-za-desjat-mesjacev-do-vyborov-v-gosdumu>

Дата получения рукописи: 13.11.2022

Дата окончания рецензирования: 22.11.2022

Дата принятия к публикации: 27.11.2022

Информация об авторе

Вера Александровна Захарова – кандидат философских наук, ученый секретарь, Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Симферополь, Россия, e-mail: zakharova7vera@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Zakharova Vera Aleksandrovna – Candidate of Philosophical Sciences, Scientific Secretary, Crimean Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia, e-mail: zakharova7vera@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.614

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.4.13

EDN XTJZVD

**Деструктивное влияние интернета на поведение несовершеннолетних:
результаты эмпирического исследования****Светлана Е. Титор¹**¹Государственный университет управления, г. Москва, Россия
e-mail: setitor@mail.ru**Татьяна Н. Каменева²**²Государственный университет управления, г. Москва, Россия
e-mail: mailto:mkalibri0304@yandex.ru**Аннотация**

Введение. Актуальность статьи заключается в том, что в настоящее время наблюдается значительное расширение деструктивного контента интернета, что находит непосредственное отражение на поведении детей и подростков.

Методы. Авторами приводятся результаты социологического исследования педагогических работников «Влияние информационной среды на детей и подростков», (N= 7204), проведенного в 28 населенных пунктах России в период августа-сентября 2022 года), выполненного в рамках экспертно-аналитического исследования «Анализ зарубежного опыта нормативного правового регулирования и выработка законодательных инструментов защиты несовершеннолетних от деструктивной информационной среды».

Результаты и обсуждение. Анализ результатов исследования позволил установить наиболее распространенные виды деструктивного влияния информационной среды на детей и подростков: кибербуллинг, преследование негативными сообщениями, социальное бойкотирование, публикация и рассылка контента интимного характера; привлечение к суицидальным сайтам и др. Определены критерии диагностики состояний ребенка, свидетельствующих о том, что он подвергается деструктивному влиянию со стороны Интернета. Установлено, на основе анализа мнений педагогических работников, что наиболее распространёнными формами девиантного поведения детей и подростков, являющихся следствием негативного влияния интернета выступают нежелание учиться, грубость, нецензурная лексика, курение, неподчинение, критика взрослых, протесты, неподчинение учителям и родителям, вызывающий внешний вид, макияж, унижение одноклассников и других школьников, драки, употребление алкоголя, воровство, употребление наркотических средств, сожительство и склонение к нему, побеги из дома.

Ключевые слова: Интернет; деструктивное влияние; несовершеннолетние; девиантное поведение.

Для цитирования: Титор С.Е., Каменева Т. Н. (2022). Деструктивное влияние интернета на поведение несовершеннолетних: результаты эмпирического исследования. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). С. 126-135. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.13>

**Destructive influence of the Internet on behavior of minors:
results of empirical study****Svetlana E.Titor¹**¹State University of Management, Moscow, Russia
e-mail: setitor@mail.ru**Tatiana N. Kameneva²**²State University of Management, Moscow, Russia
e-mail: kalibri0304@yandex.ru**Abstract.**

Introduction. The relevance of the article lies in the fact that at present there is a significant expansion of the destructive content of the Internet, which is directly reflected in the behavior of children and adolescents.

Methods. The authors present the results of a sociological study of pedagogical workers “The influence of the information environment on children and adolescents” (N= 7204), conducted in 28 settlements of Russia in the period August-September 2022.

Results and its discussion. Analysis of the results of the study made it possible to identify the most common types of destructive influence of the information environment on children and adolescents: cyberbullying, harassment with negative messages, social boycott, publication and distribution of intimate content; attraction to suicidal sites, etc. The criteria for diagnosing the conditions of the child, indicating that he is subjected to destructive influence from the Internet, are determined. It has been established on basis of the analysis of pedagogical workers’ opinions, that most common forms of deviant behavior of children and adolescents, which are result of the negative influence of the Internet, are unwillingness to learn, rudeness, obscene language, smoking, criticism of adults, protests, disobedience to teachers and parents, defiant appearance, make-up, humiliation of classmates and other schoolchildren, fights, alcohol consumption, theft, drug use, cohabitation and inclination to it, running away from home.

Keywords: Internet; destructive influence; minors; deviant behavior.

For citation: Titor S.E., Kameneva T. N. (2022). Destructive influence of the Internet on behavior of minors: results of empirical study. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). С. 126-135. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.13>

Введение

Одним из следствий развития процессов информатизации стало повышение роли средств массовой информации в жизни современных людей. Масс-медиа во многом заменили межличностное общение в роли основного источника получения адаптивно-значимой информации. В настоящее время они оказывают определяющее влияние на мировоззрение людей и играют роль агентов социализации.

Необходимо учитывать, что интернет как средство социальной коммуникации оказывает как положительное влияние на современных детей и подростков, так и имеет негативные последствия.

Возрастание влияния Интернета на общественное сознание несет в себе потенциальную угрозу, связанную с распространением ими негативной общественно опасной информации. Наибольшую опасность она представляет для детей в силу особой уязвимости их психики от деструктивного информационного воздействия.

Актуальность защиты несовершеннолетних от деструктивной информации достаточно велика, так как в современном мире технологии заняли передовую позицию в жизни детей, заменяя не только живое общение, но и перенося всю жизнь молодого человека в интернет-пространство. Так, например, современные дети достаточно много времени проводят в социальных сетях, заводят там друзей, формируют практики подражания, что, в свою очередь, оказывает влияние на процесс воспитания. Интернет среда далеко не всегда безопасна, отсутствие действенного механизма, ограждающего от получения негативной информации, еще в большей степени усугубляет небезопасность жизнедеятельности детей и подростков.

Также следует отметить, что изучение трансформации поведения несовершеннолетних под влиянием интернета актуально в современном обществе в связи с политическими, экономическими, моральными и нравственными изменениями в мире.

Стратегически важной задачей, стоящей перед современным обществом, является формирование условий, защищающих несовершеннолетних от деструктивного воздействия Интернет-среды. Данная проблема носит комплексный характер, что обуславливает привлечение к ее решению педагогического сообщества. Сегодня, в условиях все большего вовлечения несовершеннолетних в интернет-пространство, именно педагогические работники зачастую первыми сталкиваются с девиантными проявлениями в цифровой среде, последствия которых могут иметь крайне деструктивный характер, вплоть до самоубийства.

Методы

Проблемы деструктивного влияния информационной среды на поведение несовершеннолетних достаточно широко исследуются научным сообществом. Так, в работах Ю. С. Бутузовой и С. П. Акутиной обосновано применение бихевиористского подхода к объяснению трансформации поведения подростков под воздействием информационной среды. Авторы выделяют особенности изменения поведения подростков с позиций реакции на воздействие каких-либо социальных факторов (Бутузовой, Акутиной, 2021). Подростки, как наиболее подверженные воздействию информационной среды, склонны к смене поведения, более быстро перенимают негативный опыт.

Исследователями В. А. Беликовым, П. Ю. Романовым, О. Ю. Леушкановой, Н. С. Васевой обоснованы социальные, личностные и деятельностные факторы и причины десоциализации личности подростков под влиянием социальных сетей, определены подходы, основные направления разработки комплекса социальных и педагогических мер предупреждения десоциализации подростков. Авторы констатируют, что десоциализация связана с противоречием «между привлекательным информационным контентом, анонимностью необходимостью скрывать каждым свое «Я»» (Беликова, Романова, Леушкановой, Васевой, 2022). Особая роль в предупреждении десоциализации подростков отводится специальной подготовке педагогов с целью формирования у несовершеннолетних безопасных навыков работы в сети, цифровых компетенций.

Делинквентные формы поведения, скулшутинг, троллинг, буллинг как проявления деструктивного влияния информационной среды изучены С. А. Мартиросян, Г. К. Овруцкой, Н. А. Безвербной, И. В. Лесковой, П. А. Контанистовой, В. А. Щеповалиной. Авторы не только актуализируют данную проблему, но и определяют пути профилактики, как в семьях, так и в соответствующих образовательных организациях с целью обеспечения безопасности для несовершеннолетних (Мартиросян, Овруцкая, Безвербная, 2021; Лескова, Контанистова, Щеповалина, 2022; Zotov, Kameneva, Krivoukhov, 2018). Эвристичным для разработки мер регулирования использования Интернета несовершеннолетними является восстановительный подход по работе с подростками, попавшими в трудную жизненную ситуацию в результате деструктивного влияния интернет среды. Подход представляет собой теоретическую основу работы с подростками с девиантным поведением. (Кондрашкин, Хломов, 2012)

События последних дней в геополитической сфере, распространение фейков, информации угрожающего характера обуславливают необходимость исследования проблемы трансформации поведения несовершеннолетних под воздействием деструктивной информационной среды.

Эмпирическую базу исследования составили результаты социологического исследования, посвященного влиянию деструктивной информационной среды на детей и подростков, которое было проведено августе-сентябре 2022 г., N=30000¹. В исследовательском блоке «Влияние информационной среды на детей и подростков» приняли участие 7 204 респондентов – педагогических работников, в возрасте от 21 до 71 года. Географический охват исследования составил 28 населенных пунктов. Исследование проводилось по специально разработанной анкете, размещенной на сервисе ЯндексФормы, путем адресной рассылки анкеты.

¹ Экспертно-аналитическое исследование «Анализ зарубежного опыта нормативного правового регулирования и выработка законодательных инструментов защиты несовершеннолетних от деструктивной информационной среды» в соответствии с государственным контрактом №01731000096220000400001 (рук. Ф.Г. Мышко, исп. С.Е. Титор, Т.Н. Каменева и др.)

Результаты

Социальный портрет респондентов.

Респонденты, принявшие участие в опросе, находились в возрасте от 21 до 71 года. Средний возраст участников опроса составил 41 год. Педагогические работники имели различные специальности и должности: заместители директоров образовательных организаций, педагоги, учителя, социальные работники, мастера производственного обучения, вожатые.

Средний стаж педагогической деятельности респондентов составил: 20 лет, нижние и верхние границы находились в пределах от одного года до пятидесяти лет профессиональной педагогической деятельности.

Семейный статус педагогов, принявших участие в социологическом опросе, сложился следующим образом. Большинство респондентов состояли в первом браке – 57,5 %, были разведены – 13,1 %, никогда не состояли в браке – 10,5 %, состояли в повторном браке – 8,5 %, были вдовами/вдовцами – 6,3 %, жили в гражданском браке – 4,2 %.

Подавляющее большинство педагогических работников в своих семьях имели детей (однородные семьи – 46,3 %, воспитывали двоих детей – 43,1 %, троих – 7,9 %, четверых и более – 2,6 %)

Активное общение несовершеннолетних между собой исключительно в медиапространстве становится причиной утраты способности решать проблемы в личных беседах, развития коммуникативных барьеров. Современные исследователи указывают на стабильность проявления несовершеннолетними асоциальных черт поведения: безнадзорность, детская наркомания, алкоголизм, противоправное поведение, признаки суицидных наклонностей и т.д. (Кравченко Н.В., 2021)

Анализ данных исследования, проведенного среди педагогических работников относительно *распространенности различных форм девиантного поведения детей и подростков*, позволил получить следующие результаты.

В своей профессиональной деятельности педагогические работники сталкиваются с различными проявлениями отклоняющегося от норм поведения детей и подростков. Наиболее часто педагоги отмечали такие проявления, как:

- нежелание учиться – 51,9 %;
- грубость, нецензурная лексика – 47,1 %;
- курение – 35,4 %;
- неподчинение, критика взрослых – 31,1 %;
- протесты, неподчинение учителям и родителям – 25,3 %;
- вызывающий внешний вид, макияж – 24,3 %;
- унижение одноклассников и других школьников – 15,5 %;
- драки – 11,5 %;
- употребление алкоголя – 9,5 %;
- воровство – 5,7 %;
- употребление наркотических средств – 2,3 %;
- сожительство и склонение к нему – 2,2 %;
- побеги из дома – 1,6 %.

В тоже время педагогическими работниками было отмечено, что современная информационная среда способствует формированию лично и социально значимых навыков у детей и подростков:

- формированию общей культуры детей и подростков – 56,4 %;
- трансляции социальных ценностей, задач, смыслов, норм и правил – 55,7 %;

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «С какими формами отклоняющегося от норм поведения детей и подростков (девиантного поведения) Вы сталкивались?», в %

- ориентации ребенка в системе социальных ролей и межличностных отношений – 51,6 %;
- формированию коммуникативной культуры, переживанию ребенком чувства принятия и безопасности – 49,5 %.

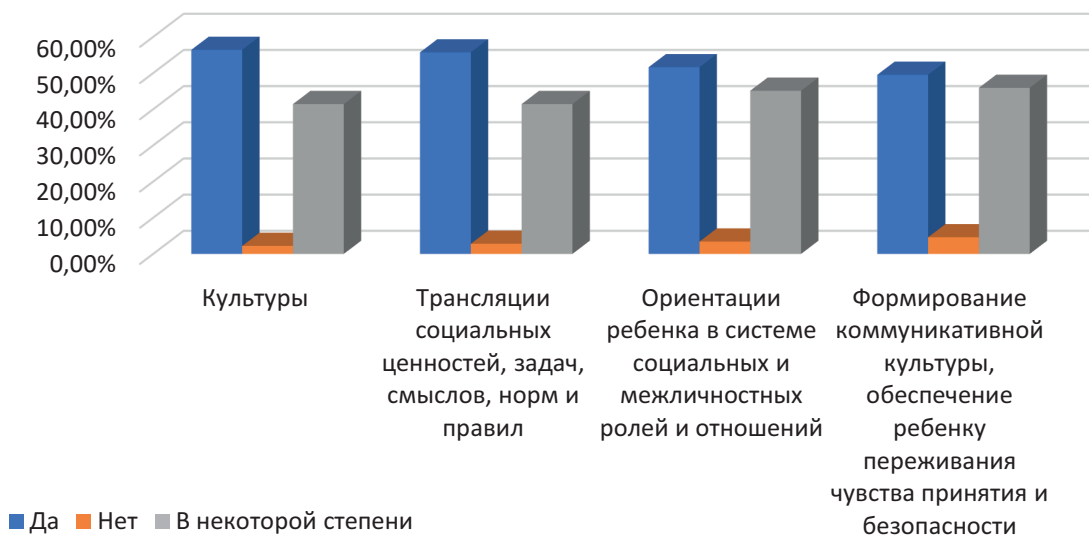

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, чему способствует современная информационная среда?», %

Негативное влияние, оказываемое информационной средой по мнению респондентов, прежде всего проявляется в:

- искажении моральных и нравственных ценностей (50,4 %);
- общем вредном воздействии на формирующуюся личность ребенка (45,3 %);
- психологических проблемах (35,35 %);
- развитии антисоциальной направленности личности (27 %);
- подавлении свободы мировоззренческого выбора (26,8 %).

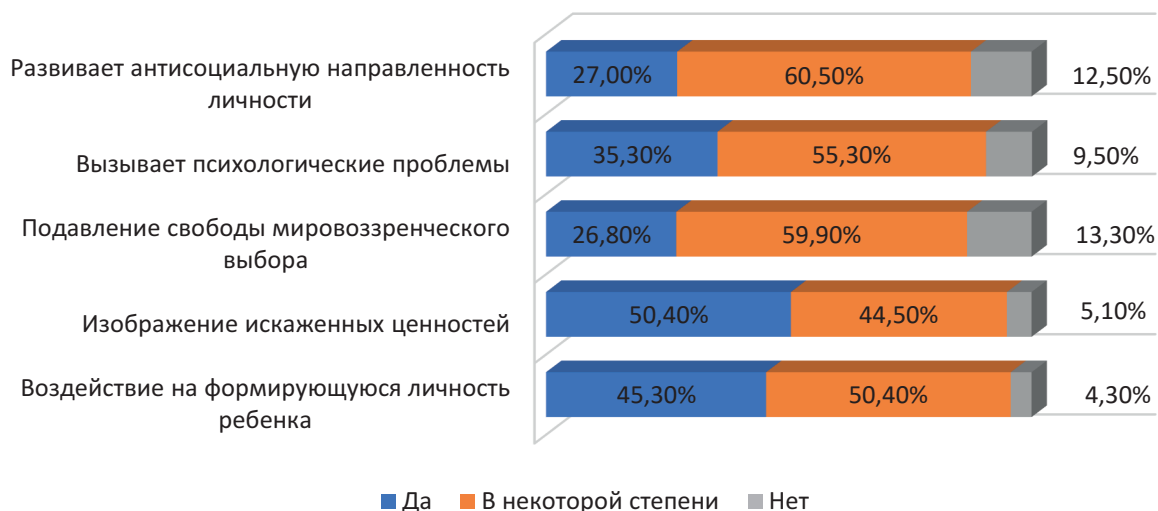

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, в чем заключается негативное влияние информационной среды?», %

Большинство педагогов придерживались мнения, о том, что современная информационная среда развивает агрессию у детей, в частности, считали, что современная информационная среда однозначно способствует развитию агрессии у детей (33,0 %) и способствует только в некоторой степени (52,6 %). Только 4,8 % респондентов не видели угроз со стороны Интернета.

Почти 1/3 опрошенных педагогических работников полагали, что медианасилие в информационной среде распространено в значительной степени, и примерно столько же (32,9 %) педагогов считали, что медианасилие в информационной среде имеет место, но незначительно.

Со случаями физического/сексуального насилия между учащимися встречались 18,4 % педагогов. Большинство же педагогов (81,4 %) не наблюдали за свою педагогическую практику в школе случаи физического/сексуального насилия среди учащихся.

Современные исследователи утверждают, что информация, получаемая из интернета, во многом деструктивно влияет на психическое здоровье и развитие несовершеннолетних (Исмаилова, 2020). В связи с этим, актуальной задачей является проведение системного мониторинга, позволяющего отслеживать изменения в состоянии здоровья и поведения детей. Особого пристального внимания требует контроль за детской игровой средой, онлайн-играми, которые занимают в жизни детей значительное место. Специалисты по работе с детьми, психологи отмечают, что среди несовершеннолетних пользователей интернета наблюдается патологическая увлеченность интернет-играми, которая схожа с алкоголизмом и наркоманией. Жесткие игровые эпизоды нередко приводят к агрессии подростков. Зачастую дети, погружаясь в виртуальный мир игры, общаясь с виртуальными персонажами, забывают о реальности. Компьютерные игры становятся сильно действенным и привлекательным средством воздействия на ребенка, что можно говорить о наличии компьютерных психотехнологий, сравнимых с новым стратегическим оружием массового поражения (Абраменкова, 2001). Качество и количество интернет-игр с каждым годом возрастает, что, безусловно, приводит к необходимости более тщательного контроля за ними. Детская игровая среда является основной и важнейшей составляющей для развития и социализации ребенка. Поэтому безопасность детских компьютерных игр должна рассматриваться как составляющая часть информационной безопасности детей (Ережипалиев, 2019).

Результаты проведённого социологического исследования позволили установить наиболее типичные признаки в поведении детей, свидетельствующие о том, что ребенок подвергается деструктивному влиянию со стороны Интернета.

Таблица 1

Наиболее типичные признаки поведения детей при деструктивном влиянии интернета

Реакции несовершеннолетних	%
Повышенная возбудимость, тревожность, агрессия	86,9 %
Зацикленность на негативных эмоциях, депрессии могут являться поводом для беспокойства в связи с негативным влиянием информационной среды на детей и подростков	81,8 %
Утрата прежнего эмоционального контакта с одноклассниками	79,5 %
Стремление показать свое «бесстрашие»	77,2 %.
Стремление быть в центре внимания любой ценой	67,9 %
Нелюдимость, отчужденность в школьной среде, отсутствие друзей, низкие коммуникативные навыки	74,4 %
Избегание зрительного контакта. Ребенок может уводить взгляд, предпочитает смотреть вниз, себе под ноги	64,2 %
Конфликтное поведение. Ребенок вступает часто в конфликты с учителями и сверстниками, участвует в травле (буллинге)	75,7 %
Ребенок ведет тетрадь или записную книжку, в которую записываются имена других людей и агрессивные высказывания в их отношении, негативные, угрожающие рисунки	53,1 %
Ребенок проявляет повышенный интерес к неприятным зрелищам, сценам насилия	76,0 %
Ребенок участвует в трансляции деструктивного контента в социальных сетях, например, выкладывает личные фото, пересылает понравившиеся фото, часто ставит «лайки» и др.	77,2 %
Ребенок постоянно что-то рисует – навязчивое рисование. Это могут быть жуткие и пугающие картины, заштриховывание бумаги	63,7 %
Ребенок участвует в образовании неформальных асоциальных групп сверстников	71,1 %
Ребенок проявляет жестокое обращение с животными, со сверстниками (частое участие в драках), другими людьми	71,3 %
Для ребенка характерны в целом резкие и внезапные изменения в поведении, например, отказ от обучения, участия в школьных мероприятиях, секциях, пропуски занятий по неуважительным причинам, потеря интереса к любимому учебному предмету	74,8 %
Пассивный протест (уходы из дома, бродяжничество, отказ от приемов пищи, отказ от речевого общения)	64,4 %
Подражание асоциальным формам поведения окружающих, которые имеют авторитет для ребенка (слепое копирование негативных форм поведения, речи, манеры одеваться и др.)	78,8 %

Исследователи отмечают, что такие поведенческие тенденции, как враждебность, конфликтные отношения с окружающими на фоне проявления агрессивности и отсутствия доверия к окружающим могут свидетельствовать о суицидных наклонностях подростка (Абросимов, 2018).

Непосредственно в своей практике педагогические работники наиболее часто сталкивались с такими видами деструктивного влияния информационной среды на детей и подростков, как кибербуллинг, привлечение к сайтам, вовлекающим в опасные игры, публикация и рассылка контента интимного характера, социальное бойкотирование с помощью различных интернет-сервисов.

Наиболее эффективными мерами для снижения негативного влияния деструктивной информационной среды на детей и подростков, реализуемыми в учебных заведениях, по мнению педагогических работников, выступают: развитие внеурочной

Таблица 2

Виды деструктивного влияния интернет-среды на несовершеннолетних, %

	%
Кибербуллинг (интернет-травля, преследование сообщениями, содержащими оскорбления, агрессию, запугивание; хулиганство)	35,6 %
Привлечение к сайтам, вовлекающим в опасные игры	30,5 %
Повреждение устройств, программного обеспечения	25,7 %
Вовлечение в интернет-контент для взрослых	25,7 %
Кибермошенничество	23,6 %
Вовлечение в «шок-контент» (материалы, тексты, фото, видео, аудио), которые законодательно запрещены для публикации, вызывают у пользователя резко негативные чувства и ощущения: страх, ужас, отвращение, унижение	22,9 %
Кража личных данных техническими средствами, в том числе в процессе интернет-покупок	22,6 %
Незаконный сбор персональных данных несовершеннолетних и (или) распространение их в открытом доступе	22,5 %
Публикация и рассылка контента интимного характера	22,3 %
Социальное бойкотирование с помощью различных интернет-сервисов	21,0 %
Привлечение к сайтам, пропагандирующим экстремизм, насилие и девиантные формы поведения, секты	19,4 %
Привлечение к суицидальным сайтам, форумам потенциальных самоубийц	18,1 %
Привлечение к наркосайтам, сайтам, разжигающим национальную рознь и расовое неприятие (экстремизм, национализм, фашизм)	16,0 %

деятельности, вовлечение детей в работу школьных кружков, секций, объединений, раннее выявление групп риска, контроль поведения детей, создание групп взаимопомощи детей и подростков, волонтерских групп, информационная работа с родителями о правилах безопасного поведения детей в Интернете, проведение родительских собраний, посвященных проблеме девиантного поведения, разработка программ, направленных на развитие системы традиционных ценностей, культуры поведения.

Заключение

Таким образом, анализ результатов социологического исследования позволил установить, что негативное влияние интернета на несовершеннолетних проявляется в распространении форм девиантного поведения детей и подростков, что отмечается педагогическими работниками.

На основании анализа мнений педагогических работников определены критерии диагностики состояний ребенка, свидетельствующих о том, что он подвергается деструктивному влиянию со стороны интернета.

Также осуществленный анализ показал наличие определенного противоречия, заключающегося в том, что педагогические работники в своей профессиональной деятельности встречаются с последствиями деструктивного влияния интернета, однако, зачастую они недооценивают степень такого воздействия на современных детей и подростков.

Разработка и реализация специальных учебных курсов по информационной и коммуникативной компетентности педагогических работников повысит эффективность мер в сфере защиты детей от негативного влияния информационной среды, а также позволит совершенствовать профессиональные и личностные компетенции

педагогических работников, такие как эмпатия, сопереживание, коммуникативный капитал и др.

Литература

- Абросимов, И.Н. (2018). Риск суицидального поведения и стиль межличностных отношений у подростков. *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*, S1, 20–24.
- Беликов, В.А., Романов, П.Ю., Леушканова, О.Ю., Васева, Н.С. (2022). Анализ проблемы десоциализации личности подростков под воздействием социальных сетей, содержащих контент деструктивного характера. *Перспективы науки и образования*, 3(57).
- Бутузова, Ю.С., Акутина, С.П. (2016). Негативное влияние информационной среды на подростков, склонных к девиантному поведению. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*, 4, 8–14.
- Зотов, В.В., Каменева, Ю.Н., Кривоухов, А.А. (2018). Роль информационно-телекоммуникационных технологий в охране здоровья и технике безопасности граждан приграничного региона. *5-я международная междисциплинарная научная конференция по социальным наукам и искусству SGEM 2018*.
- Кондрашкин, А. В., Хломов, К. Д. (2012). Девиантное поведение подростков и Интернет: изменение социальной ситуации. *Психология. Журнал ВШЭ*, 3.
- Кравченко, Н.В. (2021). Влияние информационных интернет-ресурсов на современных подростков и молодежь. В сборнике: *Трансформация войны в условиях глобализации мира. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием*. Под общей редакцией П.Е. Кобзаря. Омск, 152–157.
- Лескова, И.В., Контанистова, П.А., Щеповалина, В. А. (2022). Троллинг как социальное явление в виртуальной реальности. *Социальная политика и социология*, 21, 1(142), 116–123. DOI: 10.17922/2071-3665-2022-21-1-116-123.
- Мартirosян, С. А. (2021). Скулшутинг в эпоху цифровизации. *Caucasian Science Bridge*. 4, 4(14), 119–123. DOI: 10.18522/2658-5820.2021.4.15.

References

- Abrosimov, I.N. (2018). The risk of suicidal behavior and the style of interpersonal relationships in adolescents. *Personality in a changing world: health, adaptation, development*, S1, 20–24.
- Belikov, V.A., Romanov, P.Yu., Leushkanova, O.Yu., Vaseva, N.S. (2022). Analysis of the problem of the desocialization of adolescents under the influence of social networks containing destructive content. *Prospects of Science and Education*, 3(57).
- Butuzova, Y.S., Akutina, S.P. (2016). The negative impact of the information environment on adolescents prone to deviant behavior. *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*, 4, 8–14.
- Zotov, V.V., Kameneva, Yu.N., Krivoukhov, A.A. (2018). The role of information and telecommunication technologies in protecting the health and safety of citizens of the border region. *In 5th International Interdisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Art SGEM 2018*.
- Kondrashkin, A.V., Khlomov, K. D. (2012). Deviant behavior of adolescents and the Internet: changing the social situation. *Psychology. HSE Journal*, 3.
- Kravchenko, N.V. (2021). The influence of Internet information resources on modern adolescents and young people. *In The Transformation of war in the Globalized World. Materials of the All-Russian scientific Conference with international participation*. Under the general editorship of P.E. Kobzar. Omsk, 152–157.
- Leskova, I.V., Kontanistova, P.A., Shchepovalina, V. A. (2022). Trolling as a social phenomenon in virtual reality. *Social policy and sociology*, 21, 1(142), 116–123. DOI: 10.17922/2071-3665-2022-21-1-116-123.
- Martirosyan, S. A. (2021). School shooting in the era of digitalization. *Caucasian Scientific Bridge*. 4, 4(14), 119–123. DOI: 10.18522/2658-5820.2021.4.15.

Дата получения рукописи: 21.11.2022

Дата окончания рецензирования: 30.11.2022

Дата принятия к публикации: 03.12.2022

Информация об авторах

Титор Светлана Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры частного права, Государственный университет управления, г. Москва, Россия, e-mail: setitor@mail.ru

Каменева Татьяна Николаевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии, психологии управления и истории, Государственный университет управления, г. Москва, Россия, e-mail: kalibri0304@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Titor Svetlana Evgenievna – Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Department of Private Law, State University of Management, Moscow, Russia, e-mail: setitor@mail.ru

Kameneva Tatyana Nikolaevna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology, Psychology of Management and History, State University of Management, Moscow, Russia, e-mail: kalibri0304@yandex.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.346.32-053.6

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.4.14

EDN UIOQVJ

Участие молодежи в развитии комфортной городской среды**Юлия В. Уханова¹**

¹Вологодский научный центр Российской академии наук, г. Вологда, Россия
e-mail: ukhanova4@rambler.ru

Ангелина Э. Жданова²

²Вологодский научный центр Российской академии наук, г. Вологда, Россия
e-mail: angelinazhdanova99@mail.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена оценке уровня комфортности проживания населения крупного города на основе объективных и субъективных данных, а также изучению роли участия молодежи в развитии комфортной городской среды. Проблема участия молодежи в развитии городского пространства и формировании качественной городской среды выступает чрезвычайно актуальной как с позиции преобразования среды проживания ресурсами местных сообществ, так и социализации самой городской молодежи.

Методы. Исследование осуществлено на территории крупных городов Вологодской области посредством количественной методической стратегии (используются данные социологического опроса по условиям проживания населения, 2022 г., N=1600).

Результаты и их обсуждение. Получен вывод о том, что для крупных городов Вологодской области за последние годы характерно увеличение интегрального значения индекса качества городской среды, рассчитываемого в рамках реализации нацпроекта «Жилье и городская среда», однако субъективные оценки горожан демонстрируют существенные проблемы в развитии городского пространства. Выявлено, что молодежь, несмотря на более критичные оценки состояния города, не проявляет заинтересованности в обсуждении актуальных вопросов городского развития и зачастую не выражает готовности к участию в формировании качественной городской среды. В качестве преодоления барьеров в данном направлении предложено развитие открытых диалоговых площадок с участием городских властей, молодежных общественных организаций и молодежи с целью роста вовлеченности молодых горожан в формирование комфортной городской среды.

Ключевые слова: комфортная городская среда; городское пространство, молодежь; участие в развитии; индекс качества городской среды.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00326А «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе».

Для цитирования: Уханова Ю. В., Жданова А. Э. (2022). Участие молодежи в развитии комфортной городской среды. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). С. 136-146. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.14>

Youth participation in the development of a comfortable urban environment**Yulia V. Ukhanova¹**

¹Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
e-mail: ukhanova4@rambler.ru

Angelina E. Zhdanova²

²Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
e-mail: angelinazhdanova99@mail.ru

Abstract.

Introduction. The article assesses the level of living comfort of the population in a large city, based on the objective and subjective data. The authors also study the role of the youth participation in the development of a comfortable urban space. The problem of youth participation in the development of urban space and the formation of a high-quality urban space is extremely relevant both for the transformation of the living environment with and for the socialization of the urban youth.

Methods. The study was carried out in the large cities of the Vologda Region by a quantitative methodological strategy (data of a sociological survey on the living conditions of the population, 2022, N=1600).

Results and its discussion. It is concluded that the large cities of the Vologda Region have been characterized by an increase in the integral value of the urban space quality index in recent years. The index is calculated by the national project «Housing and Urban Space», however, the subjective assessments of citizens demonstrate significant problems in the development of urban space. The results show that the young people, despite more critical assessment of the city, do not show the interest to discuss topical issues of urban development and often do not want to participate in the design of a high-quality urban space. The authors propose to develop open dialogue platforms with the city authorities, the youth public organizations and the young people in order to increase the participation of young citizens in the design of comfortable urban space.

Keywords: comfortable urban space; urban space, youth; participation in development; urban space quality index.

Acknowledgments: The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-011-00326A «Collective Actions and Social Capital in Russian Society».

For citation: Ukhanova Yu. V., Zhdanova A. E. (2022). Youth participation in the development of a comfortable urban environment. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). P. 136-146. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.14>

Постановка проблемы

В настоящее время города прочно вошли в международную повестку дня как ключевые площадки для формирования устойчивого развития, экономического роста, технологических инноваций, социальной сплоченности (Raven, 2019). По данным на 1 января 2022 г. в России имеется 1117 городов, которые значительно отличаются между собой по социально-экономическим показателям и условиям проживания. Комфортность городской среды представляет собой один из ключевых факторов, влияющих на качество жизни населения, выбор места жительства граждан. В условиях неопределенности актуализируется поиск нематериальных факторов развития городского пространства и формирования комфортной городской среды ресурсами местных сообществ (Уханова, 2021). Субъекты городского развития, в том числе представители региональной и муниципальной власти, бизнеса, НКО, граждан и исследовательских институтов, все чаще сотрудничают в рамках «экспериментальных проектов» по преобразованию социальной инфраструктуры города (Bulkeley, 2016).

В этом контексте особый интерес представляет молодежь, как наиболее активная, готовая ко всему новому, но и требовательная к условиям проживания, группа населения. Для молодежи город – это не просто населенный пункт, где она живет, учится или работает, город – это место возможностей для саморазвития и самореализации. В городах, в которых молодежь не удовлетворена качеством городской среды, наблюдается отток молодых людей в мегаполисы и города других регионов. Соответственно, вопросы исследования участия молодежи в развитии городского пространства будут приобретать все большую актуальность.

Цель настоящего исследования состоит в изучении особенностей участия молодежи в развитии комфортной городской среды.

Обзор литературы

В научном дискурсе существует большое многообразие подходов к пониманию категории «городская среда». Впервые данное определение стало использоваться учеными чикагской школы при изучении вовлеченности местных сообществ в процесс социально-экономических преобразований города. Р. Парк выделял два ключевых параметра городской среды: природную среду и обустроенное человеком пространство в рамках территории города (Парк, 2002).

В современной литературе к трактовке «городская среда» используется множество подходов, отражающих системную, функциональную и иные доктрины сущности данного понятия. Так, городская среда рассматривается в следующих аспектах:

- набор политик городского развития, через которые город и его жители могут быть конкурентными на быстроизменяющихся рынках рекрутинга, товаров, информации, услуг и др.;
- место сосредоточения больших масс людей и как функционального образования, играющего столь важную роль в жизни и развитии общества, в его территориальной организации;
- совокупность конкретных основополагающих условий, созданных человеком и природой в границах населенного пункта, которые оказывают влияние на уровень и качество жизнедеятельности человека;
- среда обитания и производственной деятельности людей, природный и созданный людьми материальный мир
- совокупность природных, техногенных, социальных и экономических условий жизни, существующих в городе на занимаемой им территории;
- среда, в которой возникают и из которой распространяются инновации, проходящие в своем развитии ряд циклов и др. (Ганченко, 2019).

В обобщенном виде «комфортная городская среда обитания – это все городское естественно-природное пространство в определенных административных границах и совокупность застройки этого пространства зданиями и сооружениями, наполнение его предметами и знаками, позволяющими в полной мере удовлетворить индивидуальные и социальные потребности населения, что в итоге должно привести к повышению качества жизни горожан» (Алешина, 1999).

В России в нормативно-правовом поле под городской средой трактуется «совокупность природных, архитектурно-планировочных, экологических и других факторов, формирующих среду жизнедеятельности города на определенной территории и определяющих комфортность проживания на этой территории» (Методика формирования индекса качества городской среды, 2019). Однако, как показал анализ, официальная трактовка, обладающая юридической силой, уточняется исследователями в зависимости от того, с какой научной точки зрения рассматривается городская среда.

В настоящем исследовании авторы придерживаются подхода к пониманию городской среды как совокупности конкретных основополагающих условий, созданных человеком и природой в границах населенного пункта, которые оказывают влияние на уровень и качество жизнедеятельности человека (Заборова, 2017).

При изучении городской среды представляется актуальным концепт «комфортной городской среды». Слово «комфортный» (от англ. *comfort* – бытовые удобства) значит «благоприятный для нормальной жизнедеятельности организма» (Толковый словарь, 2014). Таким образом, категория «комфортная городская среда» означает благоприятные для жизнедеятельности населения города окружающие условия и определяется общественным запросом на благоустройство городских пространств.

По мнению исследователей, комфортное городское пространство в современном мире во многом связано с технологиями «умного города» и может быть представлено элементами взаимодействия людей и общественных мест в сфере развлечения, питания, отдыха, торговли, транспорта и т.д. (Abusaada, Elshater, 2021). Датский архитектор и консультант по городскому дизайну Ян Гейл в своей книге «Города для людей» при рассмотрении проектов по формированию комфортной городской среды как максимально благоустроенного пространства для жизни в странах Европы, Америки и Австралии, сформулировал понятие «живой город», которое подразу-

мевают насыщенность общественного пространства человеческой деятельностью (Гейл, 2012).

В рамках настоящего исследования особый интерес представляет концепция «право на город», которая предполагает не только право горожан на физический доступ к городским пространствам и их использование, но и участие горожан в формировании комфортной городской среды (Lefebvre, 1996; Harvey, 2006).

Активное городское население, привлекаемое к изменениям городского ландшафта, выступает в качестве потенциального ресурса для обустройства территорий, что особо значимо в условиях усиления роли неэкономических факторов (Ласточкина, 2021).

В управленческой, общественной практике и научных кругах много внимания уделяется проблематике включенности молодежи в развитие территорий. Во многих случаях молодежь рассматривается как объект воздействия со стороны общества, государственных структур для её успешной социализации, вовлечения в общественно-политическую деятельность, расширения участия в формировании успешного будущего нашего государства (Бедрик, Щукина, 2021).

Ведущий российский специалист по изучению молодежной тематики Ю.А. Зубок поясняет, что с социальной активностью в развитии пространства жизнедеятельности связывается включенность молодых людей в сферу гражданских отношений, где она понимается, как готовность участвовать в общественно значимых инициативах. В то же время включенность в общественные практики отражает и индивидуально-значимую деятельность молодых людей, сопряженную с реализацией их собственного потенциала в процессе выстраивания индивидуальных жизненных стратегий (Зубок, 2020). В своих работах социологи особое внимание уделяют социальным установкам и жизненным смыслам участия молодежи в общественно-полезной деятельности (Зубок, Березутский, 2020).

Особенно значимым представляется участие молодых горожан в жизни города. Культура участия в развитии городского пространства, а также условия для ее формирования в молодежной среде начинают играть основополагающую роль в благополучии сообщества молодых горожан, оказываются крайне значимыми для развития и самих городов (Социальное участие молодежи в развитии городов, 2020). Даже ситуативное участие может заложить основу для долгосрочной вовлеченности молодежи в развитие городской среды, сформировать их привязанность к тем территориям, где они родились (Brennan, Barnett, 2009). Отмечается, что у молодежных активистов для успешного участия должны присутствовать развитые цифровые компетенции в силу частичного перемещения социальной реальности в цифровую среду» (Воробьева, Мехова, 2022, 195).

Методика исследования

Для проведения исследования отобраны кейсы крупных городов¹ Вологодской области – областная административная и культурная столица г. Вологды, которая сравнивается с другим крупным городом области – промышленным центром – г. Череповцом. Вологда и Череповец – это два крупных города региона, которые схожи по многим показателям. Согласно статистическим данным на начало 2022 г. в Вологде проживает 306 593 человека, в Череповце – 309 429 человек (Оценка численности...). В области сложилась уникальная ситуация, когда город (Череповец) не отстает от об-

¹ Крупные города от 250 тысяч человек до 1 миллиона человек (в том числе подкатегории от 250 до 500 тысяч и от 500 тысяч до 1 миллиона человек).

ластной столицы по численности населения, экономике, а в чем-то даже превосходит (например, по объемам производства). Выбор городов неслучаен. Крупные города играют ведущую роль в экономике регионов, поскольку, в них проживает большая часть населения субъектов РФ.

При осуществлении оценки уровня комфортности проживания населения крупных городов региона авторы опираются на компаративистский подход с учетом субъективных и объективных показателей (Rezvani, Mansourian, Sattari, 2013). С целью изучения особенностей участия молодежи в развитии комфортной городской среды, в исследовании использовались данные социологического измерения условий проживания населения, проводимого Вологодским научным центром РАН в г. Вологде и г. Череповце. Объем выборки в обоих городах составляет по 800 человек в возрасте старше 18 лет, из них согласно выборке в 2022 г. опрошено 285 молодых людей до 35 лет в г. Вологде, 214 – в г. Череповце. Метод – анкетирование по месту жительства; ошибка выборки не превышает 3%.

Результаты исследования

Прежде чем перейти к анализу эмпирических данных следует пояснить, что с 2017 года в стране начал реализовываться широкомасштабный проект «Формирование комфортной городской среды». Главные задачи проекта – устранить негативные тенденции в благоустройстве городских территорий, построить взаимодействие населения и административных структур, сформировать доверие к органам власти. Все субъекты РФ должны формировать и реализовывать план городского благоустройства, при этом обязательными объектами являются столицы регионов и моногорода.

Основным методом оценки в обозначенной сфере стал индекс качества городской среды – это показатель состояния городской среды, измеряемый в баллах. Индекс формируется, учитывая 6 городских пространств: жилье и прилегающие пространства; улично-дорожная сеть; озелененные пространства; общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства; социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства; общегородское пространство.

Вышеупомянутые пространства оцениваются по следующим критериям: безопасность; комфортность; экологичность и здоровье; идентичность и разнообразие; современность и актуальность среды; эффективность управления.

Как демонстрируют полученные данные, в крупных городах Вологодской области наблюдается рост индекса качества городской среды, при этом по результатам 2021 году в рейтинге крупных городов Вологда занимает 12 место, Череповец – 15 (из 63 городов; табл. 1). Наиболее благоприятным городом для проживания по оценке качественной городской среды, среди крупных городов Северо-Западного федерального округа, является Калининград (223 балла), в то же время г. Архангельск находится на последних позициях рейтинга городов (174 балла). Разброс в баллах объясняется тем, что города находятся в разной удаленности от столицы, имеют большую разницу по площади своих территорий, а также обладают разного рода туристическим потенциалом и ресурсами, как с финансовой стороны, так и с культурной.

Как уже было отмечено выше, комфортную городскую среду следует рассматривать по двум аспектам: статистическим и социологическим данным. В этой связи авторами в качестве основного метода средства получения информации наряду со статистическими материалам был использован анкетный опрос. Полученные эмпирические данные в определенной степени позволяют не только выявить готовность участия молодых горожан (от 18 до 35 лет) в развитии городской среды, общее мне-

Таблица 1

Индекс городского развития за период 2018-2021 гг. в крупных городах СЗФО, (в баллах)

Город \ Год	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Калининград	214	210	216	223 (7 место)
Вологда	194	206	210	218 (12 место)
Череповец	193	197	205	215 (15 место)
Петрозаводск	185	193	203	212 (18 место)
Мурманск	198	186	194	207 (24 место)
Архангельск	150	153	157	174 (61 место)

Источник: Индекс качества городской среды. URL: <https://индекс-городов.рф/#/results>

ние горожан относительно уровня комфортности общественных пространств и городской инфраструктуры, но и эффективность реализуемых в последние годы инструментов региональной и муниципальной политики по улучшению условий проживания населения в крупных городах.

Респондентам крупных городов Вологодской области: Вологды и Череповца было предложено оценить состояние города в 2021 г. В целом большинство жителей городов Вологды и Череповца положительно оценивают общее состояние города. Однако молодежь города Вологды более критична в оценках, чем население города в целом (оценки общего состояния города 66 против 71%; табл. 2). Кроме того, молодые вологжане негативнее высказывались о состоянии города, чем молодежь города Череповца (27,4 против 13,5%). В целом череповчане в большей степени, чем вологжане довольны обстановкой в своем городе. Это видно по всем показателям, за исключение «качества воздуха»: так, более половины жителей Вологды (55,7%) дают положительную оценку состоянию воздуха в городской среде, в то время как половина респондентов из Череповца (54,1%), придерживаются противоположного

Таблица 2

Оценки населения крупных городов состояния качества городской среды*, %

Направления \ Опрошено человек	Вологда				Череповец			
	молодежь	рейтинг	среднее	рейтинг	молодежь	рейтинг	среднее	рейтинг
Опрошено человек	285	-	800	-	214	-	800	-
Общее состояние	65,6	1	70,7	1	81,3	1	80,5	1
Чистота улиц	63,5	2	65,6	3	79	2	77,8	2
Состояние дорог	44,9	6	44,6	6	64	5	67,2	5
Освещение на улицах	60,7	4	59,9	4	75,2	4	72,2	4
Озеленение территорий (зелёные насаждения, цветники)	63,1	3	69,9	2	78	3	76,9	3
Качество воздуха	54,0	5	55,7	5	42,5	6	39,3	6

*Доля положительных ответов («хорошо») на вопрос «Как Вы оцениваете качество городской среды?»
Источник: Социологический опрос ВолНЦ РАН, 2022 г.

мнения. В целом в рейтинге комфортности городской среды по направления в областной столице негативно выделяется состояние дорог, в промышленном центре Череповце – качество воздуха. Вместе с тем, вологодские исследователи отмечают общую положительную тенденцию в оценках условий проживания в обоих крупных городах региона, что связано с реализацией широкого спектра государственных программ и проектов по благоустройству (Секушина, 2022).

Интерес представляет выявление оценок молодежи обеспеченности крупных городов обустроенным общественным пространством. Как свидетельствуют данные опроса по оценкам молодых людей, в городе Вологде недостаточно парков и аттракционов (60,4%), детских площадок (49,5%), велосипедных (роликовых) дорожек (47%), стадионов и спортивных площадок (42,1%; рис. 1). Молодые череповчане на первое место ставят нехватку в городе бассейнов (48,1%), велосипедных (роликовых) дорожек (44,9%), стадионов и спортивных площадок (42,5%), катков (37,4%). Таким образом, молодежь в обоих городах негативно оценивает обеспеченность крупных городов объектами спортивной инфраструктуры. В то же время создание для всех категорий и групп населения условий для занятий физической культурой и массовым спортом, в том числе повышение уровня обеспеченности населения объектами спортивной инфраструктуры, являются одними из главных ориентиров городских органов власти в контексте реализации национальных проектов.

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, каких объектов не хватает в Вашем районе?», %

Источник: Социологический опрос ВолНЦ РАН, 2022 г.

Несмотря на то, что молодежь – это энергетический потенциал и движущая сила городов, большая часть молодых респондентов не проявляет заинтересованности в обсуждении актуальных вопросов развития города. В Вологде такой ответ дали – 59% респондентов, а в Череповце – 66 %, доля положительных ответов составила 28 и 18% соответственно (рис. 2). В этой связи актуализируется работа, в том числе со стороны молодежных общественных организаций, по формированию мотивационных установок среди молодежи к включенности в решение городских проблем, гражданской ответственности за развитие родного города.

Из полученных данных следует что молодые люди высказывают нежелание участия ни в какой из возможных форм обсуждения вопросов городского развития, доля отрицательных ответов среди молодежи г. Вологды составила 53%, среди мо-

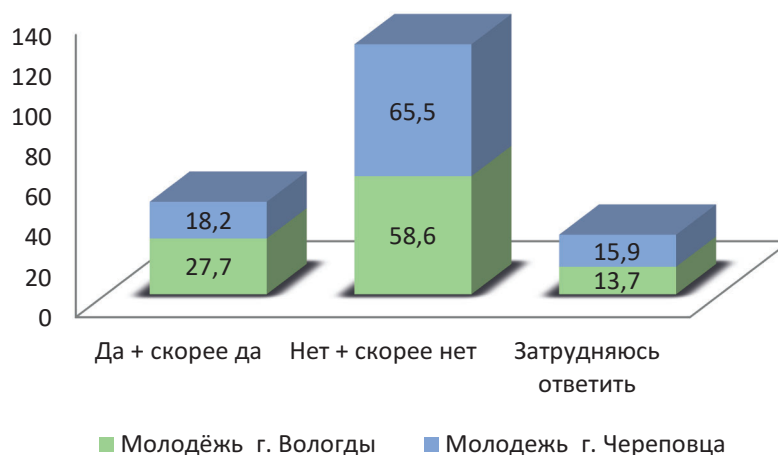

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов о желании принимать участие в обсуждении актуальных вопросов развития города, %

Источник: Социологический опрос ВолНЦ РАН, 2022 г.

лодежи Череповца – 62% (табл. 3). На наш взгляд, пассивная позиция молодежи – это тревожный тренд, который требует к себе внимания. Без готовности молодых горожан принимать активное участие в жизни своего города, сложно развивать качественную городскую среду в нужном направлении, с учетом интересов и потребностей всех групп населения. В этом контексте со стороны городских органов власти важен диалог с молодым поколением.

Таблица 3

Предпочтительные формы участия молодежи в развитии комфортной городской среды*, %

Варианты ответов	Молодёжь г. Вологды, %	Молодёжь г. Череповца, %
В качестве кандидата на муниципальных выборах	3,9	0,9
В общегородской конференции, сходах, собраниях граждан	4,9	5,1
Инициирование и участие в местном референдуме	1,4	7,0
В деятельности территориального общественного самоуправления	3,2	4,2
В публичных слушаниях по вопросам местного значения и иным вопросам	4,6	3,3
В деятельности товарищества собственников жилья	8,1	4,2
Инициирование и участие в деятельности новых городских проектов	5,3	2,3
В деятельности общественных (некоммерческих, волонтерских) организаций	8,1	6,1
Оказывать спонсорскую, благотворительную помощь нуждающимся и/или для реализации мероприятий по решению городских проблем	3,9	3,7
В социальном предпринимательстве	3,9	4,2
В социологических опросах населения	26,3	16,8
По телефонам «горячей линии», в работе «открытой студии» на телевидении и радио	8,4	7,0
В других формах	0,0	0,0
Ни в какой	53,3	62,1

* Распределение ответов респондентов на вопрос «В какой форме Вы бы могли принять участие в обсуждении актуальных вопросов развития города?»

Источник: Социологический опрос ВолНЦ РАН, 2022 г.

По данным исследования наиболее приемлемым и удобным способом принятия участия в обсуждении развития городского пространства для молодежи исследуемых городов является участие в социологических опросах населения (26% респондентов в г. Вологде, 17% – в г. Череповце). Это объясняется тем, что данные опросы чаще всего проводятся посредством социальных сетей и интернет-ресурсов, где молодые люди проводят довольно много времени. Они так же могут ответить на вопросы по телефонам «горячих линий»: 8% молодых респондентов Вологды и 7% респондентов города Череповца согласны на такую форму участия в обсуждении актуальных вопросов развития комфортной городской среды.

Выводы

Таким образом, комфортная городская среда – это важнейшая составляющая любого города, от ее состояния и развития зависит будущее как самого города, так и его жителей. Согласно статистическим данным, наблюдается положительная динамика развития крупных городов Вологодской области, при этом по индексу качества городской среды в 2021 году в рейтинге крупных городов Вологда занимает 12 место, Череповец – 15. Однако по субъективным оценкам горожан, в том числе молодежи, областной центр заметно уступает по целому ряду параметров уровня благоустройства. Это говорит о необходимости учета как объективных (статистических) данных о комфортной городской среде, так и субъективных оценок самих горожан, поскольку это дает возможность с разных сторон посмотреть на вопрос повышения благоустройства городского пространства.

Одним из важных двигателей развития города является молодежь, которую необходимо привлекать к участию в решении вопросов развития городской среды. Однако проведенное исследование показало, что несмотря на более критичные оценки состояния города, молодое поколение не проявляет заинтересованности в обсуждении актуальных вопросов городского развития и своем активном участии в формировании качественной городской среды. Компаративный анализ выявил, что молодежь города Вологды более негативно оценивает для себя уровень комфортности городской среды, чем молодежь города Череповца, при этом проявляет большую готовность к участию в развитии родного города. В этом контексте со стороны городских органов власти важен диалог с молодежью по вопросам ее включенности в формирование комфортной городской среды, развитие открытых диалоговых площадок при поддержке городских властей, молодежных общественных организаций, бизнес-сообщества с целью роста заинтересованности молодых горожан к участию в благоустройстве города с учетом своих интересов и потребностей.

Полученные в ходе исследования данные могут быть использованы в деятельности органов местного самоуправления г. Вологды и г. Череповца для возможности развития коммуникации и обратной связи с молодежью, ее активного участия в развитии городской среды, а также в целом для совершенствования и оптимизации сферы благоустройства городской среды.

Литература

- Алешина, Е.И. (1999). *Анализ особенностей использования урбанизированной территории Рязани в целях оптимизации характеристик комфортности среды*. (кандидатская диссертация). Рязань.
- Бедрик, А.В., Шукина, Е.Л. (2021). Государственная национальная политика и молодежные объединения на Юге России. *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), 10–16. DOI: 10.18522/2658-5820.2021.4.1.
- Воробьева, И.Н., Мехова, А.А. (2020). Агенты социальных изменений: критерии идентификации и построение индикаторной модели. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 15(4), 189–208. DOI: 10.15838/.2022.4.82.12.

- Ганченко, Д.Н., Тарзанова Ю.А. (2019). *Развитие теории и практики управления социальными и экономическими системами: Материалы Восьмой международной научно-практической конференции, «Комфортная городская среда: инновация или трансформация термина»*. Петропавловск-Камчатский: Камчатский государственный технический университет. DOI: 10.24411/9999-026A-2019-00019.
- Гейл, Я. (2012). *Города для людей*. М.: Альпина Паблишер, 148.
- Заборова, Е.Н. (2017). Городская среда как фактор развития человеческого капитала. *Управленец*, 6, 70–75.
- Зубок, Ю.А., Березутский, Ю.В. (2020). Социальная активность молодежи: мировоззренческие основания саморегуляции. *Власть и управление на Востоке России*, 2 (91), 89–105. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105.
- Зубок, Ю.А., Чупров, В.И. (2020). Жизнедеятельность молодежи в изменяющейся реальности: противоречия саморегуляции. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 6, 215–231. DOI: 10.15838/2020.6.72.13.
- Ласточкина, О.С. (2021). Плейсмейкинг – подход для развития общественных пространств современных городов (обзор зарубежного и российского опыта). *Society and Security Insights*, 2, 89–105. DOI: [https://doi.org/10.14258/ssi\(2021\)2-07](https://doi.org/10.14258/ssi(2021)2-07).
- Парк, Р. (2002). Город как социальная лаборатория. *Социологическое обозрение*, 3, 3–12.
- Певная, М. В., Шуклина, Е.А., Быстрова, Т.Ю., Федорова, М.С. (2020). *Социальное участие молодежи в развитии городов: методологические идеи, методические подходы и опыт исследования конструктивных практик: монография*. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 244.
- Секушина, И.А. (2022). Качество городской среды крупных городов Вологодской области. *Проблемы развития территории*, 26 (4), 111–135. DOI: 10.15838/ptd.2022.4.120.8.
- Уханова, Ю.В. (2021). Гражданское участие локального сообщества: социологическое исследование на муниципальном уровне. Горшков, М.К. (отв. ред.), *Социологическое обеспечение стратегического управления развитием регионов и муниципальных образований России*, 83–93. М.: ФНИСЦ РАН, DOI: 10.19181/sbornik.978-5-89697-365-2.2021.
- Ушаков, Д.Н. (2014). *Толковый словарь современного русского языка*. М.: Аделант, 800. Режим доступа: <https://profspo.ru/books/44160>.
- Abusaada, H., Elshater, A. (2021). Competitiveness, distinctiveness and singularity in urban design: A systematic review and framework for smart cities. *Sustainable Cities and Society*, 68. DOI: 10.1016/j.scs.2021.102782.
- Brennan, M.A., Barnett, R.V. (2009). Bridging Community and Youth Development: Exploring Theory, Research, and Application. *Community Development*, 40, 305–310. DOI: 10.1080/15575330903279515.
- Bulkeley, H., Coenen, L., Frantzeskaki, N., Hartmann, C., Kronsell, A., Mai, L., Voytenko, Y. P. (2016). Urban living labs: Governing urban sustainability transitions. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, 22, 13–17. DOI: 10.1016/j.cosust.2017.02.003.
- Lefebvre, H. (1996). *Writings on cities*. Blackwell: Cambridge, 241.
- Harvey, D. (2006) *The Right to the City*. Oxford: Oxford University Press, 83–103.
- Raven, R., Sengers F., Spaeth, P., Xie, L., Cheshmehzangi, A., Jong, M. (2019) Urban experimentation and institutional arrangements. *European Planning Studies*, 27(2), 258–281. DOI: 10.1080/09654313.2017.1393047.
- Rezvani, M.R., Mansourian, H., Sattari M.H. (2013). Evaluating quality of life in urban areas (Case study: Noorabad City, Iran). *Social Indicators Research*, 112, 203–220. DOI: 10.1007/s11205-012-0048-2.
- Методика формирования индекса качества городской среды. Распоряжение Правительства РФ от 23 марта 2019 г. № 510-р. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files.pdf>.
- Оценка численности населения г. Вологды и г. Череповца по полу и возрасту на начало 2022 гг. Вологдастат. Режим доступа: <https://vologdatastat.gks.ru/demografia>

References

- Abusaada, H., Elshater, A. (2021). Competitiveness, distinctiveness and singularity in urban design: A systematic review and framework for smart cities. *Sustainable Cities and Society*, 68. DOI: 10.1016/j.scs.2021.102782.
- Aleshina, E.I. (1999). *Analysis of the features of the use of the urbanized territory of Ryazan in order to optimize the characteristics of the comfort of the environment*. (PhD thesis). Ryazan.
- Bedrik, A.V., Schukina, E.L. (2021). State national policy and youth associations in the South of Russia. *Caucasian Science Bridge*, 4(4), 10–16. DOI: 10.18522/2658-5820.2021.4.1.
- Brennan, M.A., Barnett, R.V. (2009) Bridging Community and Youth Development: Exploring Theory, Research, and Application. *Community Development*, 40, 305–310. DOI: 10.1080/15575330903279515.
- Bulkeley, H., Coenen, L., Frantzeskaki, N., Hartmann, C., Kronsell, A., Mai, L., & Voytenko, Y. P. (2016). Urban living labs: Governing urban sustainability transitions. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, 22, 13–17. DOI: 10.1016/j.cosust.2017.02.003.
- Gale, I. (2012). *Cities for people*. М.: Alpina Publisher, 148.

- Ganchenko, D.N., Tarzanova Yu.A. (2019). Development of the theory and practice of managing social and economic systems: *Proceedings of the Eighth International Scientific and Practical Conference, «Comfortable urban environment: innovation or transformation of the term»*. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatka State Technical University. DOI: 10.24411/9999-026A-2019-00019.
- Harvey, D. (2006) *The Right to the City*. Oxford: Oxford University Press, 83–103.
- Lastochkina, O.S. (2021). Placemaking is an approach for the development of public spaces in modern cities (a review of foreign and Russian experience). *Society and Security Insights*, 2, 89–105. DOI: [https://doi.org/10.14258/ssi\(2021\)2-07](https://doi.org/10.14258/ssi(2021)2-07).
- Lefebvre, H. (1996). *Writings on cities*. Blackwell: Cambridge, 241.
- Park, R. (2002). City as a social laboratory. *Sociological Review*, 3, 3–12.
- Pevnaya M.V., Shuklina, E.A., Bystrova, T.Yu., Fedorova, M.S. (2020). Social participation of youth in the development of cities: methodological ideas, methodological approaches and experience in the study of constructive practices: monograph. Yekaterinburg: Publishing House Ural. un-ta, 244.
- Sekushina, I.A. (2022). The quality of the urban environment in large cities of the Vologda region. *Problems of Territorial Development*, 26(4), 111–135. DOI: 10.15838/ptd.2022.4.120.8.
- Ukhanova, Yu.V. (2021). Civil participation of the local community: a sociological study at the municipal level. In Gorshkov, M.K. (Ed.), *Sociological support of strategic management of the development of regions and municipalities in Russia*, 83–93. M.: Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, DOI: 10.19181/sbornik.978-5-89697-365-2.2021.
- Ushakov, D.N. (2014). *Explanatory dictionary of the modern Russian language*. Moscow: Adelant, 800. Access mode: <https://profspo.ru/books/44160>.
- Raven, R., Sengers F., Spaeth, P., Xie, L., Cheshmehzangi, A., Jong, M. (2019) Urban experimentation and institutional arrangements. *European Planning Studies*, 27(2), 258–281. DOI: 10.1080/09654313.2017.1393047.
- Rezvani, M.R., Mansourian, H., Sattari M.H. (2013). Evaluating the quality of life in urban areas (Case study: Noorabad City, Iran). *Social Indicators Research*, 112, 203–220. DOI: 10.1007/s11205-012-0048-2.
- Vorobieva, I.N., Mekhova, A.A. (2020). Agents of social change: identification criteria and construction of an indicator model. *Economic and Social Change: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 189–208. DOI: 10.15838^2022.4.82.12.
- Zaborova, E.N. (2017). Urban environment as a factor in the development of human capital. *Manager*, 6, 70–75.
- Zubok, Yu.A., Berezutsky, Yu.V. (2020). Social activity of youth: ideological foundations of self-regulation. *Power and Administration in the East of Russia*, 2 (91), 89–105. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105.
- Zubok, Yu.A., Chuprov, V.I. (2020). Life activity of youth in a changing reality: contradictions of self-regulation. *Economic and Social Change: Facts, Trends, Forecast*, 6, 215–231. DOI: 10.15838^2020.6.72.13.
- Estimation of the population of Vologda and Cherepovets by gender and age at the beginning of 2022. Vologdastat. Access mode: <https://vologdastat.gks.ru/demografia>.
- Methodology for the formation of the urban environment quality index. Decree of the Government of the Russian Federation of March 23, 2019 No. 510-r. Access mode: <http://static.government.ru/media/files.pdf>.

Дата получения рукописи: 12.11.2022

Дата окончания рецензирования: 24.11.2022

Дата принятия к публикации: 26.11.2022

Информация об авторах

Уханова Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук, г. Вологда, Россия, e-mail: ukhanova4@rambler.ru

Жданова Ангелина Эдуардовна – лаборант-исследователь, Вологодский научный центр Российской академии наук, г. Вологда, Россия, e-mail: angelinazhdanova99@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Ukhanova Yulia Viktorovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia, e-mail: ukhanova4@rambler.ru

Zhdanova Angelina Eduardovna – Research Assistant, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia, e-mail: angelinazhdanova99@mail.ru

The authors have no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ РЕГИОНА

Научная статья

УДК 316.4

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.4.15

EDN LHSUA

Запрос на перемены и инновационное развитие регионального пространства Юга России**Владимир В. Узунов¹**

¹Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, г. Симферополь, Россия
e-mail: vladimir.uzunov@mail.ru

Аннотация

Введение. Обосновывается актуальность исследования, связанная с необходимостью перехода к инновационной стратегии развития южнороссийского региона, и ставится задача – определить возможность инновационного развития регионального пространства Юга России с позиций оформившегося запроса на перемены в массовом сознании регионального социума.

Методы. Эмпирическая база исследования включает ряд источников репрезентативного характера всероссийского и регионального масштаба ФНИСЦ РАН, ЮРФИС РАН, отдельных исследовательских коллективов и ученых в области изучения региональных процессов, протекающих в пространстве Юга России, а также результаты авторского экспертного опроса (Республика Крым, N=43), в котором приняли участие представители органов региональной и местной власти; научных и образовательных учреждений; общественных организаций и НКО; бизнес-сообщества, предпринимательства; религиозных организаций и СМИ.

Результаты и их обсуждение. На Юге России, как и в России в целом, сформировался запрос на перемены, который, с одной стороны, с учетом стоящих перед страной острых социальных проблем, можно признать в качестве запроса на инновации, однако, вектор инновационного запроса регионального социума, как и всего российского народа, не ориентирован на кардинальные изменения, а связан с ориентацией на стабильность и порядок. Основой последнего выступает социальная справедливость, однако, ее обеспечение в обществе связывается с сильной властью, т.е. региональное сообщество еще не видит себя субъектом инновационных преобразований. Сформировавшийся со стороны общества запрос на перемены не сочетается с государственными интересами и целями инновационного развития регионов, а также социокультурными и институциональными ресурсами и условиями их реализации. В данных условиях инновационное развитие регионального пространства Юга России носит фрагментированный, точечный и не ориентированный на весь южнороссийский регион характер.

Ключевые слова: Юг России; регион; региональное пространство; запрос на перемены; инновационное развитие; социальная справедливость.

Для цитирования: Узунов В. В. (2022). Запрос на перемены и инновационное развитие регионального пространства Юга России. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). С. 148-158. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.15>

Request for changes and innovative development of the regional space in the South of Russia**Vladimir V. Uzunov¹**

¹Crimean Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian
Academy of Sciences, Simferopol, Russia
e-mail: vladimir.uzunov@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the research related to the need to transition to an innovative strategy for the development of the southern Russian region is substantiated, and the task is set to determine the possibility of innovative development of the regional space of the South of Russia from the standpoint of the formed request for changes in the mass consciousness of the regional society.

Methods. The empirical base of the study includes a number of sources of representative nature of the All-Russian and regional scale of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, the Law Faculty of the Russian Academy of Sciences, individual research teams and scientists in the field of studying regional processes occurring in the South of Russia, as well as the results of the author's expert survey (Republic of Crimea, N=43), which was attended by representatives of regional and local authorities; scientific and educational institutions; public organizations and NGOs; business community, entrepreneurship; religious organizations and the media.

Results and their discussion. In the South of Russia, as in Russia as a whole, a request for change has been formed, which, on the one hand, taking into account the acute social problems facing the country, can be recognized as a request for innovation, however, the vector of the innovative request of the regional society, as well as the entire Russian people, is not focused on cardinal changes, but it is associated with a focus on stability and order. The basis of the latter is social justice, however, its provision in society is associated with strong power, i.e. the regional community does not yet see itself as a subject of innovative transformations. The demand for changes formed on the part of society is not combined with the state interests and goals of innovative development of regions, as well as socio-cultural and institutional resources and conditions for their implementation. In these conditions, the innovative development of the regional space of the South of Russia is fragmented, point-based and not focused on the entire South Russian region.

Keywords: South of Russia; region; regional space; request for changes; innovative development; social justice. For citation: Uzunov V. V. (2022). Request for changes and innovative development of the regional space in the South of Russia. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). С. 148-158. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.15>

Введение

На протяжении последнего десятилетия в массовом сознании россиян формируется запрос на перемены. Его оформление происходило на фоне ухудшения социально-экономической ситуации, усталости жителей страны от неэффективного реформирования и роста числа «самодостаточных» россиян (Петухов, 2022). Однако, по словам А.Н. Курюкина, «сама идея о переменах еще не побуждение к изменениям» (Курюкин, 2019). Так ли это? Можно ли рассматривать этот факт – сформировавшегося запроса на перемены в российском обществе (Петухов, 2020) – как одно из условий инновационного развития российских регионов и, в частности, южнороссийского, современное состояние которого является далеким от благополучного по показателям социально-экономического развития, социального самочувствия населения, условиям жизненной самореализации молодежи, мигрирующей в большом количестве за пределы Юга России в более благополучные регионы России (Социальная справедливость..., 2021)?

В данной статье ставится такая задача – определить возможность инновационного развития регионального пространства Юга России с позиций оформившегося запроса на перемены в массовом сознании регионального социума.

Теоретические и эмпирические основания исследования

Исследование базируется на принципах пространственного подхода к изучению региона и региональных процессов, получившего развитие в социологии региона и активно используемого в современных социологических исследованиях (Маркин В.В. (Маркин, Нелюбин, 2009; Региональная социология..., 2015, 600), Зборовский Г.Е. (Зборовский, 2010), Писачкин В.А. (Писачкин, 2017) и др.). Регион с точки зрения пространственной парадигмы рассматривается как особое социальное пространство, композиция которого представлена комплексом взаимосвязанных элементов (подпространств) социокультурного, социально-экономического, политического, территориального и др. характера, образующих пространство смыслов как детерминирующих региональные процессы в рамках определенных временных

границ. В этом пространстве смыслов оформляются идеи инновационного развития регионального пространства. Инновационное развитие регионального пространства в данном методологическом контексте предстает как изменение пространства смыслов в конфигурации социокультурного, социально-экономического, политического, территориального и др. элементов в результате отказа от традиционных практик развития региональных процессов.

Эмпирическая база исследования включает ряд источников репрезентативного характера всероссийского и регионального масштаба ФНИСЦ РАН, ЮРФИС РАН, отдельных исследовательских коллективов и ученых в области изучения региональных процессов, протекающих в пространстве Юга России, а также результаты авторского экспертного опроса (Республика Крым, N=43). В качестве экспертов выступили представители органов региональной и местной власти; научных и образовательных учреждений; общественных организаций и НКО; бизнес-сообщества, предпринимательства; религиозных организаций и СМИ.

Результаты исследования и их обсуждение

На протяжении последних лет социологические замеры, проводимые исследователи в регионах Юга России, фиксируют достаточно высокую ориентированность населения на перемены (Двадцать пять лет новой России, 2018. 86; Ментальные программы и модальные модели..., 2017, 365.), что связано, преимущественно с негативной оценкой изменений, которые произошли за предшествующий период. Как следует из всероссийских исследований, ситуация на уровне России идентичная: более половины российских граждан, опрошенных в исследовании ФНИСЦ РАН, негативно оценили те перемены, которые произошли, причем положение дел в большей степени, по мнению респондентов, ухудшилось как в области материального благополучия (60%), так и морального (53%), что определило пессимистичные настроения и ожидание трудных времен (Петухов, 2018, 21).

В нашем экспертном опросе, проведенном в Республике Крым, также большинство опрошенных (58,1%) на вопрос о том, нужны ли перемены в данном регионе, высказались в поддержку необходимости существенных перемен во всех жизненно важных сферах жизнедеятельности региона против 30,2% тех, кто считает, что регион не нуждается в переменах. Больше всего идея перемен привлекает представителей религиозных организаций и СМИ. При этом, что примечательно, из числа экспертов в большей степени высказались за перемены женщины, нежели мужчины (76,9% и 50% соответственно). Перемены, как полагают опрошенные нами эксперты, не должны носить кардинальный характер (65,1%), а если проанализировать спектр перемен, в которых нуждаются жители Крыма, судя по мнению экспертов, то на передний план выходят перемены экономического характера, ориентированные на повышение уровня жизни населения и его экономического потенциала (39,2%). На втором месте оказались социальные перемены, связанные с ростом социальной справедливости, снижения социального неравенства в регионе, а на третьей позиции – перемены в образовании, науке, культуре и здравоохранении (18,6%). Среди проблем качества жизни на первое место были поставлены проблемы социального плана – здравоохранения, социальной защиты, занятости, обеспечения жильем и экологические проблемы. Как видим, большинство из них связаны с уровнем жизни населения, а потому экономические перемены в Крыму были экспертами выдвинуты на передний план.

Надо заметить, что жители Ростовской области также в качестве наиболее желательных перемен назвали те, что связаны с усилением социальной справедливости, борьбой с коррупцией в органах власти, проведением экономических реформ и развитием науки, образования, культуры и здравоохранения (Двадцать пять лет новой России, 2018, 88).

Социально-экономические и социально-правовые проблемы как ключевые в системе организации жизнедеятельности полиэтничного населения Юга России были выделены в ходе серии социологических опросов ростовской группы ученых (Социальная справедливость..., 2021), в том числе и непосредственно в Крыму (Верещагина, Бинеева, Войтенко, 2021).

Безусловно, сложившийся запрос на перемены четко вписывается в характер самых злободневных проблем, которые так и не удалось преодолеть за последние десятилетия постсоветской действительности – это бедность, обнищание населения, коррупция, социальная несправедливость. Неудивительно, что в подобной ситуации актуализировался с новой силой вопрос о социальной справедливости. Более того, Россия будущего в глазах жителей страны, как показал опрос ФНИСЦ РАН (2021 год) – это страна, в которой обеспечивается справедливость (так считает 51% опрошенных жителей страны) (Информационно-аналитический бюллетень, 2021).

Таким образом, запрос на перемены, сложившийся на Юге России, связан, преимущественно, с проблемами социально-экономического характера, породившими значительный разрыв в уровне жизни разных слоев населения, феномен бедности и социальной несправедливости, социальной незащищенности граждан, но, безусловно, связывать эти проблемы с сугубо экономическими факторами не стоит, поскольку многие из них есть порождение сложившейся ситуации в социокультурном пространстве южнороссийского региона. В этой связи начнем анализ специфики инновационного развития именно с него, понимая, что в социокультурное поле пространственного развития региона попадает огромный спектр явлений, процессов и отношений, связанных с этнокультурной, конфессиональной, образовательной ситуацией в полиэтничных субъектах Юга России.

Отталкиваясь от формулы «Наукофера = специализированные научные организации + высшие учебные заведения + наукоёмкие предприятия + специализированные финансовые институты», в российских реалиях регулируемой пятым участником – государством (Латова, Латов, 2016, 49), львиная доля «нагрузки» в инновационном развитии региона отводится науке и образованию, и особая миссия в этом процессе принадлежит региональным университетам как механизмам социокультурного воспроизводства и социокультурной динамики регионального социума (Скворцов, Верещагина, Самыгин, 2019). Региональные университеты участвуют в жизни региона в самых различных направлениях, выступая центрами научного обеспечения воспроизводства социокультурного потенциала региона и его развития в инновационном ключе в духе времени и вызовов современной эпохи. Крупные университеты в большинстве случаев оказываются включенными в разработку стратегии развития региона, федерального округа, что составляет значимую часть миссии современных региональных университетов (Скворцов Н.Г., Пусько, 2018, 37).

В инновационно развивающихся регионах университеты самым активным образом включены в инновационные разработки, в их создание и трансфер, в функцио-

нирование малых инновационных предприятий, технопарков, бизнес-инкубаторов и т.д. По сути, университеты способствуют развитию человеческого потенциала регионального пространства, а без этого невозможны никакие инновации. Особая роль в данном процессе отводится федеральным университетам, но эффективной реализации их миссии в инновационном развитии региона, как на юге страны, так и в других регионах, препятствуют институциональные условия их функционирования, связанные с общей логикой кризисного формата развития системы высшего образования в стране, в рамках которой фиксируются негативные явления массовизации образования; закрепления принципов стандартизации и технологизации, уничтожающих гуманистическую составляющую образовательного пространства и не способствующих формированию креативной личности как преподавателя, так и студента – будущего специалиста, профессионала; снижения финансовой поддержки государства высшего образования и университетов в частности; поступательного снижения доли общегуманитарного образования на фоне роста доли практико-ориентированного образования. Эксперты ФНИСЦ РАН эмпирически доказали, что реформирование образования в стране вызывает резко негативные оценки, указывая в качестве самых негативных результатов этого реформирования тестовую систему проверки знаний, чрезмерно узкую специализацию и коммерциализацию высшего образования (Асимметрия жизни современного российского общества..., 2017).

Безусловно, такая ситуация не могла не сказаться на статусе образования, на роли университетов в развитии южнороссийского региона и формировании его человеческого потенциала. Согласно результатам социологических исследований на Юге России, образование не входит в тройку важнейших ценностей жителей региона, уступая место таким ценностям, как здоровье, семья, материальное благополучие (Ментальные программы и модальные модели..., 2017, 144). По итогам исследования ученые установили, что установки на образование и профессионализм в своем деле уступают установкам на материальное благополучие, что говорит об инструментализации ценностных установок жителей Юга России. В том числе это коснулось и ценности труда, в котором доминируют установки на его оплату, а не содержание, что, безусловно, имеет под собой веские причины, поскольку труд в России, в том числе и на Юге воспринимается как несправедливо оплачиваемый, а потому и работать в полную силу представляется бессмысленным (Ментальные программы и модальные модели..., 2017, 147).

Таким образом, можно констатировать, что ведущая роль университетов в инновационном развитии Юга России в контексте воспроизводства человеческого потенциала в его инновационной, креативной, созидательной составляющей, сама по себе не вызывающая сомнений, реализуется в явно не полную силу в сложившихся кризисных реалиях. Эти реалии говорят о неравномерном и несправедливом государственном участии в жизни университетов в разных регионах страны в плане поддержки их как центров производства инноваций и воспроизводства инновационного потенциала человеческих ресурсов. Статус университета в условиях рыночных отношений, слабо регулируемых государством, осуществляющим своего рода точечную политику по развитию и поддержке инновационной деятельности научно-образовательных центров, стоит под вопросом, и, прежде всего, статус площадки разворачивания, генерирования и трансляции инновационных идей, смыслов и методик. В современных условиях система образования, если обобщать ситу-

ацию, не готовит субъекта-профессионала как ответственного и ориентированного на инновационную деятельность в рамках воспроизводства духовного и интеллектуального опыта своего народа. Поскольку миссия региональных университетов во многом заключается в именно в этом – воспроизводстве региональных сообществ, региональной культуры и идентичности в контексте сложившейся системы этнокультурной идентификации и пространства межкультурного диалога, разрушение этой составляющей предназначения университетов выступает важнейшим источником социокультурного неблагополучия университетского образования и в целом образовательного пространства на Юге России. Последствия этого неблагополучия простираются далеко за пределы системы образования, сказываясь на всей системе социальных отношений и взаимодействий, в итоге конструирующих состояние и функционирование других подпространств региона – социально-экономического и социально-политического.

Речь идет о том, что в условиях отсутствия эффективной системы генерирования инноваций и их поддержки со стороны органов власти сама инновационная деятельность становится фактором высокого риска, а потому экономические акторы предпочитают работать «наверняка», используя старые апробированные схемы в стремлении получить гарантированную прибыль в краткосрочной перспективе. Это особенно относится к бизнес-сектору, который весьма неохотно вступает в отношения с научными и образовательными организациями с целью реализации инновационных проектов, так как эта деятельность требует, как правило, ожидаемого результата во времени, т.е. является долгосрочной, а в российских условиях любые долгосрочные проекты автоматически попадают в зону риска. Да и сама предпринимательская деятельность, если обратиться к мнению россиян в исследовании Левада-Центра 2019 года, наполнена множеством рисков, производных от негативных институциональных условий для предпринимательства, что и останавливает многих из тех, кто хотел бы заняться этим видом деятельности: только 9% опрошенных ответили утвердительно, что в России можно вести честный бизнес, с сомнением в этом вопросе высказались еще 25%, а вот 24% однозначно считают, что нет, нельзя этого делать в современной России, и к ним можно прибавить 38% тех, кто считают, что «скорее, нет» (Предпринимательство в России..., 2019). Ситуация пандемии коронавируса еще более жестко обозначила границы риска занятия бизнес-деятельностью в России.

На Юге России не сформировался активный, ответственный, инициативный экономический актор, готовый и способный действовать в сложившихся реалиях рыночных отношений. Исследование на Юге России, проведенное группой ростовских ученых показало, что в регионе доминируют консервативные установки в отношении экономического устройства – значительная часть опрошенных жителей Юга России (52%) придерживаются установок на «смешанную» экономику с государственной и частной собственностью при соответствующей доле контроля со стороны государства. За свободный рынок при минимальном вмешательстве государства высказались только 26% опрошенных на Юге России (Ментальные программы и модальные модели..., 2017, 126).

Смешанная экономика как желаемый образ экономического устройства России для жителей Юга страны коррелирует с установками на характер занятости населения, которые распределились таким образом, что примерно равные позиции

заняли такие виды занятости, как предприниматель (19,2%) и наемный работник на государственном предприятии (19,1%), т.е. в массовом сознании жителей Юга России в практически равной мере представлены установки на государственный патернализм и индивидуальное предпринимательство, что позволило ученым сделать вывод о доминировании у населения данного региона государственно-либеральной модели экономического поведения (Ментальные программы и модальные модели..., 2017, 135). Эта модель сложно сочетается с идеей инновационного развития регионального экономического пространства, которая, сформировавшись в русле либеральной модели экономики западного типа предполагает наличие активного самостоятельного, не ориентированного на поддержку государства экономического актора, способного и готового адаптироваться к рыночным реалиям, изменяя их своей деятельностью.

Иными словами, идеологема инновационного развития российского общества, построенная на интенциях западного рыночного экономического порядка, не «работает» в российских условиях, ментально связанных с патерналистскими установками и институционально – с административно-бюрократическими, правовыми барьерами. И только там, где государственная поддержка весьма ощутима (Москва, Татарстан и т.д.), инновационные разработки имеют место быть, но они не формируют общий фон инновационного прорыва страны как прорыва на уровне сознания и поведения в различных сферах общественной жизни.

Государство в глазах жителей России – это известный факт – выступает основным актором регуляции социальных отношений и развития социальной сферы. Сами жители страны и отдельных регионов убеждены в полном отсутствии возможности влиять на политику, проводимую органами власти на различных уровнях. Так, данные по Ростовской области показывают, что только 7,3% опрошенных убеждены в том, что у них есть такая возможность; 22,7% – убеждены в обратном, а 20,4% и 47,5% испытывают сомнения по этому поводу, склоняясь, соответственно, к первой и второй позиции (Двадцать пять лет новой России, 2018, 116).

Иными словами, как полагают исследователи, в массовом сознании жителей Юга России сформировалась та же модель поведения, которая характеризует и экономическое поведение, государственно-либеральная модель или, как ее еще называют, – гибридная модель, характерная для самой многочисленной группы населения данного региона и отличающаяся противоречивыми и взаимоисключающими политическими ориентациями, в которых сочетаются установки на сильную власть как следствие политической культуры, сформировавшейся на предшествующих этапах существования российского государства, и модифицированные установки на демократию и либерализм, менее значимые, но не отторгнутые. Особенно ярко установки на демократические права и свободы проявляются в области оценки межэтнических отношений и механизмов их регуляции в полиэтничном пространстве Юга России (Социальная справедливость..., 2021).

Итак, как и в пространстве социально-экономических отношений, в пространстве социально-политических отношений также не сформировался активный, ответственный гражданин как субъект, готовый к инновационным политическим практикам во благо своего народа, региона, страны. Жители России совершенно справедливо с нашей точки зрения характеризуются учеными с позиций гражданской и политической беспомощности как носители пассивной культуры подданных (Магарил, 2016,

147), а не необходимой для реализации запроса на перемены и инновации активной гражданской культуры. В данных обстоятельствах сложно ожидать, что запрос на перемены, зафиксированный в российском обществе и на Юге России, в частности, будет реализован – для этого в обществе и регионах страны должен сформироваться субъект социальных изменений, обладающий зрелой гражданской культурой и ценностями инновационной деятельности.

Выводы

На Юге России, как и в России в целом, сформировался запрос на перемены, который с той или иной долей условности, с учетом стоящих перед страной острых социальных проблем, можно признать в качестве запроса на инновации, однако, вектор инновационного запроса регионального социума, как и всего российского народа, не ориентирован на кардинальные и революционные изменения, а связан с ориентацией на стабильность и порядок. Общество устало от неопределенности, турбулентности, непредвиденности завтрашнего дня, невозможности конструировать свое, хотя бы неотдаленное будущее.

Этот запрос на стабильность и порядок базируется на признании в качестве важнейшей черты желаемого общественного устройства социальную справедливость как равенство всех перед законом. Ее обеспечение в обществе связывается с сильной властью, т.е. в своем лице региональное сообщество не видит субъекта инновационных преобразований, направленных на стабилизацию ситуации в стране в заданном массовым сознанием направлении.

На фоне этого государство задает несколько иные цели инновационного развития, связанные с формированием инновационного прорыва, прежде всего, в экономике и наукоемких отраслях производства, не создавая при этом соответствующей финансовой базы и не принимая в расчет низкий уровень субъектности ряда акторов инновационной деятельности, не готовых к социальному сотрудничеству и партнерству в условиях социокультурного неблагополучия регионального социума, что находит выражение в высокой динамике коррупции, бюрократизма и технократизма, дефицита финансовых вливаний и заинтересованности федерального центра в гармоничном развитии инновационного процесса с точки зрения баланса инновационных площадок в региональном пространстве России.

Иными словами, сформировавшийся со стороны общества запрос на перемены (неформальный запрос) не сочетается с государственными интересами и целями инновационного развития регионов, а также социокультурными и институциональными ресурсами и условиями их реализации. В этом заложен эффект институциональных барьеров на пути к инновационному развитию регионального пространства Юга России – расхождение формальных и неформальных аспектов институциональных практик в области инновационной деятельности.

В данных условиях инновационное развитие регионального пространства Юга России носит фрагментированный, точечный и не ориентированный на весь южно-российский регион характер, поскольку в подобных условиях иного результата ожидать достаточно сложно. Заданный государством курс инновационного развития не сочетается с государственно-либеральной моделью социального поведения российских граждан, в том числе на Юге России, которая требует более осязаемого, действенного, заинтересованного и включенного присутствия государства в регио-

нальных процессах, но, что еще более важно, региональное сообщество должно выработать еще и собственную логику инновационного развития, используя свой ресурсный потенциал и специфику регионального пространства. В основе этой логики должны находиться смыслы как составляющие той идеи, которая способна сплотить региональное сообщество вокруг инновационных задач и целей и с успехом реализовать их.

Сложились ли эти единые смыслы? Какую идею консолидации они составляют? Какова конфигурация этих смыслов и возможно ли их оформить в единое смысловое пространство, которое сможет стать основанием социальной консолидации регионального социума для решения социальных проблем посредством инновационных стратегий и программ? Ответы на эти вопросы еще ждут исследователей, составляю перспективу научных изысканий в данном направлении.

Литература

- Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций: Монография (2017). Отв. ред. О. В. Аксенова. ИС РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 207.
- Верещагина, А.В., Бинеева, Н.К., Войтенко, В.П. (2021). Социальная справедливость в развитии полиэтничного регионального пространства Республики Крым: результаты массового опроса. *Социология*. 6, 22-31.
- Двадцать пять лет новой России: Ростовская область: Монография (2018). Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 174.
- Зборовский, Г.Е. (2010). Региональное социальное пространство как социологический феномен. *Социум и власть*. 4, 11-20.
- Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики) (2021), 2, 109. DOI: 10.19181/INAB.2021.2.
- Курюкин, А.Н. (2019). Современное российское правосознание и запрос на перемены. *Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова)*: Международная научная конференция (Москва, 28–30 ноября 2019 г.). Отв. Ред. М. К. Горшков. ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 455-459. DOI: 10.19181/yadov_conf.2019.
- Латова, Н.В., Латов, Ю.В. (2016). Инновационные площадки России – «хорошие и разные» (Часть первая) (структурный анализ). *Социологическая наука и социальная практика*. 1, 48-70.
- Магарил, С.А. (2016). Смыслы патриотизма – исторические трансформации. *Социологические исследования*. 1, 142-151.
- Маркин, В.В., Нелюбин, А.А. (2009). Социальное моделирование пространственных трансформаций. *Мониторинг региональных органов власти. Россия реформирующаяся*. Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 8. М.: Институт социологии РАН, 75-90.
- Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России: монография (2017). Отв. ред. А.В. Лубский. М.: Социально-гуманитарные знания.
- Петухов, Р.В. (2018). Гражданское и политическое участие в условиях формирования запроса на перемены (на примере опыта протестных выступлений против повышения пенсионного возраста). *Социологическая наука и социальная практика*, 6, 4, 19-28. DOI: 10.19181/snsp.2018.6.4.6080.
- Петухов, Р. В. (2020). Запрос на перемены: политико-ценностное измерение. *Полис. Политические исследования*. 6, 103-118. DOI 10.17976/jpps/2020.06.08
- Петухов, Р. В. (2022). Почему люди хотят изменений? Исследование В. Петуховым причин актуализации общественного запроса на перемены. *Вестник Института социологии*, 13, 2S, 61–73. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.816.
- Писачкин, В.А. (2017). Пространство смысла в социальной топологии региона. *Регионология*. 4, 656-667.
- Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России (2015). Отв. ред. В.В. Маркин. Ред. коллегия: М.К. Горшков, В.В. Маркин, В.В. Воронов, чл.-корр. РАН А.В. Дмитриев, Н.И. Лапин, А.В. Тихонов, А.Н. Чумиков, Бийжанова Э.К. Новый Хронограф Москва, 600.
- Скворцов, Н.Г., Верещагина, А.В., Самыгин, С.И. (2019). Инновации в системе социального управления региональным развитием: роль университетского образования. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 3, 64-68.

Скворцов, Н.Г., Пусько, В.С. (2018). Роль социально-гуманитарного образования в решении проблем социокультурной интеграции. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*, 4 (70), 1S. 36-41.

Социальная справедливость в сфере межэтнических отношений и укрепления общероссийской идентичности населения Юга России: Монография (2021). Отв. ред. Ю.Г. Волков. Москва: РУСАЙНС, 180.

Предпринимательство в России: отношение россиян, барьеры. (2019). Пресс-выпуск ВЦИОМ. № 3883 от 20 февраля 2019 г. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9565>

References

Asymmetry of the life of modern Russian society: correlation of traditions and innovations: Monograph (2017). Ed. by O. V. Aksenov. IS RAS. Moscow: FCTAS RAS, 207.

Information and Analytical Bulletin (INAB). Russian society in a pandemic: a year later (experience of sociological diagnostics) (2021), 2, 109. DOI: 10.19181/INAB.2021.2.

Kuryukin, A.N. (2019). Modern Russian legal consciousness and the demand for change. The future of sociological knowledge and the challenges of social transformations (to the 90th anniversary of the birth of V. A. Yadov): International Scientific Conference (Moscow, November 28-30, 2019). Ed. by M. K. Gorshkov. FCTAS RAS. Moscow: FCTAS RAS, 455-459. DOI: 10.19181/yadov_conf.2019.

Latova, N.V., Latov, Yu.V. (2016). Innovation platforms in Russia – «good and different» (Part One) (structural analysis). *Sociological science and social practice*. 1, 48-70.

Magaril, S.A. (2016). The meanings of patriotism are historical transformations. *Sociological research*. 1, 142-151.

Mental programs and modal models of social behavior in the South of Russia: monograph (2017). Ed. A.V. Lubsky. Moscow: Socio-humanitarian knowledge.

Markin, V.V., Nelyubin, A.A. (2009). Social modeling of spatial transformations. Monitoring of regional authorities. Russia is reforming. Ed. by M.K. Gorshkov. Issue 8. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 75-90.

Petukhov, R.V. (2018). Civil and political participation in the conditions of the formation of a request for change (on the example of the experience of protest actions against raising the retirement age). *Sociological Science and Social Practice*, 6, 4, 19-28. DOI: 10.19181/snsp.2018.6.4.6080 .

Petukhov, R. V. (2020). A request for change: a political and value dimension. Policy. *Political studies*. 6, 103-118. DOI 10.17976/jpps/2020.06.08

Petukhov, R. V. (2022). Why do people want change? V. Petukhov's study of the reasons for the actualization of the public demand for change. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 13, 2S, 61-73. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.816.

Pisachkin, V.A. (2017). The space of meaning in the social topology of the region. *Regional Studies*, 4, 656-667. Regional sociology: problems of consolidation of the social space of Russia (2015). Ed. V.V. Markin. Ed. board: M.K. Gorshkov, V.V. Markin, V.V. Voronov, corresponding member. RAS A.V. Dmitriev, N.I. Lapin, A.V. Tikhonov, A.N. Chumikov, Biizhanova E.K. New Chronograph, Moscow, 600.

Skvortsov, N.G., Vereshchagina, A.V., Samygin, S.I. (2019). Innovations in the system of social management of regional development: the role of university education. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 3, 64-68.

Skvortsov, N.G., Pusko, V.S. (2018). The role of socio-humanitarian education in solving the problems of socio-cultural integration. Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. *Sociology. Pedagogy. Psychology*, 4 (70), 1S. 36-41.

Social justice in the sphere of interethnic relations and strengthening of the All-Russian identity of the population of the South of Russia: Monograph (2021). Ed. by Yu.G. Volkov. Moscow: RUSAINS, 180.

Twenty-five years of new Russia: Rostov region: Monograph (2018). Ed. by Yu.G. Volkov. Rostov-on-Don: Foundation of Science and Education, 174.

Vereshchagina, A.V., Bineeva, N.K., Voitenko, V.P. (2021). Social justice in the development of the multiethnic regional space of the Republic of Crimea: results of a mass survey. *Sociology*. 6, 22-31.

Zborovsky, G.E. (2010). Regional social space as a sociological phenomenon. *Society and power*. 4, 11-20.

Entrepreneurship in Russia: the attitude of Russians, barriers. (2019). VCIOM press release. No. 3883 dated February 20, 2019 Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9565>.

Дата получения рукописи: 18.11.2022
Дата окончания рецензирования: 04.12.2022
Дата принятия к публикации: 06.12.2022

Информация об авторе

Узунов Владимир Владимирович – доктор политических наук, директор Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Симферополь, Россия, e-mail: vladimir.uzunov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Uzunov Vladimir Vladimirovich – Doctor of Sciences in Policy, Director of the Crimean Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia, e-mail: vladimir.uzunov@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Научная статья

УДК 32.019.5

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.4.16

EDN WYPMGS

**Репрезентация специальной военной операции в печатных СМИ
в контексте консолидации российского общества****Наталья М. Великая¹**¹Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН),
г. Москва, Россия

e-mail: natalivelikaya@gmail.com

Анастасия А. Зайцева²²Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН),
г. Москва, Россия

e-mail: aa.zaytseva23@yandex.ru

Аннотация

Введение. Получение актуальной социологической информации об особенностях репрезентации осуществляемой в настоящее время РФ специальной военной операции в печатных СМИ актуализировано задачами интеграции и консолидации российского социума в условиях гибридной реальности. Рассматривая СМИ как важнейший институт формирования общественного мнения, авторы опираются на теории информационного общества и коммуникативного действия, рассматривают информационно-коммуникативную сферу как определяющую в конструировании трендов социального и политического процесса.

Методы. Эмпирическое исследование проведено методом количественного и качественного контент-анализа и критического дискурс-анализа в период с 21.08.2022 по 21.10.2022. Генеральная совокупность составила 484 статьи, выборочная совокупность – 105 статей.

Результаты и их обсуждение. На основе проведенного количественного и качественного анализа публикаций авторы выделили 4 тематических кластера и их содержательные характеристики: военные сводки (26%), события вокруг специальной военной операции (30%), частичная мобилизация (28%) и мирная жизнь при специальной военной операции (16%). С помощью метода критического дискурс-анализа были выявлены доминирующие дискурсы, тиражируемые в СМИ (войны, победы, повседневности и нормализации военной ситуации, героизации СВО, жертвы, борьбы, единства), основные стратегии репрезентации СВО, выявлена эмоциональная нагрузка по каждому кластеру. Показано, что эмоциональный тон публикаций ухудшился перед объявлением частичной мобилизации в связи с украинским контрнаступлением, стал позитивно-нейтральным после объявления частичной мобилизации и далее характеризовался неустойчивостью. На основе выявленных дискурсивных стратегий сделан вывод о том, что доминирующий образ СВО как справедливой и освободительной акции, основанный на апелляции к опыту Великой отечественной войны, определяет направления интеграции российского общества и консолидацию его с властью. Возможные риски консолидации, основанной на ограничении пространства свободной дискуссии, могут быть связаны со снижением уровня доверия к власти и повышением конфликтности общества в перспективе.

Ключевые слова: печатные СМИ; информационное пространство; специальная военная операция; дискурсивные стратегии СМИ; консолидация.

Для цитирования: Великая Н.М., Зайцева А.А. (2022). Репрезентация специальной военной операции в печатных СМИ в контексте консолидации российского общества. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). С. 160-172. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.16>

**Representation of the special military operation in print mass media
in the context of consolidation of Russian society****Nataliya M. Velikaya¹**¹Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS), Moscow, Russia

e-mail: natalivelikaya@gmail.com

Anastasiya A. Zaytseva²

²Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS), Moscow, Russia
e-mail: aa.zaytseva23@yandex.ru

Abstract

Introduction. Obtaining up-to-date sociological information about the specifics of the representation of the special military operation currently being carried out by the Russian Federation in the print media is actualized by the tasks of integration and consolidation of Russian society in a hybrid reality. Considering the media as the most important institution for the formation of public opinion, the authors rely on the theory of information society and communicative action, consider the informational and communicative sphere as determining in the construction of trends in the social and political process.

Methods. The empirical study was conducted by the method of quantitative and qualitative content analysis and critical discourse analysis in the period from 08/21/2022 to 10/21/2022. The general totality is 484 articles, the sample is 105 articles.

Results and its discussion. Based on the quantitative and qualitative analysis of publications, the authors identified 4 thematic clusters and their content characteristics: military reports (26%), events around the special military operation (SMO) (30%), partial mobilization (28%) and peaceful life under the SMO (16%). Using the method of critical discourse analysis, the dominant discourses replicated in the media (wars, victories, everyday life and normalization of the military situation, heroization of the SMO, sacrifice, struggle, unity), as well as the main strategies for the representation of the SMO were identified, the emotional load for each cluster was revealed. It is shown that the emotional tone of publications worsened before the announcement of partial mobilization in connection with the Ukrainian counteroffensive, became positively neutral after the announcement of partial mobilization and was further characterized by instability. On the basis of the discursive strategies identified, it is concluded that the dominant image of SMO as a just and liberating action, based on an appeal to the experience of the Great Patriotic War, determines the direction of integration of Russian society and its consolidation with the authorities. Possible risks of consolidation based on the restriction of the space of free discussion may be associated with a decrease in the level of trust in the authorities and an increase in the conflict of society in the future.

Keywords: print mass media; information space; special military operation; discursive media strategy; consolidation.

For citation: Velikaya N.M., Zaytseva A.A. (2022). Representation of the special military operation in print mass media in the context of consolidation of Russian society. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). С. 160-172. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.15>

Введение

Проведение специальной военной операции на Украине, которое неоднозначно освещается в информационном пространстве, может иметь следствием повышение уровня социально-политических рисков в российском обществе, определяемое процессами социальной дифференциации и политической дезинтеграции социума, нарастанием тревожности, проявлением протестных настроений и эскапизма. Это закономерным образом ставит вопрос о возможностях, основаниях и механизмах консолидации российского общества и требует обратиться к роли СМИ в этом процессе, поскольку в современном информационном общества масс-медиа являются важнейшим институтом формирования общественного мнения. При этом мы рассматриваем консолидацию как результат общественного консенсуса, который зависит от разделяемых членами общества социальных норм и мировоззренческих ориентиров (Великая, 2005).

Общий тренд гибридной реальности политики, проводимой в условиях мирной жизни общества и СВО, особенности информационного противостояния предполагают сочетание административных и демократических подходов к регулированию средств массовой информации. Угрозы распространения «постправды» и «фейков» вынудили федеральных законодателей принять поправки в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РФ, которые ограничивали деятельность СМИ путём введе-

ния административной и уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации об использовании ВС РФ, а также за публичные действия, направленные на дискредитацию российской армии¹.

Учитывая существенное влияние СМИ на общественное сознание и возможность применения языковых манипулятивных технологий (Fairlough, 1995), считаем необходимым обратить внимание на особенности репрезентации СВО в отечественных печатных СМИ, которые по сравнению с социальными медиа Интернета пользуются традиционно более высоким уровнем доверия, что подтверждают и данные последней волны мониторинга «Как живешь, Россия?», проводимого ИСПИ ФНИСЦ РАН (Как живешь Россия?, 2022, 73) уже применительно к освещению событий на Украине. Таким образом, цель настоящего исследования – выявление и описание доминирующих фреймов новостного дискурса, связанных с проведением СВО.

Методология исследования и эмпирическая база

В основе исследовательской стратегии лежат теории информационного общества (Кастельс, 2000) и коммуникативного действия (Хабермас, 2001), в рамках которых СМИ рассматриваются в том числе как инструмент и субъект информационного и идеологического воздействия на аудиторию (Озюменко, 2017; Чернышов, 2019), а также как инструмент манипуляций общественным сознанием (Fairclough Wodak, 1997; Кихтан, 2018).

Для изучения специфики репрезентации тех или иных феноменов в информационном публичном пространстве наиболее продуктивным видится использование критического дискурс-анализа (van Leeuwen 1996; Матыцина 2019), позволяющего выявить не только тематический репертуар отдельных СМИ, но и дискурсивные стратегии и практики, наполненные определёнными языковыми средствами. При этом мы выделяем три вида стратегий дискурса: презентацию как способ обозначения и описания исследуемого объекта; легитимацию как способ обоснования и аргументации основных характеристик и связей объекта исследования; оппозицию, т.е. противопоставление субъектам, маркированным как «свои», других субъектов.

Для изучения репертуара и содержания статей в средствах массовой информации, посвященных специальной военной операции, был также использован метод количественного и качественного контент-анализа 484 статей, опубликованных в трех массовых печатных изданиях страны: (КП) «Комсомольская правда» и «Комсомольская правда. Толстушка»; (МК) «Московский комсомолец»; (РГ) «Российская газета» и «Российская газета. Неделя»² с 21 августа 2022 г. по 21 октября 2022. Общий корпус текста для критического дискурс-анализа включал в себя материалы 105 статей.

Результаты и их обсуждение

Большинство проанализированных статей опубликовано в жанре информационной заметки (30%), интервью (15%), новости (14%) и аналитической статьи

¹ Федеральный закон от 04.03.2022 г. № 32-ФЗ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Официальный сайт Президента РФ.

² Критерием отбора являются: общероссийская значимость, широта охвата аудитории, тираж изданий. Количественный и качественный контент-анализ текстовых сообщений, размещенных в информационном пространстве российской Федерации (федеральные СМИ), проводился в несколько этапов: отбор статей с упоминаниями ключевых слов (по базе МЕДИАЛОГИЯ); отбор текстов статей (ключевые слова: СВО, специальная военная операция, мобилизация), кодирование текстов, интерпретация результатов кодирования. Генеральная совокупность статей в период с 21 августа по 21 октября 2022 года (месяц до и после объявления о частичной мобилизации – 21 сентября 2022 года) в трех изданиях – 484 статьи. В рамках выборочной совокупности было проанализировано 105 статей.

(13%). Реже встречаются выступления (9%), репортажи с места событий (6%) и комментарии экспертов (5%). Средний индекс «заметности», рассчитанный по методике Медиалогия (Заметность сообщения...) ¹ составляет 2,28.

В изучаемых статьях упоминалось более 184 персоналий, в том числе Владимир Путин (27 статей), Владимир Зеленский (11 статей), Сергей Шойгу (9 статей), Игорь Конашенков (9 статей), Сергей Собянин (5 статей), Денис Пушилин (5 статей), Андрей Картаполов (3 статьи), Михаил Мишустин (3 статьи), Максим Топилин (3 статьи), что позволяет интерпретировать репрезентируемые дискурсы, в первую очередь, как дискурсы власти, когда тиражируются слова, прежде всего, официальных лиц, референтных фигур. Очевидно, что основным источником новостной повестки в РФ являлся Президент РФ, чьи выступления, доклады, комментарии широко освещались во всех средствах массовой информации.

В роли акторов конфликта, участвующих в нем как непосредственно, так и в качестве третьей стороны, упоминались не только государства и государственные органы, но и международные организации, регионы, политические партии и общественные организации. Всего, согласно результатам количественного контент-анализа, насчитывается более 317 ключевых акторов вооружённого противостояния. Основными из них являются: Российская федерация (РФ) – в 54% статей, Украина – 50%, Донецкая народная республика (ДНР) – 21%, Донбасс – 21%, Минобороны России – 20%, Вооруженные силы Украины (ВСУ) – 18%, Киев – 16%, Государственная дума РФ – 16%, США – 15%, Запад – 15%, Запорожская область (Запорожье) – 14%, Херсонская область (Херсон) – 14%, Москва – 14%, Луганская народная республика (13%), НАТО (Североатлантический альянс) – 12%, Совет Федерации – 10%.

В целом преобладает позитивный и нейтральный эмоциональный тон статей (1 – отражает позитивный контекст – 48% статей (единство, спасение, освобождение, победа), 2 – нейтральный – 41% статей (консолидация, объединение, сохранение, сомнение), 3 – негативный – 11% (тревога, волнение, напряжение, протест, катастрофа, поражение). (Рис. 1)

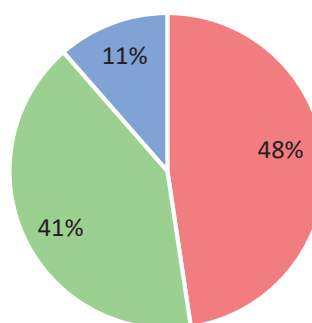

Рисунок 1. Распределение публикаций по доминирующему эмоциональному тону (% от числа анализируемых статей)

В целом динамику эмоционального фона статей в изучаемый период можно охарактеризовать как волнообразную. Если с конца августа до середины сентября (12–13 сентября) практически не наблюдается негативных оценок, то далее их частота увеличивается. После объявления начала мобилизации (с 22 сентября) вновь отмечаются нейтрально-положительные оценки. Новый виток негатива начинается с 4 октября и дальнейший период до 21 октября отличается неустойчивостью. (Рис. 2.)

По шкале поддержка/отвержение действий российской армии, где 10 – это полная поддержка, 1 – полное отвержение, средний уровень поддержки составляет 8,3 балла. Однако, если рассматривать данные оценки в динамике, то период с 21 августа до 12 сентября 2022 года можно охарактеризовать как период относительно устойчивой поддержки (за исключением «выброса» 2–4 сентября). Далее резко нега-

¹ Заметность сообщения. Официальный сайт Медиалогия. Режим доступа: <https://www.mlg.ru/about/technologies>

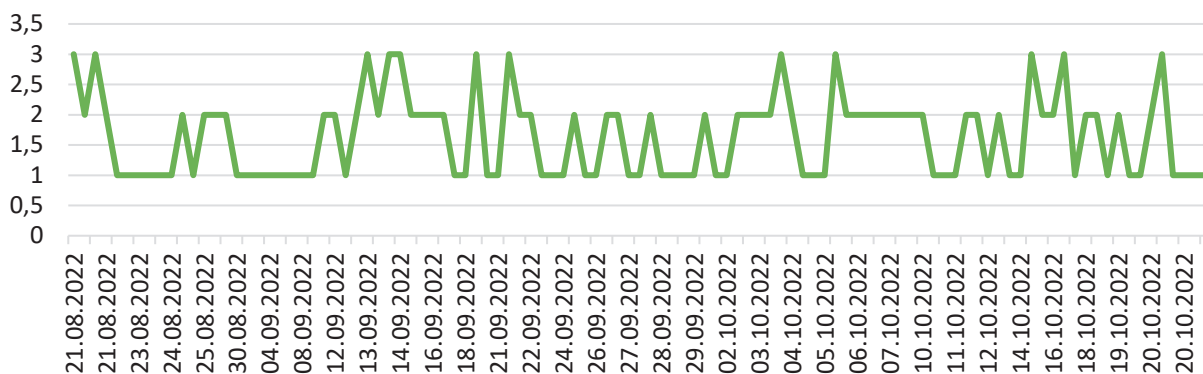

Рисунок 2. Динамика эмоционального окраса статей с 21 августа по 21 октября 2022 года (1 – позитивный, 2 – нейтральный, 3 – негативный)

тивные оценки отмечаются в период с 12 сентября по 22 сентября с дальнейшей неустойчивой динамикой – то в сторону поддержки, то в сторону отвержения действий российской армии. (Рис 3.)

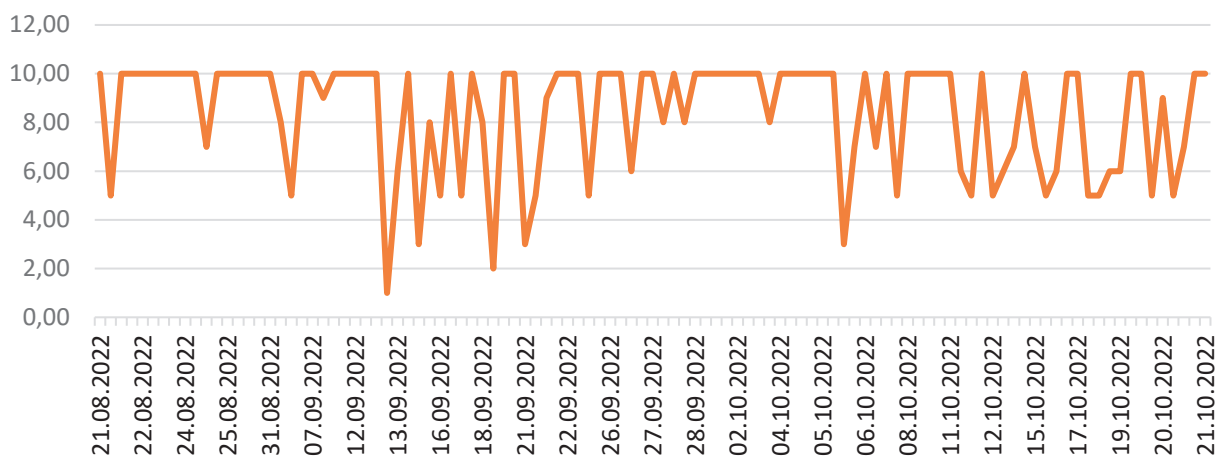

Рисунок 3. Динамика поддержки/отвержения действий российской армии в СВО статей с 21 августа по 21 октября 2022 года (1 – полное отвержение СВО, 10 – полная поддержка СВО)

Поскольку мы видим схожие тенденции как по эмоциональному тону статей, так и оценки по шкале поддержка/отвержение в определённые временные периоды, обратимся к анализу событийного новостного ряда. Рост негатива в середине сентября, вероятно, связан со сложностями военной обстановки на Харьковском направлении, украинским контрнаступлением. «Оставлять группировку в Изюме, в таких тяжелейших условиях, было самоубийственно, и российское командование приняло единственное правильное решение – отвести наши подразделения с этих позиций. Прибывающее по земле и воздуху подкрепление, по сути, прикрывало выход, который был организованно завершён. Разгромить нашу Изюмскую группировку противнику не удалось»¹, «Украинский кризис вступает (или уже вступил) в свою самую опасную фазу»², «Мы находимся сейчас в самом начале принципиально новой внутривосточной эпохи – эпохи, ход которой будет определяться ходом специальной военной операции»³.

¹ Из окружения в Изюме вышли, оборону по Осколу держим. Комсомольская правда от 12.09.2022. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27443.5/4646105>

² Путин в кольце пожаров: украинский кризис вступает в самую опасную фазу. Московский комсомолец от 14.09.2022. Режим доступа: <https://www.mk.ru/politics/2022/09/14/putin-v-kolce-pozharov-ukrainskiy-krizis-vstupayet-v-samuyu-opasnuyu-fazu.html>

³ Обозначились контуры новых вызовов для Путина. Московский комсомолец от 12.09.2022. Режим доступа: <https://www.mk.ru/politics/2022/09/12/oboznachilis-kontury-novykh-vyzovov-dlya-putina.html>

Интересно, что повышение уровня тревожности в российском обществе (Доминанты. Поле мнений 2022) сопровождалось сменой тона публикационной активности на позитивный, особенно после начала частичной мобилизации: здесь отмечается позитивный настрой на победу, готовность к участию в СВО, моральный подъем. «Начало военной спецоперации РФ на Украине вызвало необычайный моральный подъем среди абсолютного большинства граждан России. Безусловная поддержка СВО проявилась в сборе необходимых финансовых и материальных средств для наших бойцов, в отправке жителям ДНР, ЛНР и освобожденных районов Украины гуманитарной помощи, отправке простых, но в то же время трогательных писем (особенно детских) с выражением благодарности нашим воинам»¹; «Наши бойцы – это наша сила, опора, гордость. Те, кто готов за страну постоять, за веру и отечество – это высший смысл жизни, это жизнь с честью» (женщины, провожающие мужчин на мобилизацию); «мы должны помочь народу Донбасса!» (мобилизованный)²; «Многие бойцы спецрезерва за мужество и героизм в ходе спецоперации награждены орденами и медалями»³. Основным дискурсом в этот период можно считать дискурс социально-культурного и военного-политического доминирования.

В рамках контент-анализа статей были выделены 4 основных тематических кластера: военные сводки (26%), события вокруг специальной военной операции (30%), частичная мобилизация (28%) и мирная жизнь при специальной военной операции (16%). (См. рис. 4).

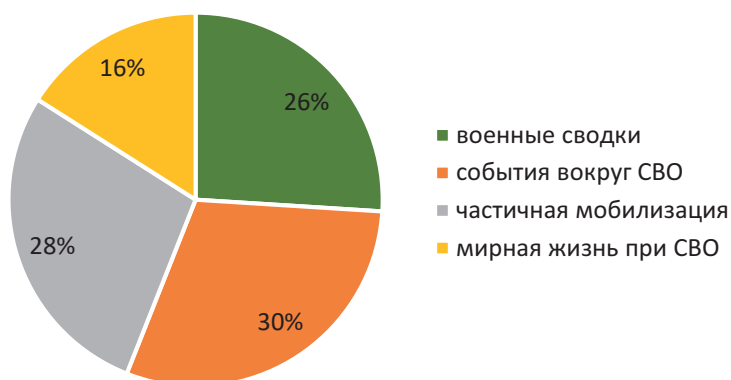

Рисунок 4. Распределение статей по тематическим кластерам (% от числа анализируемых статей)

Первый кластер посвящен военным сводкам, новостям с позиций российской армии: обострение ситуации вокруг Запорожской АЭС, диверсионные операции в Крыму, описание преимуществ боевых характеристик вооружения и командного состава российских вооруженных сил, роль Запада в конфликте, подвиги военнослужащих, успехи и трудности в СВО, назначение командующим С. Суровикина). Статьи данного кластера направлены на информирование о происходящих событиях в рамках специальной военной операции, формирование понимания ситуации у читателей, создание «боевого настроения».

Ключевыми словами новостной повестки с определёнными смысловыми коннотациями, направленными на формирование оппозиций «свой – чужой», «наши – враги» были: «терроризм бандеровцев», «реальная консолидация российского общества», «давление Запада», «друзья России», «изоляция России провалилась», «русофобия», «наше дело правое», «ответный удар», «освобождение», «иностранные наемники», «победа», «потери противника». Средняя оценка заметности по кластеру – 2,29, эмоциональный окрас статей – 1,65, по шкале поддержка/отвержение СВО – 8,35.

¹ Россия начинает всерьез. Московский комсомолец от 21.09.2022 <https://www.mk.ru/politics/2022/09/21/rossiya-nachinaet-vserez.html>

² Как под «День Победы» и с молитвой проводили мобилизованных жителей Ростовской области. Комсомольская правда от 26.09.2022. Электронный ресурс: <https://www.rostov.kp.ru/daily/27449/4653036>

³ В России сразу два мобилизационных резерва. И первый-уже в бою. Комсомольская правда от 28.09.2022. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27451/4654648>

В дискурсивных стратегиях этого кластера превалирует агрессивная стратегия дискредитации украинской стороны конфликта, подаваемая более чем эмоционально и направленная на формирование ассоциативного ряда с Великой Отечественной войной: «бесчеловечная тактика украинских нацистов», «жестокая карательная операция», «неприемлемые угрозы безопасности России», «защита жителей Донбасса от геноцида киевского режима», «солдаты ВСУ и нацбатальоны прикрываются мирным населением как живым щитом», «защищаем людей Донбасса, над которыми издевались», «необученных хлопцев и выпущенных из тюрем зеков», «перетирая противника и сберегая своих людей», «украинские нацики, заигравшиеся в культ Третьего рейха».

В части статей подчеркивается роль Запада в конфликте, как в интервью с Борисом Рожиным, утверждавшего, что «люди, которые развязывали войну на Украине, свои цели со времен Обамы не меняли. Их задача – ликвидация России как субъекта международной политики. В этой связи украинцы часто представляются лишенными субъектности и человечности: *«сегодня украинцы – это такие... фигурки в большой компьютерной игре на планшетах в штабах НАТО. Именно в этих штабах и идет война с русскими»*¹, что способствует закреплению образа врага, как субъекта, не нуждающегося в сочувствии.

Выделяются статьи, в которых описываются преимущества российской военной техники: новое оружие, которое «с охотой покупают союзники», «образцы блестящи», раскрываются технические подробности: гиперзвуковая ракета, «меняет траекторию – ее фактически невозможно взять, и мы ею наносим удары по особо важным целям», «очень высокую степень защиты от разных систем противоздушной обороны», «большой калибр, дальность, поражение любых целей: танки, доты, укрепрайоны, подавление артиллерийских систем»². Так же подчеркивается профессионализм и опыт российских военно-начальников, в сравнении с противниками.

Доминирующей дискурсивной стратегией корпуса статей, посвященных успехам и сложностям, с которыми столкнулась российская армия в СВО, стала ассимиляция. Здесь главным образом описывается численность военных, техники, позиций противника: «уничтожили полевые лагеря «Айдара» и «Азова»», «пресекли наступление украинских войск на Николаево-Криворожском и других направлениях»³, «Полк спецназа «Гепард» нацгварии Украины потерял 100 человек, в Херсонской области сбиты два украинских МиГ-29»⁴. В статьях 9–13 сентября 2022 года наблюдаются более негативные оценки ситуации. Например, в газете «Комсомольская правда» формулируются причины отступления российских войск в Харьковском направлении: *«Оставлять группировку в Изюме, в таких тяжелейших условиях, было самоубий-*

¹ Россия сокрушила военную машину Украины еще в мае, с лета с нами воюет уже Запад: сколько еще продлится спецоперация. Комсомольская правда от 25.08.2022. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27436/4637517>

² Сергей Шойгу рассказал о давлении Запада, друзьях России и «Кинжалах». Комсомольская правда от 22.08.2022. Электронный ресурс WWW.KP.RU: <https://www.kp.ru/daily/27434.5/4635620>; Артиллерийская дуэль: "Малка" наносит точные удары на больших расстояниях. Российская газета от 25.08.2022. Режим доступа: <https://rg.ru/2022/08/25/artillerijskaia-duel-izdaleka.html>

³ Российские войска уничтожили полевые лагеря «Айдара» и «Азова» // Российская газета от 30.08.2022 <https://rg.ru/2022/08/30/rossijskie-vojska-unichtozhili-polevye-lageri-ajdara-i-azova.html>

⁴ Полк спецназа "Гепард" нацгварии Украины потерял 100 человек, в Херсонской области сбиты два украинских МиГ-29: Минобороны РФ доложило о ходе спецоперации. Российская газета от 28.09.2022. Режим доступа: <https://rg.ru/2022/09/28/polk-specnaza-gepard-nacgvarii-ukrainy-poterial-100-chelovek.html>

ственно, и российское командование приняло единственное правильное решение – отвести наши подразделения с этих позиций»¹.

Таким образом, данный кластер, посвященный военным действиям, направлен на информирование читателей о происходящих событиях в ходе СВО: позиции российской армии, сводки военных новостей, успехи и трудности, роль Запада в конфликте, специфика вооружения и достоинства военной техники и оружия.

Второй кластер посвящен событиям, напрямую не отражающим боевые действия, но информирующие читателей о событиях вокруг специальной военной операции. Среди таких событий отмечается убийство Дарьи Дугиной, работа ФСБ по выявлению дезертиров, выступления В.В. Путина, внешнеполитические обострения, экономическая ситуация в России, референдумы по вхождению новых территорий в РФ.

В этом кластере можно выделить два смысловых блока. Первый – духовное лидерство России на основе патриотизма и единства, выраженный словами «духовная составляющая нашей борьбы», «все, кто должен был победить, победили», «сплочение вокруг флага», «патриоты», «укрепит нашу страну», «руссофобия», «защита», «целостность страны», «добровольцы», «военное положение», «вхождение в состав РФ». Несколько статей данного блока было посвящено убийству дочери российского философа А. Дугина, которое интерпретировалось как духовная составляющая борьбы².

Второй блок – вмешательство Запада и угроза суверенитету и территориальной целостности России, который репрезентируется с помощью слов «теракт», «убийство», «сотрудничество с иностранными государствами», «агрессия в отношении России», «отказ вести переговоры с Россией», «восемь лет геноцида людей на Донбассе», «Запад пытается расколоть наше общество», «санкции», «шпионаж», «завербован СБУ», «бандеровская идеология», «украинские фашисты», «диверсии».

Ряд материалов посвящено анализу выступлений президента РФ Владимира Путина, в которых он говорит о намерениях Запада расколоть Россию, спровоцировать гражданское противостояние, «используя пятую колонну», о том, что Россия не начинала военных действий, а пытается их закончить, о волеизъявлении в ходе референдумов, желании быть вместе с Россией³. Упоминалось и обострение ситуации на границах России: Армения и Азербайджан в Нагорном Карабахе, на границе Киргизии и Таджикистана также по мнению аналитиков, провоцируются США и Великобританией: «Против нас сейчас не Украина, а США, Британия и другие члены НАТО ведут войну. Украинская армия – это их прокси-армия (как «Хезболла» для Ирана). Наш враг – это США и Британия»⁴.

Средняя оценка заметности по кластеру – 2,31, эмоциональный фон статей – 1,64, по шкале поддержка/отвержение СВО – 8,42. В целом в данном кластере статьи также отличаются эмоциональностью, как и в первом кластере. Однако, если в первом основанием для построения консолидации российского общества в статьи включаются тезисы, посвященные военной мощи, военным успехам, преимуществам в подготовке главнокомандующих, то во втором кластере внимание уделяется духов-

¹ Из окружения в Изюме вышли, оборону по Осколу держим. Комсомольская правда от 12.09.2022. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27443.5/4646105>

² ФСБ: Собрать взрывное устройство убийце Дугиной помог еще один член украинской диверсионной группы. Российская газета от 29.08.2022. Режим доступа: <https://rg.ru/2022/08/29/ubijc-bylo-dvoe.html>

³ Даты назначены, голосование готовится. Комсомольская правда от 20.10.2022. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27447/4650606>

⁴ Кто заинтересован в обострении конфликтов в странах у границ России: Политолог дал однозначный ответ. Комсомольская правда. Толстушка от 28.09.2022. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27451.3/4653679>

ным составляющим, патриотизму, законодательным изменениям, идеологическому противостоянию Запада и России.

Первые статьи третьего кластера, связанные с частичной мобилизацией в рамках СВО, датируются 21 сентября 2022, днем, когда она была официально объявлена. В рамках этого кластера рассматривается процесс начала частичной мобилизации, оповещение призывников, их финансовая поддержка и льготы, кредитные каникулы, подробности и разъяснения о категориях лиц, попадающих под критерии частичной мобилизации, советы мобилизованным, истории женщин, поддержавших своих мобилизованных мужчин.

Ключевыми словами данного кластера являются: «мобилизованные», «Россия не погибнет», «логичный шаг», «единство», «патриотизм общества», «моральный подъем», «общество оздоровится», «гуманитарная помощь», «благодарность воинам», «кредитные каникулы», «помощь», «отсиживаться никто не собирался», «гордость», «победа», «кто, если не мы», «соцгарантии», «добровольцы», «бойцы», «родные», «твоя земля», «своих не бросаем», «выплаты», «сохранить Россию», «борьба против Запада», «честь», «долг», «братство». Средняя оценка заметности по кластеру – 2,34, эмоциональный фон статей – 1,62, по шкале поддержка/отвержение СВО – 8,31.

Первые статьи по данной тематике связаны с разъяснением, какие именно категории резервистов попадают под частичную мобилизацию, ее цели и причины. Помимо информации о ходе мобилизации, в некоторых статьях поясняются нормы административной и уголовной ответственности в случае уклонения от получения повестки. Позже контекст меняется на социальные и финансовые гарантии для мобилизованных – защита трудовых прав, кредитные каникулы, бронь для сотрудников оборонных предприятий и IT-компаний, как бороться за свои права, что взять с собой на передовую. Обсуждаются вопросы о материальной поддержке мобилизованных в разных регионах: *«Приняли решение поддержать мобилизованных жителей края. Каждому в течение ближайших двух недель выплатим по 100 тысяч руб. Получить деньги смогут либо сами мобилизованные, либо члены их семей»*¹, *«Мы понимаем, что призыв самым серьезным образом меняет весь уклад жизни семьи. Чтобы мужья и отцы были спокойны за своих близких, Москва окажет им помощь и защиту»*². Есть и статьи, посвященные сугубо бытовым вопросам: что взять с собой на передовую, где купить необходимые вещи, как организовать сбор помощи мобилизованным.

Особое внимание занимают статьи, в которых рассказывается о личном опыте мобилизованных: готовность защищать семью, гордость жен за своих мужей, подготовка и обучение новоиспеченных бойцов, рассказы женщин, становящихся добровольцами для помощи своим сыновьям – «переживает за сына и остальных ребят, кто находится в зоне боевых действий на Украине». Кроме того, в статьях речь идет о гуманитарной помощи, оказываемой простыми гражданами: *«мобилизация как беда объединила всех, активность людей выросла многократно»*³.

Эмоциональный фон этого кластера определяется артикулированной готовностью к поддержке, поддержанием боевого духа тех, кто оказался на передовой и не является профессиональным военным, что формирует дискурс победы, единства, борьбы и жертвенности.

¹ Мобилизованным жителям Краснодарского края выплатят по 100 тысяч рублей. Российская газета от 03.10.2022. Режим доступа: <https://rg.ru/2022/10/03/reg-ufu/bojcov-i-semi-podderzhat.html>

² Мэр Москвы Собянин: Город позаботится о семьях мобилизованных. Российская газета. Неделя от 05.10.2022. Режим доступа: <https://rg.ru/2022/10/05/muzhia-mogut-byt-spokojny.html>

³ Супруга командующего армией Колотовкина возглавила фонд помощи мобилизованным. Российская газета от 23.10.2022. Режим доступа: <https://rg.ru/2022/10/19/zhen-general.html>

Четвертый кластер посвящен событиям мирной жизни при СВО: отмена мероприятий ко Дню Независимости в Украине, военные выставки, Единый день голосования в России, творчество военных, достижения России в сельском хозяйстве, инвестиционные проекты на Юге России, экономическое положение России в условиях санкций.

Ключевые слова по данной тематике: «бомбоубежище», «угрозы», «победы», «подвиги», «уверенность», «преимущество», «живая поэзия», «освобожденные территории», «один народ», «российские номера», «российские стандарты», «рубль укрепляется», «подконтрольные России территории», «Россия навсегда», «президента недооценили», «несерьезное отношение к России», «патриотическая линия». Средняя оценка заметности по кластеру – 2,30, эмоциональный фон статей – 1,62, по шкале поддержка/отвержение СВО – 8,38.

В статьях данного кластера авторы также часто апеллируют к подвигам военных во время Великой Отечественной войны и современных событий: *«Формат этой выставки показывает, что герои бессмертны, они совершили одинаковые подвиги, и в их наградных листах дословное повторение их формулировок. А иногда и происходило это в одном месте. Вспомним героев штурма легендарной Саур-Могилы летом 1943-го и 2014-го – это практически переселение душ»*¹. Заметим, что реминисценции на тему Великой Отечественной войны стали более, чем распространенной практикой, а использование этой дискурсивной стратегии направлено на формирование убежденности в справедливости и неизбежности проводимой СВО, в героизации тех действий, которые осуществляются российской армией. Неслучайным в этой связи были слова первого заместителя руководителя администрации президента С. Кириенко о народной войне, каковой и должна стать СВО².

Другие статьи посвящены обзору единого дня голосования в России в 2022 году, где авторы подчеркивают предсказуемость результатов: победили все «кто должен был победить», согласие между партиями и поддержка в вопросе СВО, готовность и желание внести вклад в победу³.

Эмоциональностью отличаются публицистические материалы, посвященные стихам и песням военных лет. Литераторы из Союза писателей России сообщают, что тираж военно-патриотической литературы превысил двести тысяч экземпляров, было издано два сборника стихов и один песенный⁴. Особое доверие читателей вызывают жизненные истории, поэтому их заметность существенно выше, чем в среднем по выборке (порядка 3,7), как, например, история русской эмигрантки, которая вышла замуж за американца. Согласно рассказу, женщина уехала из Украины на Камчатку после того, как стала испытывать давление в связи с использованием русского языка.⁵

¹ В Москве открылась выставка, посвященная героям освобождения Украины 1943-44 и 2022 годов. Российская газета от 28.08.2022. Режим доступа: <https://rg.ru/2022/08/24/reg-cfo/v-moskve-otkrylas-vystavka-posviashchennaia-geroiam-osvobozhdeniia-ukrainy-1943-44-i-2022-godov.html>

² Кириенко: Россия обязательно выиграет войну с НАТО, если она станет народной. Российская газета от 22.10.2022. Режим доступа: <https://rg.ru/2022/10/22/kirienko-rossiia-obiazatelno-vyigraet-voynu-s-nato-esli-ona-stanet-narodnoj.html>

³ Президент обсудил с главой Центризбиркома подготовку к Единому дню голосования. Российская газета от 24.08.2022. Электронный ресурс Режим доступа: <https://rg.ru/2022/08/24/skoro-vybory.html>

⁴ Что читают и рисуют в окопах солдаты спецоперации. Российская газета от 08.09.2022. Режим доступа: <https://rg.ru/2022/09/09/ballada-o-soldate.html>

⁵ История русской с Аляски: как живет жена американца вдали от Родины. Московский комсомолец от 14.10.2022. Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2022/10/14/istoriya-russkoy-s-alyaski-kak-zhivet-zhena-amerikanca-vdali-ot-rodiny.html>

Статьи данного кластера, включая специальную военную операцию в актуальную повестку дня, придают ей элементы «простой мирной жизни», формируют т.н. «нормальность», которая будет обеспечивать ассимиляцию и принятие факта ведения военных действий.

Заключение

Таким образом, наиболее информативным и объемным оказался тематический кластер, посвященный событиям вокруг СВО, в котором выделилось два основных блока: духовное лидерство России на основе патриотизма и единства (героический дискурс, дискурс единства) и вмешательство Запада и угроза суверенитету и территориальной целостности России (дискурс жертвы). Максимальный уровень заметности зафиксирован по кластеру «частичная мобилизация», что связано с большим интересом аудитории к проблеме мобилизации, вероятностью непосредственного участия простых граждан в СВО. (Рис 5.) В дискурсивных стратегиях кластера «военные сводки» превалирует агрессивная стратегия дискредитации украинской стороны конфликта, очевидная оппозиция «своих и чужих». Наименее объемным стал кластер, посвященный событиям мирной жизни вокруг СВО (дискурс повседневности), в котором заметными становятся статьи о личном опыте участия в СВО, открытие выставок, литературные зарисовки. Необходимо подчеркнуть, что зачастую в публикациях подчеркивается связь событий Великой Отечественной войны и специальной военной операции, что направлено на формирование убежденности в справедливости и неизбежности проводимой СВО, в героизации действий российской армии.

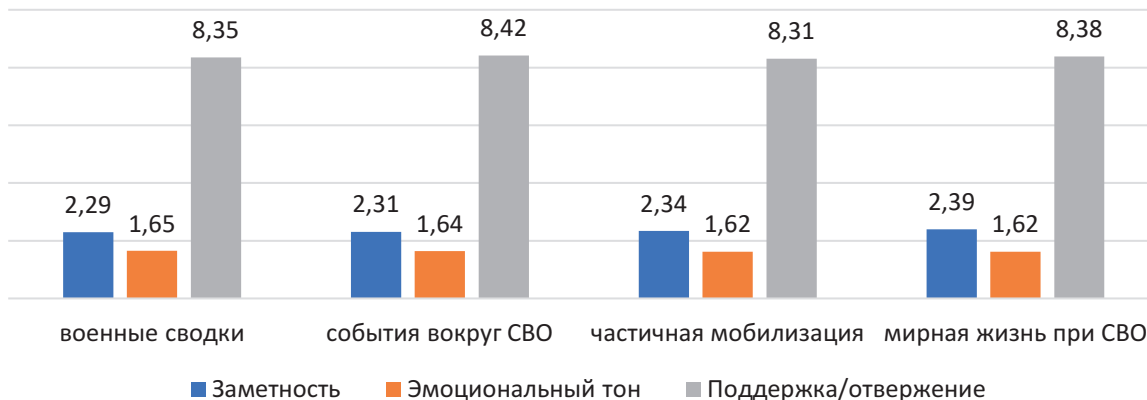

Рисунок 5. Распределение между кластерами по критериям «заметность», «эмоциональный тон» и оценка «поддержка/отвержение СВО»

Совокупность дискурсов, транслируемых в популярных российских СМИ, отражают героизацию действий российской армии: профессиональных военных, мобилизованных и добровольцев, подчеркивают роль Запада в данном конфликте и жертвенность России, как неизбежного участника конфликта, раскрывают роль простого гражданина в мирной жизни вне фронта. Все эти аспекты направлены на информирование граждан о современных событиях и могут способствовать консолидации российского общества вокруг специальной военной операции.

Несмотря на то, что граждане отчасти скептически относились к информации, получаемой из различных источников, о событиях на Украине, общий уровень доверия к печатным СМИ составляет порядка 40% (Рис.6), что коррелирует с фактом высокой степени поддержки специальной военной операции.

Рисунок 6. Распределение мнений респондентов о том, соответствует ли действительности информация о событиях на Украине, которую транслируют российские телевидение, радио, Интернет, (РФ, % от числа опрошенных)

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Таким образом, можно констатировать, что политика власти, поддержанная рядом институтов гражданского общества, направленная на минимизацию рисков распространения недостоверной информации, а также исключение оппозиционных СМИ из публичного информационного пространства России, продемонстрировала свою эффективность и обеспечила высокий уровень доверия к действиям государства, связанным с проведением специальной военной операции в Украине. Вместе с тем, доминирование властного и официального дискурса может иметь и ряд негативных последствий для общества, связанных с необходимостью адаптироваться под навязанную картину мира, транслируемую официальными СМИ. Такого рода информационная непрозрачность, ведущая к «дефициту информации», может приводить к внутриэлитным конфликтам, а также к конфликтам больших социальных групп (Svolik, 2009, 478).

Упрощение и однообразие новостной повестки, вытеснение альтернативных точек зрения может вести к тому, что граждане начнут обнаруживать несоответствие реальности и сформированной с помощью СМИ картины дня, что чревато не только отчуждением общества от процесса обсуждения и принятия политических решений, но и угрозой стабильности всей системы.

Литература

- Великая, Н.М. (2005). Проблемы консолидации общества и власти. *Социологические исследования*, 5 (253), 60-71.
- Как живешь, Россия? (2022). Экспресс-информация. 52 этап социологического мониторинга, май 2022 г (бюллетень) / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова (и др.); отв. ред. В. К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН, 91. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-400-0.2022.
- Кастельс, М. (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Москва: ГУ ВШЭ, 608.
- Кихтан, В.В. (2018). Исследование процессов манипулирования массовым сознанием в современных средствах массовой информации. *Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева*, 2, 221-227.
- Матыцина, М. С. (2019). Критический дискурс-анализ: теоретико-методологические подходы. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*, 18 (3), 206–216. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.17>.
- Озюменко, В.И. (2017). Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции к агрессии. *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*, 21- (1), 203-220. DOI: 10.22363/2312-91822017-21-1-203-220.
- Хабермас, Ю. (2001). Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 382.
- Чернышов, В.А. (2019). Мягкая сила информационного общества: место и роль СМИ. *Вестник ДонНУ. Сер. Б: Гуманитарные науки*, 1, 120-124.
- Dijk, T. A. van, (2009). Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach. In *Methods for Critical Discourse Analysis*, ed. by Ruth Wodak & Michael Meyer, 62-86. London: Sage.
- Fairclough, N. (1995). *Media discourse*. London; New York; Sydney; Auckland: Arnold, 214.

- Fairclough, N. & Wodak, R. (1997). Critical discourse analysis. *Discourse as social interaction*. London/New Delhi: Sage Publications, 258–284.
- Leeuwen, Th., van (1996). The representation of social actors. *Texts and practices. Readings in Critical Discourse Analysis*. London, New York: Routledge, 32–70.
- Svolik, M.W. (2009). Power sharing and leadership dynamics in authoritarian regimes. *American Journal of Political Science*, 53, 477–494.
- Доминанты. Поле мнений. (2022). *Социологический бюллетень. Выпуск 6 октября 2022 года. ФОМ*. Режим доступа: <https://media.fom.ru/fom-bd/d392022.pdf>.

References

- Castells, M. (2000). *Information Age: Economy, Society and Culture*. Moscow: State university High School of Economy, 608.
- Chernyshov, V.A. (2019). Soft power of information society: the place and role of mass media. *Bulletin of National university of Donetsk. Ser. B: Humanitarian sciences*, 1, 120-124.
- Dijk, T. A. van, (2009). Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach. In *Methods for Critical Discourse Analysis*, ed. by Ruth Wodak & Michael Meyer, 62-86. London: Sage.
- Dominants. The field of opinion. (2022). *Sociological Bulletin. Release October 6, 2022. FOM*. Accessed at: <https://media.fom.ru/fom-bd/d392022.pdf>.
- Fairclough, N. (1995). *Media discourse*. London; New York; Sydney; Auckland: Arnold, 214.
- Fairclough, N. & Wodak, R. (1997). Critical discourse analysis. *Discourse as social interaction*. London/New Delhi: Sage Publications, 258–284.
- Habermas, Ju. (2001). Moral consciousness and communicative action. Saint Petersburg: Nauka, 382.
- How are you, Russia? Express information. 52nd stage of the sociological monitoring, May 2022. In V. K. Levashov, N. M. Velikaya, I. S. Shushpanova (et al.); executive editor V. K. Levashov. Moscow: FCTAS RAS, 2022, 91. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-400-0.2022.
- Kikhtan, V.V. (2018). A study of the mass consciousness manipulation by the contemporary media. *Bulletin of V.N. Tatishchev Volzhskij University*, 2 (2), 221-227.
- Leeuwen, Th., van (1996). The representation of social actors. *Texts and practices. Readings in Critical Discourse Analysis*. London, New York: Routledge, 32–70.
- Matytcina, M.S. (2019). Critical Discourse Analysis: Theoretical and Methodological Approaches. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 18, 3, 206-216. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.17>.
- Ozyumenko, V. (2017). Media Discourse in an Atmosphere of Information Warfare: From Manipulation to Aggression. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (1), 203–220.
- Svolik, M.W. (2009). Power sharing and leadership dynamics in authoritarian regimes. *American Journal of Political Science*. 53, 477–494.
- Velikaya, N.M. (2005). Problems of society and power consolidation. *Sociological studies*, 5 (253), 60-71.

Дата получения рукописи: 09.11.2022

Дата окончания рецензирования: 18.11.2022

Дата принятия к публикации: 24.11.2022

Информация об авторах

Великая Наталия Михайлова – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН), заместитель директора, г. Москва, Россия, e-mail: natalivelikaya@gmail.com

Зайцева Анастасия Андреевна – кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН), г. Москва, Россия, e-mail: aa.zaytseva23@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Velikaya Nataliya Mikhailovna – Doctor of Sciences in Policy, Professor, Chief Scientist, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS), Moscow, Russia, e-mail: natalivelikaya@gmail.com

Zaytseva Anastasiya Andreevna – Candidate of Sciences in Sociology, Scientist, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS), Moscow, Russia, e-mail: aa.zaytseva23@yandex.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Информация для авторов

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным проблемам социологической науки в области теории, методологии и истории социологии; результатам социологических исследований в экономической, политической и социокультурной сферах жизнедеятельности как российского общества, так и других государств современного мира.

Требования к оформлению соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в Перечень ВАК, а в дальнейшем – в ERIN PLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Основные разделы журнала: методология и методы социологических исследований, этносоциология, социология культуры, социология семьи, социология образования, социология религии, социология управления, социология молодежи, экономическая социология, демография и миграции, социология здоровья и медицины, социология международных отношений, региональная социология (кавказоведение).

В журнале «Caucasian Science Bridge» не взимается плата за публикацию статьи.

Перед подачей статьи в журнал, пожалуйста, прочитайте политики журнала, в частности:

- публикационная этика
- процесс рецензирования
- обязанности и ответственность авторов

Требования к публикациям для авторов журнала «Caucasian Science Bridge» (редакция от 25.11.2021)

В редакцию должны быть присланы следующие **авторские сведения** (отдельным файлом):

Информация об авторе на русском языке

Фамилия, имя, отчество автора (полностью),
 Научная степень, звание, должность,
 E-mail:
 Контактный мобильный телефон (для ответственного автора),
 Почтовый адрес с индексом (для получателя номера журнала – автора, заключающего договор на оплату публикации, с указанием ФИО получателя),
 Номер идентификатора ORCID,
 Идентификаторы (при наличии) Web of Science ResearcherID, Scopus Author ID, SPIN-код РИНЦ.

Если у Вас нет ORCID ID, *скачайте подробную инструкцию по регистрации в Реестре ORCID.*

Место работы (учебы) (полное официальное название университета на русском и английском языках, в соответствии с Уставом учебного заведения – обычно находится в разделе «Документы» Сведений об образовательной организации сайта учебного заведения);
 Адрес работы (учебы) (с почтовым индексом, указанием города, страны);
 Рабочий телефон (с кодом города);

Информация об авторе на английском языке

Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке,
(Anna V. Ivanova) Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте <http://translit.ru>, при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN.

Научная степень, звание, должность,

E-mail:

Тел.:

Аффилиация на английском языке

Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (FGBNU, FGBOU VPO).

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. Максимальный объем статьи – 1 а.л. (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Все статьи подвергаются проверке в системе Антиплагиат, на правильность оформления аннотации, ключевых слов, списка литературы и ссылок в тексте статьи. Рецензирование статей происходит по двойному «слепому» принципу.

Рекомендуемый уровень **оригинальности текста статьи** – 80 %.

Недопустимо:

- *Дословное копирование текста* другого автора без указания его авторства, без ссылки на источник и использования кавычек.

- *Некорректное перефразирование* произведения другого автора, при котором изменяется более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения располагаются в ином порядке без соответствующей ссылки на источник.

- *Использование графических элементов произведения другого автора* без указания авторства (рисунка, таблицы и т.п.) и ссылки на источник. Авторы должны получить разрешение владельца авторских прав на использование элементов его произведения.

- *Самоплагиат.* Если фрагменты рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу, указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей и, вместе с тем, выявить ее связь с результатами исследований и выводами, представленными в предыдущей работе.

- *Самоцитирование.* В списке использованной литературы не должно быть более 20% работ авторов рукописи.

Перевод материалов статьи (для русскоязычных статей)

Перевод и редактирование английской части русскоязычной статьи (*название статьи, аннотация, ключевые слова, литература*) осуществляется самим автором (авторами).

В случае использования особой терминологии возможно предоставление ее авторского перевода в редакцию для учета переводчиком в работе над статьей (присылается отдельным файлом).

Обратите внимание: ФИО авторов транслитерируется редактором английской части в системе BSI (транслитерация осуществляется с помощью открытого ресурса <http://translit.net/>). Если данные автора уже учтены иначе в международных наукометрических базах данных, в редакцию присылается необходимый вариант написания (отмечается в файле авторских сведений).

Статье должен быть присвоен **номер УДК**. Для этого удобно воспользоваться следующим открытым ресурсом: <http://teacode.com/online/udc/>

Заглавие статьи должно отражать суть описываемого в ней исследования и включать в себя примерно от 5 до 10–12 слов. Использование аббревиатур нежелательно.

Аннотация

Объем аннотации должен составлять 200–250 слов.

Обращаем Ваше внимание: аннотация является источником информации о всем содержании статьи, последовательно и конкретно изложенных в ней результатах исследования.

Аннотация должна быть структурирована в соответствии с разделами статьи (см. пример оформления).

Аннотация не должна содержать скопированные фрагменты статьи, ссылки на источники, а также аббревиатуры и сокращения (если они не раскрываются в ней), должна быть информативной (не включать общие слова и фразы, не имеющие отношения к содержанию статьи).

В аннотации обязательно отражается новизна исследования, оригинальность авторского замысла.

Ключевые слова

Ключевых фраз в разделе «Ключевые слова» должно быть 5-10, внутри каждой фразы количество слов не должно превышать 2.

Использование кавычек, запятых внутри ключевых фраз, аббревиатур – не допускается.

Все ключевые слова должны обязательно присутствовать в тексте статьи в качестве обобщающих основное содержание материала.

Ключевые слова разделяются точкой с запятой.

Текст статьи

Статья должна быть структурирована разделами, соответствующими логике изложения текста, в соответствии с форматом IMRaD: например, для материала эмпирического характера целесообразным будет разделение на следующие части: «Введение», «Методы», «Результаты», «Обсуждение результатов». Заключение статьи не обязательно включать в раздел «Обсуждение результатов», его можно вынести в отдельный раздел.

В публикациях обзорного характера раздел «Методы» может быть заменен на «Методология исследования» или «Теоретическое обоснование». В основные разделы статьи возможно включение подразделов, в этом случае их наименование следует выделять полужирным курсивом.

Результаты описываемого в статье исследования **желательно представлять** в том числе с помощью **таблиц и рисунков (схем, диаграмм, фотографий и т.д.)**.

Таблицы оформляются по стилю APA (см. Методические рекомендации по подготовке рукописи в соответствии со стандартом APA)

В основной «шапке» таблицы пишется ее номер «Таблица 1» и ниже – название курсивом. В зависимости от содержания, под «шапкой» может также располагаться строка заголовка. В основной части таблицы, как правило, границы отсутствуют. Подзаголовки, заглавия колонок выделяются подчеркиванием. Если к контенту таблицы необходимо добавить примечание, его располагают в нижней части, под основной.

Обратите внимание на отсутствие внутренних границ строк и колонок в образце построения таблиц. В ссылках на таблицы в тексте рукописи приводится сокращение.

Главное **требование к подписям рисунков** – как можно более подробное отражение сути приводимой в статье иллюстрации. Под изображением располагается строка с указанием номера рисунка курсивом – Рисунок 1. Далее следует название. Условные обозначения, поясняющие символы рисунка, помещают на строку ниже и выделяют курсивом. Если изображение воспроизводится из другого источника, в конце подписи к рисунку включается ссылка на этот источник.

Авторы несут ответственность за качество графических материалов в рукописи. Все диаграммы должны быть представлены в файле Word в редактируемом виде. Иные иллюстрации должны быть помещены в текст статьи, а также отправлены отдельными файлами в формате jpg. Текстовая составляющая рисунков обязательно присылается в отдельном файле Word. Иллюстрации должны быть высокого качества (без размытия, обрезанных деталей и иных искажений). В отдельных случаях технический редактор может запросить у авторов иллюстрацию, перерисованную в векторной графике, в программах CorelDRAW или Adobe Illustrator. Рисунки, не соответствующие высокому качеству, не могут быть опубликованы в журнале.

Цитирование

При цитировании использовать стандарт APA (APA Style): ссылки на источники ставятся в круглых скобках по методу «автор, дата» – например, (Иванов, 2015; Smith, 2019). (см. Методические рекомендации по подготовке рукописи в соответствии со стандартом APA).

Если в тексте используется цитата, она заключается в кавычки, и в ссылке на источник указываются цитируемые страницы, например (Иванов, 2015, с. 74–75) или (Smith, 2019, pp. 7–8).

1. Если имя автора используется в тексте, то в скобках можно поместить только год публикации

По мнению Иванова (2019), ... Как писал Иванов (2019), «...» (с. 7–8).

2. Если авторов два

Иванов и Петров (2019), или, при цитировании иностранного источника – (Smith & Jones, 2019), т. е. добавляется амперсанд либо and. Если цитируются две работы, и первые авторы обеих работ имеют одинаковые фамилии, то включаются инициалы первых авторов во все внутритекстовые цитаты. Например, (И. М. Михайлов, 2019; А. П. Михайлов, 2015).

3. Если авторов от трех до пяти

Перечисляются фамилии всех авторов, при обращении к источнику впервые. В последующие разы упоминается фамилия только первого автора, затем ставится «et al.» и год публикации: Smith et al. (2017) or (Smith et al., 2017) Иванов и др., 2019 или (Иванов и др., 2019)

4. Авторов шесть и более

Упоминается только фамилия первого автора, затем ставится “et al.” (или «и др.») и год публикации, как в предыдущем примере.

5. Несколько работ одного автора с одним и тем же годом публикации

После года добавляются буквы а, б, в (a, b, c). Последовательность этих букв определяется порядком в библиографии, а список литературы располагается в алфавитном порядке: (Иванов и Петров, 2018б) (Smith & Jones, 2019b)

6. Неидентичные группы авторов с одним и тем же первым автором и одним и тем же годом публикации

Ссылка оформляется фамилией первого автора и столько последующих авторов, сколько нужно для установления разницы в ссылках: Иванов, Петров, Сидоров и др. (2010) и Иванов, Петров, Николаев и др. (2010) Smith, Jones, Watson, et al. (2001) and Smith, Jones, Stein, et al. (2001)

7. Если в качестве автора выступает организация (групповое авторство).

Название организации можно писать полностью каждый раз либо написать полностью один раз, а в дальнейшем использовать аббревиатуру. Общее правило следующее: во внутритекстовом цитировании должно быть достаточно информации, чтобы найти этот источник в библиографии. Аббревиатура (если это требуется) упоминается впервые с полным названием организации. После этого можно использовать аббревиатуру без полного названия организации. Российское психологическое общество (РПО, 2018) или (Российское психологическое общество [РПО], 2018) American Psychological Association (APA, 2010) or (American Psychological Association [APA], 2010)

8. Когда цитируется целый сайт, достаточно дать ссылку на сайт в тексте: Российское психологическое общество (<http://рпо.рф/>).

Размещение ссылок на несколько источников в одной ссылке

Если необходимо включить в одну ссылку несколько, их размещают в том же порядке, что и в списке литературы (а библиография выстраивается по алфавитному принципу). В качестве исключения можно отделить главную ссылку от других с помощью фразы «см. также», или «see also».

Дата источника неизвестна

Если дата неизвестна, вставляйте в скобки «н. д.» («n.d.»). Классические или религиозные источники цитируются только внутритекстово:

От Матфея 17:20 (Евангелие от Матфея)

1 Cor. 13:1 (King James Version)

Все используемые в тексте источники должны быть доступными для нахождения.

Нежелательно ссылаться на популярные, образовательные и локальные источники: газеты, неопубликованную литературу, учебные пособия, учебники, короткие тезисы докладов конференций. Не рекомендуются ссылки на авторефераты диссертаций (при необходимости лучше сослаться на саму диссертацию, и вернее – на источники, использованные в этой диссертации). Также не рекомендовано использование вторичных ссылок (например, при заимствовании для цитирования ссылок из других источников).

Список литературы

Цитированная в статье литература со всеми необходимыми элементами библиографического описания конкретного источника (автор, название, место, издательство, год издания,

интервал страниц журнальной статьи или книжной главы, том и номер (для журнального источника), URL электронного источника, дата обращения, doi) приводится в виде нумерованного списка в алфавитном порядке в конце статьи – в соответствии с стандартом APA.

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. **На все источники в тексте должны быть даны ссылки.**

Обратите внимание: при наличии у используемого источника идентификатора doi, его указание в списке литературы является обязательным.

Авторам рекомендуется использовать минимум 20 источников литературы. При подготовке статьи желательно обращаться также к иностранной литературе. Хорошо, если ее доля в списке литературы составляет минимум 20%. Количество авторских источников (при самоцитировании) не должно превышать 20% от общего числа пунктов литературы.

Желательно использовать «новую» литературу (не старше 5 лет) – это позволит читателя оценить новизну описываемого в статье исследования. Исключение составляют статьи по истории науки, с применением в исследованиях архивных материалов, а также с использованием необходимых источников без переизданий. Произвольное сокращение названий в источниках не допускается.

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES):

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском или английском языках).

В списке литературы источники располагаются по алфавиту, источники на иностранных языках располагаются после литературы на русском языке, далее – электронные ресурсы.

REFERENCES – список литературы на английском языке располагается по алфавиту, далее – электронные ресурсы.

ОБЩИЕ ПРАВИЛА ФОРМИРОВАНИЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Источники в списке литературы размещаются в алфавитном порядке. Источники с одинаковыми авторами располагаются по году публикации, начиная с самого раннего. Если один и тот же автор включен и как единственный, и вместе с соавторами, сначала следует разместить те работы, в которых он заявлен как единственный автор.

При совпадении первых авторов нескольких публикаций, их размещают в зависимости от фамилии второго автора; если совпадают и они, – то третьего и т. д. Публикации одних и тех же авторов в один и тот же год располагаются в зависимости от названия, при этом после года добавляется буква (а, б, в / а, b, с). Если в качестве автора выступает организация, ее название пишется полностью – сначала название более крупного подразделения (напр., University of Michigan, Department of Psychology). Если авторы в источнике отсутствуют, его название передвигается на то место, где должен был быть автор. Если работа подписана как анонимная, она размещается в списке с указанием слова Аноним или (Anonymous).

Запись имени автора

В начале библиографического описания источника идет фамилия автора, а потом его инициалы. Фамилии отделяются от имен запятой и пробелом, между инициалами также ставится пробел. Если имя автора разделено дефисом, дефис сохраняется, при этом после каждого инициала ставится точка:

Один автор

Author, A. A. (Year). Title of article: And subtitle. Journal Title, volume(issue), pages. doi:

Герасимов, Г.И. (2005). Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества. *Социально-гуманитарные знания*, 4, 84–96.

Jackson, J. W. (2002). Intergroup attitudes as a function of different dimensions of group identification and perceived intergroup conflict. *Self and Identity*, 1(1), 11–33. doi: 10.1080/152988602317232777

Два автора

Немцева, О. В., Михайлов, И. В., Гузенина, С. В. (2020) Научное измерение культурной дистанции и культурных границ в практике международных отношений. *Caucasian Science Bridge*, 4 (10), 36–47.

Указание тома и номера

Если в течение года в журнале указывается сквозная нумерация страниц, то в таком случае номер выпуска в источнике можно не указывать, но также можно его и оставить. Информация о номере дается в скобках после тома, при этом том лучше выделить курсивом, например: 15(1). Несколько томов или номеров разделяются тире: 14(1–2).

Страницы статьи

Интервал страниц статьи указывается после тома и номера; отмечается также с помощью тире: 248–261.

Отсутствие тома и номера

При отсутствии тома и номера у источника следует указать в скобке вместе с годом публикации месяц(ы) публикации источника: Смирнов, А. Н. (2010, Январь–Февраль). Психология как наука. *Журнал по психологии*, 10–20.

Отсутствие конкретного автора

Если у цитируемой статьи отсутствует конкретный автор, источник будет оформляться следующим образом:

Editorial: “What is a disaster” and why does this question matter? [Editorial]. (2006). *Journal of Contingencies and Crisis Management*, 14, 1–2.

Редакция: Особенность научной психологической статьи [Редакция]. (2019). *Журнал по психологии*, 24(3), 15–25.

Организация в качестве автора

Если вместо конкретного автора в источнике указана организация, она без сокращений ставится на первое место в описании (подразделения описываются начиная с самого крупного):

American College of Surgeons, Committee on Trauma, Ad Hoc Subcommittee on Outcomes, Working Group. (2001). Practice management guidelines for emergency department thoracotomy. *Journal of the American College of Surgeons*, 193(3), 303–309.

Статья в электронном издании

Фамилия, И. О. (год). Название статьи. Название журнала, том(номер). Источник URL
Author, A. (Year). Title of article. Journal Title, volume(issue). Retrieved from URL
Clay, R. (2008, June). Science vs. ideology: Psychologists fight back about the misuse of research. *Monitor on Psychology*, 39(6). <http://www.apa.org/monitor/>

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА**КНИГИ**

Фамилия, И. О. (год). Название. Место: Издательство.
Author, A. A. (Year). Title. Place: Publisher.
Маршак, А.Л. (2007). Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 424.

СТАТЬИ

Герасимов, Г.И. (2005). Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества. *Социально-гуманитарные знания*, 4, 84–96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

APA Style (2011). Режим доступа: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ И АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

Author, A. A. (Year). Title of doctoral dissertation (Doctoral dissertation). Retrieved from/ Available from Name of database. (Accession or Order number).

Author, A. A. (Year). Title of doctoral dissertation (Unpublished doctoral dissertation). Name of Institution, Location.

Фамилия, И. О. (год). Название кандидатской диссертации (кандидатская диссертация). Университет/Институт, Место.

Лубский, Р. А. (2015). Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития: (автореферат докторской диссертации). Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону.

Лубский, Р. А. (2015). Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития: (докторская диссертация). Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону.

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Беляева, Л. А. (2005). Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс. В М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова (ред.) *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. М.: Наука.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Скорынин, С.Л. (2008). К проблеме маргинальности и культуры в современной России. *Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в.: материалы всероссийской научной конференции*. СПб.: Интерсоцис.

ПЕРЕВОДНОЙ ИСТОЧНИК

В случае цитирования переводного источника после его названия в скобках записывается имя переводчика и указание на перевод:

Миллер, А. (2010). *Воспитание, насилие и покаяние* (К. Кузьмина, пер. с нем.). М.: Независимая фирма «Класс».

Luzikov, V. N. (1985). *Mitochondrial biogenesis and breakdown* (A. V. Galkin, Trans.). New York, NY: Consultants Bureau.

ИСТОЧНИКИ ИЗ АРХИВОВ И РЕПОЗИТОРИЕВ

Архивные источники включают в себя письма, материалы интервью, неопубликованные рукописи, внутренние организационные и корпоративные документы, также фотографии, которые находятся в личном владении, являются частью коллекции или хранятся в архиве или репозитории. Личные материалы (например, переписка) указываются только с разрешения владельца. В квадратные скобки включается информация, не указанная в документе, сокращения «ок.» или, в источниках на латинице, «са.» (от *circa* – около, приблизительно) используются для обозначения предполагаемых дат.

Общий образец оформления архивных источников

Фамилия, И. О. (год, число месяц). Название материала [Описание материала]. Наименование коллекции (номер телефона, почта и т. д.). Название и место расположения репозитория.

Author, A. A. (Year, Month Day). Title of material [Description of material]. Name of collection (Call number, Box number, File name/number, etc.). Name and location of repository.

ОФОРМЛЕНИЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В REFERENCES

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфавитном порядке. Требования к оформлению References основаны на **APA Style** – широко распространённой в мировых общественных науках форме оформления академических работ, разработанной Американской ассоциацией психологов. Подробную информацию по составлению библиографических ссылок и цитированию на английском языке в APA formatting and style guide можно найти по адресу: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/>

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода русскоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов. При переводе русскоязычных ссылок в APA-формат автор должен учитывать, что ссылки на латинице предназначены для иноязычного читателя и должны быть ему максимально **понятны**.

Пример оформления списка – REFERENCES:

КНИГИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. Место издания: Издательство.

Marshak, A.L. (2007). *Sociology of cultural and spiritual sphere*. Moscow: Gumanitarnaya literatura Publ.

СТАТЬИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. *Перевод названия журнала*, номер выпуска, страницы.

Gerasimov, G.I. (2005) Education – the potential of sociocultural transformation of Russian society. *Social and humanitarian knowledge*, 4, 84-96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Заглавие. (Год издания, если есть). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. (Doctoral Dissertation, университет, город)

Lubsky, R. A. (2015). *Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, the specifics of development*. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In редакторы (Eds.). Место издания: Издательство транслитерация.

Belyaeva, L.A. (2005). *Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class*. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In Название конференции перевод: *Proceedings of the Scientific Conference*. Место издания: Издательство.

Skorynin, S.L. (2008). *To the problem of marginality and culture in modern Russia*. In *Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX – beginning of the XXI century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

Пример оформления элементов статьи

УДК

Название статьи

Иван И. Иванов^{1*}, Петр П. Петров²

1 Университет, город, страна

2 Институт, город, страна

* E-mail:

Введение. Авторами доказываемся актуальность... Новизна исследования заключается в...

Методы. Используются такие методы, как...

Результаты исследования и их обсуждение. Были получены следующие результаты:...

Авторы рассматривают... В заключение делается вывод...

Ключевые слова

Введение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Методы

ТЕКСТ СТАТЬИ

Результаты исследования и их обсуждение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Заключение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Литература

Конфликт интересов

Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о наличии или отсутствии конфликта интересов.

Авторский вклад

Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о вкладе авторов в создание рукописи.

Все статьи рецензируются. Главный редактор или заместитель главного редактора журнала совместно с ответственным секретарём определяют соответствие статьи профилю журнала, и направляет ее на рецензирование специалисту, имеющему соответствующую, по отношению к теме статьи, научную специализацию. Рецензирование статей осуществляется по двойному слепому принципу: «автору не известен рецензент, рецензенту не известен автор».

Рецензирование осуществляется учеными из состава редакционного совета и редакционной коллегии журнала, а также независимыми рецензентами.

В рецензии должны быть освещены следующие вопросы:

1. Соответствие содержания статьи названию журнала.
2. Соответствие содержания статьи сформулированной теме, поставленной цели, задачам.
3. Научная актуальность статьи.
4. Научный уровень публикации: корректность использованных методик, понятийный аппарат.
5. Аргументированность статьи.

6. Использование фактических данных (в контексте российских и зарубежных исследований).
7. Оригинальность решения проблемы, научная новизна.
8. Практическая значимость: возможность использования данных статьи в административных структурах, в реальном секторе экономики, в образовательной деятельности и т. д.
9. Язык изложения (научность, доступность, логичность).
10. Использованные источники, их качественная и количественная характеристики. Наличие зарубежных источников.
11. Соответствие статьи требованиям, предъявляемым редакцией журнала к рукописям статей, направляемым для публикации.
12. Вывод о возможности опубликования данной статьи в журнале: «рекомендуется», «рекомендуется с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков» или «не рекомендуется».

Автор должен быть уведомлен о получении статьи редакцией журнала в срок не позднее семи дней. Рецензирование статей осуществляется за период от 14 дней.

В случае отклонения статьи редакция направляет автору мотивированный отказ. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Текст рецензии с мотивированным отказом направляется автору по его письменному запросу, с подтверждением, с его стороны, принятия почтовых и организационных расходов на свой счет, по электронной почте, факсом или обычной почтой.

Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционным советом журнала.

После принятия редсоветом решения о допуске статьи к публикации, администратор или ответственный сотрудник издательства информирует об этом автора и указывает предполагаемые сроки публикаций.

Оригиналы рецензий хранятся в архиве издательства в течение 5 (пяти) лет.